

FOR REAL

They'll have to decide what's
for real and what's not.

a novel

New York Times Bestselling Author
CHELSEA M. CAMERON

Два человека. Одни липовые отношения. Что могло пойти не так? Когда девственнице Шеннон Трэверс до чертиков надоедают требования подруг найти себе парня, она заручается поддержкой парня с татуировками и ирокезом — студента факультета изобразительного искусства Джетта. Он с удовольствием подыгрывает ей, согласившись на Липовые Отношения, регламентированные «Десятью правилами Липовых Отношений» которые предложила установить помешанная на контроле Шеннон. Даже несмотря на то, что ему нравится эти правила нарушать. Часто. Но что произойдет, когда станет понятно, что Липовые Отношения не такие уж... липовые? Сможет ли Шеннон позабыть с необходимостью все контролировать и впервые в жизни позволить себе чувствовать ПО-НАСТОЯЩЕМУ?

Глава 1

— Прости, что беспокою, но не могла бы ты приглядеть за моим компьютером?

— Что?

Вытащив наушники из ушей, я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с обладателем ошеломительных золотисто-карих глаз. К ним прилагаются точеное лицо и шапка черных волос, коротко стриженных по бокам и длинных, зачесанных с гелем на одну сторону, словно волна, посередине. Из-за ворота его футболки виднеется несколько татуировок. Обе руки тоже покрыты татушками, но я не успеваю их рассмотреть, так как наши глаза снова встречаются, и я моментально теряю дар речи.

Пытаюсь откопать в голове хотя бы пару слов и в конце концов ровно столько и нахожу.

— Да, конечно.

Гениально.

Он ослепляет меня быстрой улыбкой, достает из кармана мешковатых брюк трезвонящий телефон и вылетает из кафе. Я настолько погрузилась в свое домашнее задание, что даже не заметила, как он пришел, хотя он сидел за столиком прямо позади меня.

Парень ходит туда-сюда по дорожке перед кафе, с улыбкой на лице разговаривая по телефону. Поворачиваюсь и бросаю быстрый взгляд на его ноутбук, на котором открыта страничка с «Фейсбуком». Я слишком далеко, чтобы разглядеть хоть что-нибудь конкретное, но довольно хорошо знаю внешний вид этого сайта. На столе лежат стопка книг и открытый блокнот с какими-то каракулями. Рядом с компьютером стоит чашка с черным кофе, над которой вьется дымок. Разворачиваюсь обратно, чтобы он не поймал меня за шпионажем. К тому же, мне нужно вернуться к работе. Мне сейчас нельзя отвлекаться.

У меня только-только начался второй семестр на третьем курсе, и я уже почти ощущаю вкус своего диплома. Это вкус победы и плотной бумаги. Не пройдет и двух лет, как я стану бакалавром бизнеса и буду на пути к получению степени магистра делового администрирования. У меня мурашки идут по коже от одной мысли о собственном офисе на вершине зеркального небоскреба, в котором мне предстоит, сидя за столом из красного дерева и скрестив обтянутые нейлоном ноги, подписывать документы о слиянии корпораций ручкой, стоящей, вероятно, больше, чем машина, на которой я сейчас езжу. Абсолютное блаженство. Да, я хочу быть богатой, когда стану старше. Двадцать один год я прожила в

бедности. Понимаю, что счастья за деньги не купишь, но без них моя семья была очень несчастной.

Вибрирует телефон — пришло сообщение от моей соседки по квартире Хейзл. Открываю MMS и обнаруживаю фотографию пениса.

Никогда не переписывалась сексмсками с парнем. Только с Хейзл. Может, мне следует почитать что-нибудь о лесбиянстве?

«Закрой, Шеннон. Закрой и сосредоточься». Делаю три глубоких вдоха, закрываю глаза и очищаю разум. Все мысли улечучиваются, и я снова фокусирую взгляд на мониторе. Работу надо сдавать только на следующей неделе, но я никогда не жду до последнего, как все остальные, чтобы начать делать задание. Откладывая дела на потом, ничего не достигнешь, как доказали головокружительной чередой наполовину проваленных карьер и потерянных работ мои родители и старший брат Коул. Братец не справляется даже с нынешней работой продавца «травки». Возможно, потому что курит слишком много собственного товара.

Временами я не сомневаюсь, что меня удочерили. Хотя я и похожа на всех остальных членов семьи — у меня темно-русые волосы (сейчас, правда, мелированные) и голубые глаза, — веду я себя совсем по-другому. Не раз слышала, как родители размышляли, не рехнулась ли я. Само собой, они шутили, но все равно было больно слушать, как они обсуждают то, что я и сама мучительно осознавала — что я не вписываюсь. Я долбаная паршивая овца.

— Спасибо. — Парень с ноутбуком вернулся. Он опирается руками на столик и наклоняется ко мне так, что мы оказываемся лицом к лицу. Чувак, ты не слишком вторгся в мое личное пространство? — Обычно я не доверяю незнакомцам свои вещи, но ты выглядишь... — Он скользит глазами вверх и вниз по моему телу, и я ерзаю под этим внимательным взглядом. — Заслуживающей доверия, — наконец заканчивает он.

Ну, наверное, так оно и есть. Скоро мне надо будет ехать на работу (я работаю в местном банке в операционном отделе), так что на мне черная юбка-карандаш, заправленная в нее белая блузка и изящные, но удобные желто-коричневые лодочки. В противоположность моему строгому наряду парень одет в футболку с мультяшным роботом и откровенно мешковатые, хоть и не чересчур, джинсы. Любому, кто посмотрит на нас, стоящих бок о бок, станет ясно, что между нами очень мало общего.

— Полагаю, это комплимент, — говорю я, пока он возвращается к своему столику.

— Тебе решать, — отвечает он, не отрывая от меня взгляд, и наконец садится на свое место.

Качая головой, я отворачиваюсь. Мне все равно.

Начинаю вставлять наушники обратно в уши, но останавливаюсь, когда кто-то хлопывает меня по плечу.

— За твои хлопоты, — слышу я его голос, поворачиваюсь и вижу, что он стоит прямо за моим стулом, протягивая мне тарелку. — Булочка с малиной.

— Э-э-э, нет. Спасибо. Не надо. — Я только что доела черничный кекс и пью вторую чашку черного кофе.

— Уверена? Это очень вкусная булочка. Можешь завернуть и забрать ее с собой. — Он помахивает передо мной тарелкой, словно пытается меня соблазнить.

— Нет, спасибо. — Я снова отворачиваюсь в надежде, что он уйдет.

— Хорошо, тогда, наверное, я буду тебе должен.

Врубаю музыку и ничего ему не отвечаю. В ушах у меня звучит Сен-Санс. Он заглушает

остальные звуки в кафе, и я возвращаюсь к своей домашке.

Через час вношу последние штрихи и начинаю собираться. Тот парень исчез, а я была слишком увлечена работой, чтобы заметить его уход. Мои шансы снова его увидеть незначительны, поскольку в Центральном университете Мэна учится около десяти тысяч студентов, большинство из которых живут в пригородах и ездят на учебу из дома.

Произношу быструю молитву, прежде чем повернуть ключ зажигания «краун виктории»¹ (которая досталась мне за гроши, поскольку раньше была полицейской машиной), надеясь, что она заведется. Слава богу, немного пошумев, двигатель начинает работать, и я отправляюсь из центра Хартфорда в соседний городок Дирмонт, где я работаю. Паркуюсь у заднего входа в здание и засовываю карточку в дверной электронный замок. У меня полно времени, чтобы дойти до своего стола, включить компьютер и зафиксировать время прихода. Я пока еще ни разу не опаздывала. Не только потому, что ненавижу опаздывать, но и потому, что до ужаса боюсь свою начальницу.

Мое рабочее место — кабинетик, отгороженный стенами, не достигающими до потолка, — находится неподалеку от задней части здания, на «ферме», как ее все называют. Здравуюсь с немногочисленными сотрудниками, большинство из которых — мои сокурсники. Моя любимая коллега Амелия сегодня не работает. Облом. Почти во всех остальных кабинетах на стенах всего по паре фотографий, а вот у нее все стены увешаны собственными рисунками, позитивными записками и картинками с бабочками. Амелия — самый солнечный человек из всех, кого я знаю, иногда даже чересчур. Но когда она рядом, вещи не кажутся такими плохими.

Меня ждет пачка кредитных историй, которые надо отсканировать, поэтому начинаю с того, что вынимаю из них скрепки. Да, это так же скучно, как звучит, но я хотя бы могу слушать музыку. Надеваю наушники и приступаю к работе. Вот что мне приходится делать, чтобы попасть туда, куда хочется. Каждый должен с чего-то начать. Мне нужно платить по счетам, даже если это означает вынимание скрепок из двухсот страниц оценки стоимости имущества.

Три часа спустя я готова уехать домой и засесть за очередное домашнее задание. Пытаюсь нашарить в сумочке ключи и сжимаю что-то в руке. Это бумажный журавлик, сделанный из листка блокнота. Какого черта? Понятия не имею, откуда он взялся, но знаю, что утром его там не было. Мысленно возвращаюсь в кафе к тому парню с ноутбуком. Может, он его сюда бросил?

Довольно странный поступок, так что надеюсь, что это вышло случайно. Он азиат — возможно, так он просто прославляет свою культуру? Господи, это звучит по-расистски? Я не хотела.

Кручу журавлика в руке, пока иду к машине. Каблуки стучат по тротуару. Журавли должны приносить удачу или что-то вроде того, так что ставлю фигурку на приборную панель. Я не суеверна, но осторожность никогда не повредит. Не хочу рисковать, выбросив оберег.

— Я дома, — кричу я, открывая входную дверь в мою дерьмовую квартирку.

Скидываю туфли и облегченно вздыхаю. Нет ничего лучше, чем избавиться от каблуков

в конце долгого дня. Разве что, кроме возможности снять бюстгальтер. Мужчинам этого никогда не понять.

— Как там на работе?

Моя соседка Хейзл топчется на нашей микроскопической кухне над кастрюлей с чем-то непонятным. Ничего хорошего это не сулит.

— Отлично. Что ты готовишь? — спрашиваю я, опустив сумку и пытаясь прошмыгнуть мимо на случай, если окажется, что это один из ее экспериментов.

— Расслабься, они из коробки. — Она показывает пустую упаковку из-под макарон с сыром. Но мне от этого не легче, потому что она уже не раз и не два портила подобную еду. — И я купила готовый салат, а еще там есть мороженое. Так что все зашибись. — Только теперь я выдыхаю. Хейзл вынимает ложку из кастрюли и дает мне попробовать. Фу!

— Клянусь, каждый раз, как я готовлю, ты ведешь себя так, будто я собираюсь тебя отравить.

Мы с Хейзл подружились два года назад, когда жили в соседних комнатах в общежитии. У нее были проблемы с ее соседкой, у меня — с моей, и все кончилось тем, что не прошло и полгода, как мы съехались. И с тех пор живем вместе. Мы были бедны как церковные мыши, но умудрились найти квартиру в Дирмонте, и она все еще не развалилась, хоть и держится на скотче и скрепках.

Хотя мы с соседкой и ладим, внешне между нами нет ничего общего. У Хейзл роскошная смуглая кожа, и она загорает, даже если просто постоит на солнце двадцать секунд. Ее темные волосы закручиваются идеальными кольцами. Мои же пытаются жить своей жизнью, и то кучерявятся, то нет.

Если к этому добавить фигуру, от которой у парней глаза вылезают из орбит, — особенно когда она танцует — то становится понятно, почему Хейзл привлекает внимание противоположного (а иногда и того же) пола гораздо больше, чем я.

— Ты на работу?

Пару месяцев назад Хейзл устроилась барменом в бар в нашем кампусе и работает там несколько ночей в неделю. Этот вариант покруче, чем некоторые другие, которые можно найти в колледже, но чаевые отстойные, так что пришлось пойти на компромисс. По крайней мере, если кто-то из посетителей начнет буянить, можно вызвать охрану кампуса, и она, как ни странно, появится.

— Да, через час. Напомни, почему я не продала органы по интернету, чтобы заплатить за учебу?

Хватаю вилку и начинаю незаметно таскать макароны и сыр из кастрюли. Умираю от голода, так что готова рискнуть.

— Потому что это незаконно?

— Точно. Поэтому. На юридическом факультете это могут не одобрить, да?

Я киваю. Хейзл тоже берет вилку и сует ее в кастрюлю. Мы часто так обедаем. Меньше тарелок мыть.

— Скорее всего.

Мы доедаем все, что было в кастрюле. Усевшись на диван и закопавшись в очередные задания из длинной очереди никогда не заканчивающейся домашки, делим на двоих салат из пластикового контейнера.

— Это случится сегодня вечером, — провозглашает Хейзл, надевая облегающую блузку, которую всегда носит на работе.

Глубокое декольте ничего не скрывает, но так Хейзл получает больше чаевых. Я ее не виню: не мы такие — жизнь такая.

— Что случится?

Хотя мне уже известен ответ.

— Я собираюсь найти милого молодого человека, который покончит с твоей девственностью. — Хейзл направляет на меня вилку, и я отклоняюсь, чтобы она меня не пырнула.

Ну вот, опять. Напоминание о том, что я постоянный член клуба девственниц. Хотела бы я иметь для этого какую-нибудь особую причину — например, если бы хранила себя для Иисуса, или мои родители вбили бы в меня страх перед сексом, ну там, что у меня уши отвалятся и я наберу двадцать килограммов, если пересплю с мальчиком, — но ни одного подобного оправдания у меня нет.

Правда в том, что мужчины просто отвратительны. Я все еще до конца не уверена, что у них не водятся вши.

Я типа встречалась с парнями, но каждый раз, как я задумываюсь о поцелуях и ласках или приближаюсь к кому-нибудь из них, от парня странно пахнет, или у него волосы растут на костяшках пальцев, или он выдает громкую отрыжку, или совершает еще что-нибудь, от чего меня воротит.

Пару раз меня приглашали на свидания, но обычно мне приходилось ждать спасительного звонка от кого-нибудь из подруг. По школе пошли слухи, что я лесбиянка, и я не стала их опровергать. Разумеется, после этого ко мне начали приставать девчонки, но их отшить было гораздо проще.

Мне казалось, что в колледже у меня появится шанс кого-нибудь встретить. Но вот она я, проучилась здесь уже больше двух лет, а этот приятель что-то не показывается. В кампусе, само собой, множество парней, но большинство из них уже заняты. Или геи. Или занятые геи. Или откровенные ничтожества. Или подающие надежды алкоголики. Или занятые подающие надежды алкоголики-геи.

Поскольку подруги постоянно терпят поражение в попытках свести меня с парнем, с которым я бы стала встречаться, они понизили планку своих ожиданий и теперь просто мечтают, чтобы я с кем-нибудь перепихнулась.

Не то чтобы я афишировала свою девственность, но это становится очевидным, когда народ напивается и принимается делиться разными историями, а я краснею и убегая в ванную, когда все начинают рассказывать про свой первый раз.

— Сколько раз тебе повторять, что мне и так хорошо? Это случится, когда должно будет случиться.

Мой ответ всегда один и тот же. Даже несмотря на то, что это, наверное, бред собачий.

Хейзл качает головой, трясая кудряшками.

— Вот только не начинай эту фигню про фею-крестную и «сбычу мечт». Перед нами не стоит цель найти твоего прекрасного принца. Мы просто ищем не слишком стремного парня, который окажет тебе услугу. Думай о нем как о... водопроводчике.

Она выуживает со дна лотка с салатом последние несколько сухариков.

— Водопроводчике? Где ты видела сексуальных водопроводчиков? Ну, кроме как в порно?

Еще одним пунктом в списке того, что заставит меня захотеть секса, у моих подруг значится просмотр порнофильмов. Я выдержала пять минут, после чего сбежала, умоляя их

выключить это. Смотреть, как другие люди... делают подобные вещи? Не понимаю, как кто-то может считать это сексуальным. Плюс к этому, девушки в фильме были какими-то невероятно гибкими. Я ни за что не смогу так изогнуться.

С тех пор меня заклеили ханжой.

— И почему ты так на этом зацкливаешься? Я же знаю, что у тебя есть маленький дружок на батарейках.

— Ну есть, и что? Если я девственница, то не должна ничего знать о своем теле? — Хейзл тоже пару раз меня удивила, когда я считала, что одна дома. — У меня есть либидо, Хейз. То, что я девственница, не мешает мне испытывать возбуждение.

На самом деле я, вероятно, испытываю его даже чаще, чем среднестатистическая девушка, просто потому что мне приходится... сдерживаться.

— Нам всего лишь нужно взять это возбуждение и перенести его на что-нибудь с пенисом. Настоящим пенисом. С прилагающимся к нему парнем.

Качаю головой и отправляюсь в душ.

Глава 2

Когда я выхожу из душа, Хейзл кричит, что ей пора на работу. Надеваю любимый спортивный костюм и сажусь за очередное домашнее задание. Я НИКОГДА не покончу с домашкой. Или, может, она никогда не покончит со мной.

Закончив все, что на сегодня запланировано, наконец-то позволяю себе награду: несколько глав купленной на прошлой неделе книги. Это душещипательный современный любовный роман, и я знаю, что обязательно над ним расплачусь. Хейзл постоянно твердит, что, я пропускаю массу всего интересного в колледже, но я предпочитаю не просыпаться на полу в чужой квартире под голым незнакомцем, не понимая, как тут оказалась. Если это делает меня неудачницей, то, думаю, я буду с гордостью носить этот ярлык. Нагуляюсь от души, когда добьюсь своей цели.

Ставлю телефон на подзарядку, убедившись, что будильник включен на семь утра, и тушу свет. Пытаюсь заснуть, но в голове крутятся разные мысли, которые мешают спать. Не люблю зацкливаться на негативе — это все равно ничего не даст, — но сегодня ничего не могу с собой поделать. Во всем виноват Парень-с-ноутбуком.

Возможно, я до сих пор не нашла хорошего парня, потому что его просто не существует? Потому что во мне есть нечто такое... на что у них аллергия? Меня к ним, само собой, тянет, но как только доходит до дела, я просто... ничего не могу с собой поделать. Нахожу недостатки, и меня от них воротит.

Я помешана на контроле. Мне можно об этом не сообщать — я и сама все знаю. С тех самых пор, как взбесилась, когда мама сложила карандаши в коробку в неправильном порядке. Мне всегда было необходимо, чтобы все вещи лежали на своих местах. Просто чудо, что я не страдаю обсессивно-компульсивным расстройством. Хейзл постоянно предлагает мне провериться у врача, когда я по пятнадцать минут переставляю в правильном порядке тарелки, которые она достает из посудомойки.

Секс же — одна из тех вещей, которые абсолютно не поддаются контролю. Ты отдаешься на милость другого человека в момент, когда наиболее уязвим, а он отдается тебе. Не думаю, что я к этому готова. К... близости. Меня подташнивает даже от одной мысли об этом.

Остаток ночи мечусь и кручусь на кровати, непрестанно думая о сексе, пока не понимаю, что это уже чересчур. Приходится несколько раз снять напряжение, просто чтобы получилось уснуть. Можно ли считаться нимфоманкой, если занимаешься сексом исключительно сама с собой?

В конце концов, проваливаюсь в тревожный сон и с утра зла на весь белый свет.

Хейзл возвращается с работы и уходит к себе, так что я изо всех сил стараюсь не шуметь, пока собираюсь и выхожу из дома, чтобы отправиться в кампус навстречу еще одному дню моей студенческой жизни. Сев в машину, ставлю термокружку в чашкодержатель и натыкаюсь на бумажного журавлика. Пожав плечами, отправляю его в сумку. Он может составить компанию моим ручкам.

Таскаю журавлика с собой всю неделю, но Парня-с-ноутбуком больше не вижу. У Хейзл тоже так и не получилось найти для меня кого-нибудь на работе, так что в пятницу вечером я в тысячный раз слышу, что должна быть готова отправиться на поиски. Класс, класс, класс.

Иногда мне хочется просто сказать подругам, что они могут пойти и трахнуть сами себя. А меня оставить в покое. Я прямо вижу, как это могло бы быть, но ничто не заставит их отказаться от тщетных попыток. На самом деле, девчонки, возможно, даже удвоят свои усилия. Поэтому я завиваю волосы, накладываю вечерний макияж — чуть более сексуальный, чем тот, что я обычно использую днем, — и не забываю выигрышно подчеркнуть грудь. Выбор развлечений у нас небольшой, а местные бары более чем счастливы обслуживать студентов. Несмотря на то, то Хейзл сама работает в баре, такое ощущение, что единственное, чем ей хочется заниматься в свободное время, так это... ходить по барам.

— Вы что, еще не готовы?

Джордин, наша южная красавица (которая все время это отрицает, несмотря на исчерпывающие доказательства), стоит в кухне и нетерпеливо постукивает каблучком. Оставаясь в глубине души девушкой из Южной Каролины, она почему-то убеждена, что ее воспитание никак на нее не повлияло.

Джордин достает из сумочки упаковку жевательной резинки и дает мне одну пластинку, второй рукой взбивая свои шоколадные локоны, которые совершенно не нуждаются в дополнительном объеме. Джордин обожает, когда на ее плечах и шее пляшут буйные кудряшки, и отлично разбирается в начесах.

— Хейзл нужно еще немного времени, — отвечаю я, застегивая ремешок на босоножке.

Джордин закатывает глаза.

— Девчонки, ну вы идете? — заглядывают в двери Дейзи и Кэсс.

Они высокие и стройные, словно статуэтки — сучки! У Дейзи темные волосы до плеч, а Кэсс — рыжеватая блондинка и носит боб. Девочки дружат со школы, и мы встретились в первую же неделю учебы, когда я случайно столкнулась с ними в туалете общежития, где решала возникшие с одеждой проблемы.

Джордин появилась в нашей компании последней, Хейзл познакомилась с ней на одной из лекций в прошлом году. Удивительно, как случайная встреча может перерасти в многолетнюю дружбу.

Иногда мне кажется, что я не могу найти парня, потому что дружу только с девчонками. Разумеется, я могу общаться с ребятами. Не настолько я асоциальна. Просто в присутствии парней я... постоянно ляпаю какую-нибудь ерунду, которая ставит меня в неловкое положение. Или делаю какую-нибудь ерунду. Или и то, и другое. А потом мне приходится сбегать к подругам, а они начинают мне выговаривать, и тогда я умоляю их поехать домой.

— Сегодня та самая ночь! — провозглашает Хейзл, со стуком распахивая свою дверь и принимая эффектную позу.

Блестящий черный топ, облегающий ее грудь, отлично сочетается с обтягивающими джинсами и ШС — шлюшкиными сапожками.

— Какая «та самая»? — интересуюсь я, хотя отлично знаю ответ. Мы проходили это много раз.

— Сегодня ночь, когда ты, Шеннон Трэверс, наконец-то тра-а-ахнешься. — Хейзл резко двигает бедрами вперед, словно занимается с кем-то сексом. От ужаса у меня сводит живот.

Остальные девчонки раздражаются одобрительными возгласами и аплодисментами, и что-то замирает у меня внутри.

— Э-э-э, вы не забыли, сколько раз уже пытались кого-то мне найти? И сколько раз у вас это получилось? — напоминаю я, разглаживая складки на рубашке.

— Сегодня все выйдет, у меня предчувствие. Хейзл-чувства просто-таки зудят, — заявляет подруга, пошевелив носом.

О, она просто напрашивается. Щелкаю ее по носу, и она взвизгивает.

— Да, мне кажется, я тоже это чувствую, — соглашается Джордин, и Дейзи с Кэсс кивают, словно сиамские близнецы.

— Это *произойдет*, Шен, — говорит Кэсс, похлопав меня по плечу.

Не слишком-то вдохновляет. Я особых надежд на сегодняшний вечер не возлагаю.

У всех девчонок уже был секс, а Кэсс и Джордин сейчас встречаются с парнями. Дейзи недавно разошлась с молодым человеком, а Хейзл не ходит на свидания в принципе. Как ни крути, я пятое колесо в телеге. Их несчастная девственная подруга.

Ненавижу все это.

Они все еще обсуждают, как найти мне парня, пока мы загружаемся в машину Кэсс. Сегодня ее очередь быть трезвым водителем, и, судя по ее непрестанному ворчанию, она от этого не в восторге. Мне стоило бы с ней поменяться, но если случится так, как они надеются, я уеду домой с парнем. Клянусь, рано или поздно они просто кому-нибудь заплатят, чтобы он отвез меня домой. Или, может, сбросятся и закажут мне откупоривателя девственниц по почте.

Когда мы въезжаем на парковку наименее опасного в Хартфорде бара, девчонки раздражаются одобрительными криками. Я убеждаю их, что радуюсь в душе.

Вдохнув напоследок прохладный свежий воздух, позволяю подругам затащить меня в темный жаркий шумный бар. Опять у меня ничего не получится.

Увы, все идет как обычно. Мы заказываем коктейли «Секс на пляже», находим себе уголок, и подруги начинают оценивающе осматриваться по сторонам, в то время как я жду момента, когда можно будет насладиться танцами. Может, я и одержима контролем, но

вопреки тому, что думают девчонки, мне действительно нравится забывать обо всем на свете на танцполе. В школе я ходила в танцевальный кружок, но его расписание не состыковалось с другими моими занятиями, когда я поступила в колледж, так что танцы пришлось бросить. Мне их не хватает. Есть что-то чудесное в том, как ты ощущаешь свое тело и его движения, погружаясь в песню и ненадолго уходя от реальности. Окружающий мир теряет свои очертания, и я не чувствую себя неловко и неуместно. Но мы не можем начать танцевать, пока я не отвергну как минимум три кандидатуры. Ну или так это обычно происходит.

— Как насчет него? — спрашивает Дейзи, потягивая коктейль и наклонившись ко мне поближе, чтобы я ее слышала. Она указывает подбородком на группу парней у барной стойки. — Серая рубашка, бейсболка.

Я стараюсь оценить кандидата объективно. Он стоит боком и с кем-то разговаривает. У обоих в руках светлый «Бад». Если вы поищите в словаре «среднестатистического мужчину двадцати с чем-то лет из Мэна», то наткнетесь на портрет этого молодого человека. Просто... обычный. Ничем не выделяющийся. Наверное, можно сказать, что у него красивые руки и милая улыбка. Но он, вероятно, не любит читать, зато очень увлекается спортом. Кого я не выношу — так это парней, которые подшучивают надо мной, когда я прихожу в восторг от какой-нибудь книжки, а потом отворачиваются и приходят в еще больший восторг от какой-то идиотской спортивной команды.

Смотрю на Дейзи. Она сама должна искать себе молодого человека, но вместо этого сидит здесь и помогает мне. Не могу же я сердиться на нее за это?

— Ну? — переспрашивает она, допивая коктейль.

Перевожу взгляд на парня, который, почувствовав, что мы на него пялимся, тоже не сводит с нас глаз.

— Так себе, — пожимаю я плечами.

Он не подходит для того, чтобы потерять с ним девственность. Даже если бы я его заинтересовала. В данный момент он, не отрываясь, смотрит на Дейзи, которая этого не замечает.

— Ты невозможна! — восклицает Дейзи и, покачав головой, уходит за второй порцией.

Парень пытается с ней заговорить, но она не обращает на него внимания.

Мы наконец-то отправляемся на танцпол, берем еще парочку коктейлей, а я отвергаю еще несколько кандидатур. Подруги берутся за меня всерьез, стараясь направить ко мне любого подъезжающего к ним парня, но мне удастся излучать достаточно отталкивающих вибраций, чтобы их взгляды на мне не задерживались. В редких же случаях, когда они действительно хотят пообщаться, отвечаю односложно, одновременно мысленно подсчитывая их недостатки. Кривые зубы, жуткий дезодорант, бородавка на указательном пальце, непрестанно называет меня чувихой, не понимает, что нет такого выражения «вне независимости»...

Девчонкам наконец-то до чертиков надоедает со мной возиться, и они требуют, чтобы я поговорила с кем-нибудь хотя бы пять минут. Хейзл даже собирается запустить на мобильнике таймер. Наверное, это я могу. Пять минут меня не убьют. Оглядываюсь по сторонам, высматривая кого-нибудь, с кем смогла бы спокойно побеседовать пять минут без того, чтобы ощутить желание наложить на себя руки или сбежать.

И тут вижу его. Как маяк в туманный вечер, в дверях появляется Парень-с-ноутбуком из кафе. Мой спаситель. Киваю подругам, указывая на него. Они дружно выражают одобрение, подняв вверх большие пальцы, так что я уверенным, как мне хочется надеяться, шагом

направляюсь к нему. Похоже, он пришел один, так даже лучше. Парень-с-ноутбуком разглядывает толпу, словно кого-то ищет, а потом его взгляд натывается на меня. Несмело ему машу.

— Привет, — говорю я. Или кричу. Музыка играет очень громко.

Чувствую, как девчонки пелятся мне в спину.

— Привет. Рад снова тебя видеть, — улыбается он, и у меня подкашиваются колени. —

Ты, э-э, часто сюда приходишь?

Ух ты, теперь он взволнован? А в кафе был так уверен в себе.

— Ага. — Блестящий ответ. — То есть я не то чтобы прихожу сюда совсем часто, но иногда прихожу. — Просто гениально.

— Хочешь что-нибудь выпить?

Поднимаю руку со стаканом, показывая, что мне ничего не надо. Интересно, сколько уже прошло минут? Должно быть, осталось совсем немного. Они за мной придут, когда время истечет? А может, крикнут, чтобы я шла к ним, или тихонько шикнут?

— О, ты не одна? — интересуется он.

— С подругами. Они во-о-он...

Опускаю руку, потому что там, где я оставила девчонок, никого нет. Никто не сидит и не наблюдает за моими пятиминутными мучениями. Я быстро оглядываю зал и никого не нахожу. Какого черта?

— М-м-м, они только что были здесь. Извини, я сейчас.

Хочу достать телефон, но вспоминаю, что оставила сумочку на столике. Ее там нет. Они взяли мою сумочку в заложницы, чтобы удостовериться, что я с ним поговорю. И, наверное, хихикают сейчас в туалете или, может, прячутся в каком-нибудь уголке. Да, вон они. Увидев, что я их засекла, Хейзл показывает на мою сумочку и качает головой.

— Что-то случилось? — спрашивает Парень-с-ноутбуком.

— Да нет. Просто паршивая выдалась ночь.

Они решили, что это будет смешно, и я, наверное, посмеялась бы, если бы они так не давили и не были так настойчивы бесчисленное количество раз. Это не безобидная шутка. Не для меня. И в этот момент у меня не выдерживают нервы, и я решаю, что с меня хватит. Я поворачиваюсь к Парню-с-ноутбуком и произношу слова, которые никогда раньше не говорила незнакомому человеку:

— Это прозвучит очень странно, но ты не мог бы отвезти меня домой?

На секунду глаза Парня-с-ноутбуком округляются от удивления. Он смеется и качает головой.

— Ну, если ты это так называешь...

Теперь моя очередь испытывать потрясение.

— О боже! Я не прошу тебя заняться... ну, ты понимаешь... Мне просто надо, чтобы ты меня подбросил. На машине. То есть мне надо, чтобы ты сел за руль, я села рядом на пассажирское сидение, и ты отвез меня домой. Как водитель. Просто отвез. Не эвфемизм.

Как же здорово, что в баре достаточно темно, чтобы он не видел, как пылает мое лицо.

Отлично, можно добавить этот момент к списку причин, по которым я вечно одинока. Шмыгаю носом и стараюсь не оглядываться на подруг.

— Да, конечно. Должно быть, ты в отчаянии, если решилась попросить об этом незнакомца.

Я могу на это ответить лишь одно.

— Ты не совсем незнакомец. Ты Парень-с-ноутбуком.

Он снова смеется, и мне становится чуточку лучше. По крайней мере, есть на свете один человек, который добр ко мне.

— Я собирался встретиться здесь со своим соседом, но все равно не могу его разыскать, так что пошли. — Он открывает передо мной дверь. Я даже пальто не могу забрать, потому что оно у девчонок. Вероятно, чтобы я не ушла, не предупредив их. Мы выходим из бара не оглядываясь и направляемся к его машине. — Кстати, хотя в моем свидетельстве о рождении и стоит имя Парень-с-ноутбуком, но обычно меня зовут Джетт. Вообще-то это мое второе имя, но выговорить первое никто не в состоянии.

Крутой парень, крутое имя. Немногим так повезло. Но он определенно не сошел бы за Уинстона или Дэвида.

— Привет, Джетт, я Шеннон.

Глава 3

Джетт ведет меня к машине. Такое чувство, что для ее сборки несколько других автомобилей разобрали на запчасти, а потом сварили их, словно лоскутное одеяло. Они даже не одного цвета.

— М-м-м, — мнусь я, когда он открывает передо мной пассажирскую дверь.

— На вид она не очень, но доставит, куда нужно. Боишься, принцесса?

Ладно. Итак, я попросила парня об одолжении и знаю, как его зовут, а теперь он называет меня принцессой? Как-то слишком... интимненько.

Должно быть, Джетт замечает смущение на моем лице или мое колебание перед тем, как сесть в машину. Он тут же идет на попятный.

— Эй, ладно, извини. Если хочешь, я могу вызвать тебе такси.

— Нет, все в порядке, — отвечаю я, скользнув на пассажирское сидение.

Я думала, кресло будет вонять машинным маслом или грязными носками, но оно довольно приятно пахнет, словно Джетт только что его почистил и повесил где-то в машине освежитель воздуха. Джетт садится за руль и пристегивается. Поворачиваю голову к центральному входу в бар и вижу своих подруг. Или кто они мне теперь? Сердито смотрю на девчонок. Хотелось бы мне почувствовать чуть больше удовлетворения от одинакового выражения потрясения на их лицах, но не выходит. Хейзл направляется к нашей машине.

— М-м-м, если ты не против, было бы здорово уехать отсюда.

Джетт с усилием переключает передачу, мы трогаемся и подъезжаем прямо к моим подругам.

— Ты их знаешь?

— Ага. Конкретно сейчас они возглавляют список людей, которых я ненавижу.

Джетт понимающе кивает, а потом обнимает меня.

— Возможно, тебе также захочется улыбнуться так, будто я сказал что-то смешное, — предлагает он, медленно проезжая мимо девчонок.

— Ну, если ты скажешь что-нибудь смешное, я так и сделаю.

Он поворачивается ко мне и произносит одно слово:

— Пенис.

Запрокинув голову назад, я начинаю хохотать во все горло в тот самый момент, когда мы проезжаем мимо моих «подруг». Джетт смеется вместе со мной, нажимает на педаль

газа, и под аккомпанемент визга шин мы вылетаем с парковки, определенно оставляя на асфальте следы покрышек. Как только мы оказываемся вне поля зрения девчонок, я выбираюсь из-под руки Джетта. Поверить не могу, что он заставил меня смеяться.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Так куда тебя подвезти?

Теперь мне придется попросить его еще об одной услуге.

— Дело вот в чем. Я не могу прямо сейчас вернуться в свою квартиру, так что ты просто высади меня где-нибудь, а я немного погодя возьму такси.

Джетт качает головой и тормозит на обочине.

— Я ни за что не брошу человека, который выглядит как ты, одного в субботний вечер. Я знаю, что мы только что познакомились и все такое, но если тебе надо куда-то пойти, можем поехать ко мне. Мой сосед по-прежнему неизвестно где шляется. Или можем поехать еще куда-нибудь, но я точно не покину девушку, охранявшую мой ноутбук.

— Тебе правда... правда не обязательно это делать. Я могу, м-м-м...

Мне на самом деле некуда больше идти. Действительно некуда. Если только я не хочу ночевать в библиотеке. Плавали, знаем.

— Я не серийный убийца, клянусь, — говорит он.

— Эм-м-м, вероятно, именно это и сказал бы серийный убийца. Я к тому, что вряд ли они разгуливают вокруг с табличками в руках или в футболках с надписью «Привет, меня зовут Джек, и я серийный убийца».

— Согласен. Но настоящий серийный убийца, наверное, не стал бы упоминать о серийных убийцах. Ну, знаешь, потому что это было бы слишком очевидно.

Тут он прав.

— Ну так что, я могу отвезти тебя к себе? — спрашивает Джетт, кладя руки обратно на руль. — Безо всяких стремных сексуальных намеков и попыток закадрить?

Вздыхаю, поскольку у меня нет другого выбора. Разве только попросить его отвезти меня обратно.

Нет, только не это. Я доведу дело до конца.

— Конечно.

— Только не радуйся так сильно, — смеется он, сигналист и выезжает на дорогу.

— Извини. Ночка выдалась просто отстойная. Долгая история. Мне бы не хотелось об этом говорить.

Джетт понимающе кивает. Это еще и неловкая история.

— Ну, я просто хотел сказать, что настоящий друг никогда не заставит тебя чувствовать себя дерьмом. Мое личное мнение.

Не знаю, о чем еще говорить — я совершенно не умею болтать о пустяках и обычно ляпаю что-нибудь невпопад, — но у Джетта и в этой сфере, оказывается, талант. Я узнаю, что он изучает изобразительное искусство и ему тоже двадцать один. Он расспрашивает о моей специальности и о некоторых предметах. Это помогает мне перестать думать о том, насколько я сердита и обижена, и я осознаю, что улыбаюсь и смеюсь. Джетт просто заражает позитивом.

Мы выясняем, что в прошлом году вместе ходили на одни лекции, начинаем болтать о безумном профессоре, и не успеваю я опомниться, как мы сворачиваем к тому, что, вероятно, когда-то было зданием, но теперь походит на него лишь отдаленно. Оно столько раз красилось и перекрашивалось, что я даже угадать не берусь, какого оно должно было

быть цвета. Окна напоминают глаза, и их настолько покорежило, что вид дома приводит в уныние.

— Да, это жалкая хибара. Но я жалкий бедняк, так что она как бы мне подходит, правда?

— Да нет, она, м-м-м... — Я пытаюсь придумать хоть какие-нибудь добрые слова об этом доме. — Ладно, хорошо, это жалкая хибара. Но уверена, что ты сделал с ней все, что мог. Моя ненамного лучше. — Это очень любезно с моей стороны. Я думала, что у меня плохой дом, но по сравнению с его жилищем это просто особняк с фонтанами и кольцевой подъездной дорожкой, а трейлер, в котором я выросла, — отель «Четыре сезона».

Он смеется и обходит машину, чтобы открыть мне дверь, прежде чем я успеваю сама это сделать. Я настолько удивлена, что не могу ничего поделать с застывшим на лице потрясением.

— Прости. Это привычка. Мои родители были вроде как строгими.

На секунду с Джетта слетает обычная маска жизнерадостности. Потом он снова улыбается и ведет меня к дому. Ему требуются два ключа и два пинка ногой, чтобы открыть дверь.

— А еще есть секретный пароль, если пинки не сработают, — сообщает он мне, пропуская внутрь.

— Какой? — шепотом спрашиваю я.

Джетт наклоняется ко мне, и его дыхание согревает мое ухо. Очень по-хорошему согревает. Не страшно. А еще от него хорошо пахнет. Не разит потом, но и не несет «Аксом». Просто легкий аромат... может, туалетной воды? Такой освежающий — на флаконе, вероятно, написано что-нибудь вроде «Тропический лес». Очень вкусно. Пожалуй, я не против вдыхать его еще и еще, но Джетт отодвигается.

— Если скажу, мне придется тебя убить.

— Ах, так значит, ты все-таки серийный убийца.

В ответ Джетт просто смеется. Бросаю на него сердитый взгляд, но он обгоняет меня и проходит внутрь.

— Показать тебе квартиру? — Джетт обводит рукой гостиную, где стоит один из этих страшных как смертный грех (если есть еще что-то более страшное, то он именно такой) диванов в клетку, который он, вероятно, выбрал на какой-нибудь гаражной распродаже, кофейный столик, заваленный пустыми красными пластиковыми стаканами, коробками из-под пиццы и другим мужицким хламом.

— Да, конечно.

Пытаюсь не смотреть на пол, пока Джетт ведет меня через гостиную. За ней оказывается кухня размером с почтовую марку. В ней полно желтых шкафчиков, стоящих тут, наверное, с семидесятых, и всевозможных бытовых приборов, лет которым явно не меньше, чем шкафчикам. Они такого, знаете, уродского зеленого цвета — надо было быть под кайфом, чтобы посчитать его привлекательным.

Джетт потирает затылок, видно, что он немного смущен царящим здесь кавардаком. В раковине тарелки, на кухонной стойке еще несколько коробок из-под пиццы, и, к тому же, в воздухе чувствуется легкий запах прокисшего пива.

— Знаешь, я махнул рукой на попытки поддерживать здесь порядок. Мой сосед просто снова разводит эту грязь. Он неплохой парень, только не понимает, что убираться надо постоянно. — Меня поспешно выводят из кухни.

— М-м, ванная и туалет здесь. Там, по крайней мере, всегда чисто, у меня на этот счет небольшой пунктик.

Джетт указывает на дверь в ванную, и я предупреждаю свой мочевой пузырь, что, как бы надолго я здесь не задержалась, придется потерпеть, потому что ни за какие коврижки я не воспользуюсь здешним туалетом, сколько бы Джетт меня не уверял, что он совершенно чистый. Я скорее в лесу пописаю.

— А это... э-э... моя комната, — говорит он, открывая дверь по соседству с ванной.

Пытаюсь морально подготовиться к тому, что увижу какую-нибудь отвратительную берлогу, но она совсем не такая. Чтобы прикрыть стены, обшитые жуткими потемневшими деревянными панелями (кому ВООБЩЕ могло прийти в голову, что это хорошая идея?), он развесил повсюду репродукции известных картин, которые перемежаются, насколько я понимаю, его собственными работами. Наполовину законченные рисунки выполнены тушью на белой бумаге — одни цветными чернилами, другие только черными.

Комнатка невелика, но благодаря картинам кажется немного больше. Из мебели в спальне только покрытая ярко-красным пледом кровать, заваленный бумагами и заляпанный красками стол и комод, на котором стоит лампа. Тут чисто и аккуратно, ощущение даже, что картины на стенах развешивались в каком-то особом порядке.

— Ничего себе! Это ты нарисовал?

Подхожу к наполовину законченному портрету маленькой девочки. В простоте рисунка чувствуется что-то давинчиевское.

— Да, это моя младшая сестра Ривер. Здесь ей девять.

При упоминании сестры в голосе Джетта снова появляются напряженность и нотки грусти. За этим явно скрывается какая-то семейная драма. Я в таких делах разбираюсь, но не хочу показаться странной, ляпнув что-то не то, поэтому просто продолжаю рассматривать стену.

Замечаю несколько бумажных журавликов, сделанных из разных материалов. Некоторые развешаны на стенах, другие раскиданы по комоду.

Беру одного из тех, что лежат на комод. Он сложен из листка с контрольной, за которую Джетт получил хорошую оценку.

— На меня иногда накатывают приступы паники, а когда я их делаю, это меня успокаивает, — поясняет он. — Теперь это вошло в привычку. Наверное.

Я оборачиваюсь и вижу, что он все еще стоит в дверях. О нет. Это один из тех моментов, когда я непременно сморожу какую-нибудь глупость.

— Иногда, когда я паникую, то пытаюсь угадать по характеру человека, какое он носит нижнее белье. Ну знаешь, говорят, что если нервничаешь, надо представить голыми людей, перед которыми выступаешь? Это меня пугает, поэтому я представляю, какое у них белье. Не то чтобы я делала это сейчас, потому что это было бы странно...

К счастью, в этот момент мне удастся заткнуться. Я краснею сильнее, чем плед на его кровати, и бросаю журавлика обратно на комод.

Джетт молча смотрит на меня, словно не знает, что на это ответить, а потом, покачивая головой, начинает смеяться.

— Ну, наверное, каждому свое.

Я чуть-чуть умираю внутри и молюсь, чтобы он предложил вернуться в гостиную.

— Может, кино посмотрим или как?

Джетт кивком головы указывает в сторону гостиной.

— Да, конечно.

Все еще сгорая от стыда, выхожу из спальни, и он закрывает за мной дверь.

— Ах да, давай я тут сперва немного приберу.

Диван усыпан всяким хламом, включая несколько толстовок, коробки из-под еды на вынос и еще больше красных пластиковых стаканов. Часть меня хочет построить из них крепость. Если бы они были чистыми, я бы, может, так и сделала.

Бормоча что-то под нос, Джетт убирает весь мусор и приносит из своей спальни плед, чтобы накрыть им диван.

— М-м-м, да. Ты, наверное, захочешь, чтобы между тобой и диваном была преграда. Не спрашивай. Просто поверь.

От удивления у меня открывается рот, и он снова смеется. От смеха в уголках его глаз появляются морщинки, и я не могу сдержать улыбку, хотя вовсе не хотела улыбаться. Смех что, так же заразителен, как зевки?

— Извини. Если бы ты знала Хавьера, то все бы поняла, но, к счастью, тебе не придется с ним встречаться.

Джетт садится на диван и похлопывает по пустому месту рядом с собой.

На секунду задумываюсь, как все это странно. Я собираюсь сесть и смотреть кино с парнем, с которым едва знакома (который чудесно пахнет и у которого красивая улыбка), чтобы мои подруги подумали, что я теряю девственность с упомянутым парнем. И это теперь моя жизнь?

— Я не кусаюсь, клянусь, — говорит он и снова улыбается.

При мысли о том, что я буду сидеть рядом с ним, у меня от волнения немного сводит живот, даже несмотря на то, что этот диван меня пугает.

Я сажусь, оставляя между нами минимум фута, и такое чувство, словно это пространство можно пощупать. Стена. Джетт хватается пульта и включает телевизор. Это шикарный девайс с плоским экраном, и стоит он, наверное, больше, чем вся мебель в доме, вместе взятая.

— Это телик Хави, — поясняет он в ответ на мой незадачный вопрос. — Ладно, в общем, у нас есть фильмы со взрывами, фильмы с роботами и взрывами и фильмы с супергероями и взрывами. Потом немного по-настоящему странных порнофильмов, которые принадлежат Хави, «Мальчишник в Вегасе», «Немножко беременна», «Суперперцы», «Миссия «Серенити» и зачем-то «Дрянные девчонки». Честно говоря, я понятия не имею, откуда у нас этот диск. Прости, выбирать больше не из чего.

На самом деле, выбор неплохой, кроме разве что порнофильмов. Ни за что в жизни я не стану смотреть их с ним. Мне нравятся и роботы, и взрывы, и все остальное, и я большая поклонница супергероев, но мой окончательный выбор в пользу последнего упомянутого им фильма.

— А ты смотрел «Дрянных девчонок»?

— Нет. Вообще-то диск выглядит немного отстойно.

Ну, это решает дело.

— Неправда, это самое лучшее в мире кино, так что именно его мы и посмотрим.

Перехватив инициативу, я встаю, достаю коробку с диском с полки рядом с телевизором, на которой «Дрянные девчонки» единственные выделяются розовым пятном. Теперь остается выяснить, как работает дурацкий навороченный DVD-проигрыватель. Нажимаю на то, что, как мне кажется, должно быть кнопкой извлечения диска, но ничего не происходит. Вот почему у меня не бывает хороших вещей.

— Сюда, — вдруг раздаётся голос Джетта.

И совершенно неожиданно Джетт оказывается за моей спиной и дышит мне в ухо, и я не могу пошевелиться. Меня буквально парализует, а он протягивает руку сбоку от меня, чтобы нажать нужные кнопки, и из проигрывателя выезжает каретка, на которую можно положить диск.

Татуировки полностью покрывают его руку до самого запястья. Я каким-то образом заставляю тело двигаться, кладу диск на место, поворачиваюсь и практически врезаюсь в Джетта, но он придерживает меня за плечи, чтобы избежать столкновения, и нервно смеется:

— Осторожнее!

Я чувствую, как по телу, от макушки до пальцев ног, бегут мурашки, ощущаю легкое покалывание, очень похожее на то, когда рука онемела во время сна и потом начинает отходить. Ну знаете, словно тебя колют маленькими булавочками и иголочками. Только у меня отходит все тело разом.

— Прости. У меня, м-м-м, не всегда так плохо с координацией.

Его руки по-прежнему на моих плечах, а диск уже начал проигрывать трейлеры, но никто из нас, похоже, не способен пошевелиться. А потом Джетт как будто мысленно дает себе пинка. Он отступает и снова садится на диван. Через секунду я следую за ним.

— Обычно я ношу туфли на каблуках, и, наверное, в них лучше сохраняю равновесие, чем в обуви на плоской подошве. В этом нет никакого смысла, но это правда, — тарыхчу я, в то время как он проматывает оставшиеся трейлеры и переходит прямо к главному меню диска, однако фильм так и не запускает.

— Ты не хочешь... э-э... попкорна или еще чего-нибудь? Извини, мне нужно было раньше спросить. Хреновый из меня хозяин. Я нечасто принимаю гостей. Ну или по крайней мере не я их развлекаю. Это прерогатива Хави.

Джетт встает, и у меня складывается впечатление, будто ему нужна причина, чтобы от меня сбежать. Что за?.. Я совершенно сбита с толку. Ну не могла я сделать ничего такого, чтобы он захотел держаться от меня подальше. Разве что от меня плохо пахнет, и он слышит этот запах, когда находится рядом.

О господи, от меня что, воняет? Пока Джетт копается в холодильнике, я быстренько нюхаю подмышки. Нет, дезодорант по-прежнему работает, а еще я перед выходом немного душилась и до сих пор чувствую легкий аромат туалетной воды, поэтому не думаю, что от меня плохо пахнет. Если только я не из тех людей, которые не знают, что от них воняет, потому что настолько привыкли к собственному запаху...

— У меня нечего пить, кроме пива, апельсинового сока и воды. Прости, я давно не ходил в магазин. Похоже, ты приехала не в самое лучшее время, — говорит Джетт, отвлекая от паники по поводу того, не воняет ли от меня.

— О, м-м-м, вода подойдет.

Он наливает два стакана и ставит в микроволновку пакет с попкорном. Когда тот готов, Джетт возвращается.

Он протягивает мне стакан, наши пальцы соприкасаются, и по моей руке снова начинают бежать легкие мурашки. Я чувствую, как краснею, поэтому отворачиваюсь и беру пульт, чтобы запустить фильм.

— Готов? — спрашиваю я, пока Джетт разрывает пакет с попкорном.

— Поехали, — отвечает он, протягивая мне миску, чтобы я могла взять первую горсть.

Я запускаю воспроизведение и беру немного попкорна. Поскольку руки мои до ужаса маленькие, почти как у ребенка, у меня получается ухватить буквально четыре зернышка, и я тут же отправляю их в рот.

Начинается кино, и я снова тянусь за попкорном. Джетт придвигается поближе, видимо, чтобы мне было проще дотягиваться до миски, но я не уверена. Как бы было круто, если бы мысли парней просто всплывали над ними в таких маленьких облачках, как в комиксах! А может, и нет. Вероятно, мне не захотелось бы знать и десятой доли того, о чем они думают.

— Ух ты, Линдсей Лохан выглядит совсем по-другому, — удивляется Джетт, и я немного расслабляюсь.

Я всегда болтаю во время фильмов, особенно если уже их смотрела, и надеялась, что Джетт окажется не из тех, кто шикает. Это самый раздражающий тип людей.

— Ага, старые добрые времена, — отвечаю я, и тут мы одновременно засовываем пальцы в миску с попкорном.

Мы сразу же отдергиваем руки и нервно смеемся.

— Леди вперед, — предлагает Джетт, и я беру еще одну горстку, а потом делаю изрядный глоток воды.

Он смеется над каким-то моментом в фильме, и я радуюсь, что уже его видела, поэтому могу наверняка понять, что его рассмешило. Чего греха таить, я видела это кино столько раз, что могу сама сыграть все сцены и процитировать все диалоги.

Следующие полчаса девяносто процентов моего внимания сфокусировано на Джетте, а десять — на фильме. В данный момент он представляет для меня гораздо больший интерес, чем Реджина Джордж².

Я пытаюсь понять, что изображено на его татушках. На левой руке, очевидно, драконий хвост, который несколько раз обвивает предплечье и заканчивается, обернувшись напоследок вокруг запястья. Подозреваю, остальная часть дракона поднимается выше по руке и переходит на грудь или на спину. На другой его руке что-то похожее на волны, как на старинных японских картинках. Мне хочется попросить Джетта снять рубашку, но с моей стороны это было бы грубо, и вроде как неловко, и совершенно ненормально. У него и вокруг шеи что-то набито, но я не могу рассмотреть, что именно — картинку закрывает воротник рубашки. Черт бы побрал эту рубашку!

Очень тяжело наблюдать за кем-то краем глаза, когда сидишь рядом с ним. Я начинаю опасаться, что мои глазные яблоки так и застынут в этом положении или что Джетт поймает меня за разглядыванием, но его внимание, похоже, полностью приковано к фильму. Он на меня даже не смотрит.

Может, от меня все-таки действительно плохо пахнет?

— Эта ерунда и правда забавная.

Он опять смеется, и я смеюсь в ответ, пытаясь сделать это поестественнее, пока перевожу взгляд на экран, чтобы убедиться, что помню, о чем там только что шла речь.

— Ага, один из моих любимых фильмов. Сценарий написала Тина Фей, она просто гений. — Я вроде как немного влюблена в эту женщину, хотя и обычная гетеросексуальная девушка.

Джетт снова меняет положение, его плечо касается моего, и он еще чуть-чуть придвигается, пока я пытаюсь не паниковать. Еще один дюйм — и наши плечи полностью прижмутся друг к другу. Ничего особенного, я и раньше касалась плеч других парней. У меня полно плечекасательного опыта. В плечекасании я отнюдь не невинна.

Но по моей коже все равно пробегает дрожь, когда он снова притрагивается ко мне.

— Ты замерзла? Я могу принести одеяло.

Не дождавшись моего ответа, Джетт встает и уходит в спальню, возвращается с пушистым шерстяным одеялом и укрывает меня. Потом садится и натягивает край одеяла на свои колени. Мы под одним одеялом. Нет никаких причин для волнительного трепета, но я его ощущаю.

— Лучше? — спрашивает Джетт, снова беря горсть попкорна.

— Ага, спасибо.

Попкорна осталось немного, и в основном полураскрывшиеся зерна — я такие не люблю.

— Можешь отдохнуть.

Он забрасывает зерна в рот, пережевывает их и снова придвигается ко мне. Теперь в любой момент у меня начнет дергаться глаз или я ляпну какую-нибудь глупость. Я знаю, так и будет.

Он ставит миску на пол и кладет руку на спинку дивана прямо за моими плечами. Я застываю на секунду, потом немного откидываюсь назад. Это сигнал, чтобы он меня обнял, так? Господи, я полный отстой в этих делах.

Джетт потихоньку перемещает руку, и наконец вот оно. Я старательно отвожу взгляд, потому что если посмотрю на него, то не представляю, что случится. Придвигаюсь к Джетту поближе, и он наконец-то меня обнимает.

— Так нормально?

— Д-да, — отвечаю я дрожащим голосом.

Боже, я же долбаная второкурсница колледжа. Не должна я вести себя словно шестиклассница, которая переживает, пригласят ли ее на медленный танец. Вот что происходит, когда твой опыт свиданий близок к нулю. Если бы только этому можно было научиться из книг... Я бы стала асом!

— Хорошо.

Джетт притягивает меня поближе, так что я практически оказываюсь у него на груди. Это очень хорошая грудь. Не слишком тощая, но и не слишком мускулистая. Эти парни, накачивающие мускулы так, что аж вены выпирают, просто отвратительны. Хейзл считает их сексуальными, а я думаю, что она ненормальная.

Аромат тропического леса наполняет мои ноздри. Могу поклясться, он, вероятно, слышит, как ускоряется мое сердцебиение, когда его рука, обнимающая меня за плечи, начинает выписывать на моей коже маленькие круги, словно Джетт понятия не имеет, что делает.

Ух ты. Наверное, от меня все-таки не воняет. Или, может, воняет, но он считает, что это сексуально. Такая возможность тоже не исключена.

Фильм продолжается, и я вдруг понимаю, что по-настоящему расслабилась, и не успеваю опомниться, как у меня закрываются глаза и я проваливаюсь в сон.

Глава 4

— Просыпайся, принцесса, — шепчет мне в ухо мужской голос, который я с трудом узнаю.

Медленно открываю глаза и изумленно смотрю на грудь, на которой не помню как

заснула. Задираю подбородок и встречаюсь взглядом с парой изумительных золотисто-карих глаз.

— Привет, — мягко говорит Джетт, а я осознаю, что лежу прямо на нем.

В какой-то момент во время просмотра фильма он передвинулся подо мной и откинулся назад, подняв наши ноги на диван, так что мы оказались лежащими лицом к лицу. Мои сиськи сплющены его грудью, и, в первую очередь, именно это заставляет меня попытаться с него слезть.

— М-м-м, привет, — отвечаю я.

Стараюсь отодвинуться, но мне некуда упереться руками. В конце концов просто пробую с него скатиться, а Джетт пытается мне помочь, и все заканчивается тем, что я не удерживаюсь на диване и с грохотом приземляюсь на пол, ударившись затылком о кофейный столик.

— О боже, с тобой все в порядке?

Он что, смеется?

— Ай! — откликаюсь я.

Вот теперь я проснулась. У меня болят бедро и голова. Джетт наклоняется и ставит меня на ноги.

— Ты издеваешься. — Я ощупываю затылок.

— Ничего подобного, — уверяет меня он, пытаясь сдержать смех.

— Придурок, — бурчу я, но Джетт меня не отпускает.

— Что болит? — спрашивает он, наконец проявляя немного заботы.

— Затылок. И я ушибла бедро, ударившись о пол. Явно будет синяк.

Джетт обходит меня сзади и нежно раздвигает волосы, чтобы осмотреть место, где скоро набухнет шишка. Я снова чувствую покалывание во всем теле, и боль совсем немного утихает. Этот парень лучше «Тайленола». И вдруг я чувствую что-то теплое прямо там, где пульсирует боль. Могу поклясться, он только что меня поцеловал.

— Теперь бедро? — тихо говорит он.

Можно ли умереть от предвкушения? Потому что, по-моему, я только что умерла. Джетт приседает. Клянусь, меня хватит инфаркт, если он сделает то, что, кажется, собирается.

А потом он очень нежно оставляет легчайший из поцелуев на моем бедре. О БОЖЕ, КЛЯНУСЬ, Я ЧУВСТВУЮ ПРИКОСНОВЕНИЕ ЕГО ГУБ СКВОЗЬ ТКАНЬ ДЖИНС. ТЕПЕРЬ ТОЧНО УМРУ.

Не вставая, Джетт поднимает на меня взгляд с ох каким серьезным выражением лица.

— Теперь не болит, — немного задыхаясь, произносит он, и я понимаю, что если немного повернусь, то он окажется лицом к лицу с моим... скажем так, нижним этажом. Ну, не то чтобы у меня там было лицо. Но вот губы имеются, факт...

Джетт встает и снова начинает смеяться, отрывая меня от размышлений о наличии или отсутствии лица у моих гениталий. Не уверена, почему, но я присоединяюсь к его веселью, потому что... ну, не хочу быть единственной, кому не смешно.

— Который час? — интересуюсь я.

Он наклоняется в сторону, чтобы посмотреть на DVD-проигрыватель.

— Почти час.

Джетт потягивается, его рубашка ползет вверх, и я понимаю четыре вещи:

1) на животе у него тоже есть татушки;

2) это очень красивый живот;

3) мне хочется прикоснуться к этому животу;

4) я должна сопротивляться своему желанию.

Не могу удержаться, чтобы не опустить глаза ниже, и натыкаюсь взглядом на резинку трусов, которые выглядывают из-за пояса джинсов. Непонятно, боксеры это или плавки. Или тот странный гибрид. В мужском нижнем белье столько заморочек. Хотя, наверное, это просто мелочи по сравнению с женским бельем. Стринги, бикини, шортики, трусики с завышенной талией...

— Видишь что-то интересное? — спрашивает он, прекратив потягиваться, и до меня доходит, что все это время я на него пялилась.

— Нет. В смысле, да. В смысле, что?

Я отвожу взгляд и молюсь о том, чтобы поменяться местами с кем-нибудь, кто сумеет лучше контролировать глаза и рот.

Джетт молча качает головой.

Пытаюсь удержаться и не сморозить еще какую-нибудь глупость, когда с грохотом открывается входная дверь и в гостиной появляется парень, который выглядит так, словно должен позировать для календаря под названием «Мускулистые красавчики» или вроде того. Он просто ходячая гора мускулов, и его кожа тоже покрыта татуировками, но более абстрактными, вроде туземных племенных рисунков. Я поднимаю глаза на его лицо, и оказывается, что оно не настолько жесткое, как я себе представила, хотя это не значит, что его челюстью нельзя нарезать стекло.

Увидев меня, незнакомец от удивления разевает рот. Могу поклясться, что слышу за спиной стон Джетта.

— Самое, черт бы его побрал, время, старик!

Парень в три шага пересекает комнату и тянет к себе Джетта для одного из этих мужских рукопожатий-объятий, которые призваны показать привязанность друг к другу, но не СЛИШКОМ большую, потому что они же мужики, и обнимаются они как мужики.

— Это не то, что ты думаешь, и вообще-то ты должен был встретить меня в... — пытается сказать Джетт, но еще чей-то голос у дверей привлекает наше внимание.

— Хави, я думала, ты сказал, что мы поедем гулять.

Девушка, на которой такое короткое платье, что его даже нельзя назвать платьем, опирается на притолоку, не обращая внимания на то, что мы с Джеттом на нее пялимся.

— Да, детка, так и есть. Мне просто надо было захватить презики.

Вот теперь рот открывается у меня.

— Не могу же я позволить своим ребятам отправиться в самоволку и кого-нибудь обрюхатить, ты же понимаешь, о чем я? — подмигивает он мне и уходит в свою комнату.

Нет. Я не понимаю, о чем он. Оборачиваюсь к Джетту, но он молча пожимает одним плечом.

— Это Хавьер.

Как будто его надо представлять. Я снова перевожу взгляд на девушку у двери. Фу! Считается, что платье должно быть достаточной длины, чтобы хотя бы прикрывать вагину, но, очевидно, спутница Хавьера не последовала этому правилу и теперь старательно пытается одернуть подол, в то время как платье УСИЛЕННО сопротивляется. В итоге девушка сдается, и я быстро отвожу взгляд. Не хочу выяснять, есть ли там у нее лицо или нет.

— И как же тебя зовут, дорогуша?

В конце концов Хавьер обращает все свое внимание на меня, и девушка у дверей

раздраженно вздыхает, показывая, что ей не нравится, когда ее игнорируют.

— Ш-Шеннон. Я Шеннон.

«Пожалуйста, не ляпни какую-нибудь глупость, пожалуйста, не ляпни какую-нибудь глупость».

— Оч-ч-чень приятно с тобой познакомиться, Шеннон. — Его слова полны двусмысленности.

— Мы не занимались сексом, — выпаливаю я. — В смысле, не то чтобы ты подумал, что мы им занимались, но мы не занимались. Я бы не стала делать это здесь... — Хавьер прерывает меня, положив руку на плечо.

— Ого! Притормози-ка, успокойся.

Он похлопывает меня по плечу и подмигивает. Мне безумно хочется проглотить язык, чтобы не вымолвить больше ни единого слова. Я даже СМОТРЕТЬ боюсь на Джетта. Или н девушку у двери.

Хавьер наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Не кантовать, дорогуша.

На секунду он застывает, словно принюхивается ко мне. Его-то запах я точно слышу. Такое ощущение, будто он искупался в этом кретинском дезодоранте, которым душится половина парней в кампусе. Фу!

Хавьер отступает и облизывает верхнюю губу, как в каком-нибудь эротическом фильме. Чувак, серьезно?

— Хави?

Девушка у двери топает ногой, и он наконец-то обращает на нее внимание.

— Да, детка, иду.

Хави обнимает спутницу и засовывает язык ей в ухо, схватив рукой за попку. Девушка хихикает, и они вываливаются из квартиры.

— Ну-у-у-у вот. Это Хавьер. Извини.

Я наконец поднимаю на Джетта глаза.

— Он... занятный?

Звучит как вопрос. И это не лучшее слово для описания Хавьера. У меня в принципе нет слов, чтобы его описать, как и у Джетта.

— Что он тебе сказал?

Джетт возвращается к дивану, делая вид, что ему все равно, хотя мне ясно, что ему очень хочется узнать, о чем шла речь.

— «Не кантовать». Что это значит?

Я снова сажусь рядом с ним, на этот раз старательно избегая кофейного столика.

Джетт прячет лицо в ладонях, трет глаза и снова смотрит на меня. У него усталый вид.

— Понятия не имею, — отвечает он, но по его интонации слышно, что он прекрасно все понимает.

Вот только мне некогда выяснять, о чем речь.

— Слушай, мне пора. Я могу, м-м, вызвать такси.

— Нет-нет, не надо. Я тебя отвезу, если хочешь. — Его голос звучит почти печально.

— Я хочу сказать, мне вовсе не хочется уходить. Просто я чувствую себя немного странно, вторгаясь в твою жизнь.

Я собираюсь встать, но он хватается меня за руку.

— Тебе не обязательно уходить, останься.

Его восхитительные глаза просят меня задержаться.

— Ладно, — не задумываясь соглашаюсь я и сажусь обратно. Ух ты, это было быстро.

Ну и что теперь?

— Я правда очень за него извиняюсь. Хави — классный парень, просто манеры иногда отстойные. И еще у него проблемы с чувством такта. В том смысле, что он не знает и не хочет знать, что это такое.

— Ага, очень похоже на Хейзл. — Я не собиралась ее упоминать, но это было вроде как неминуемо. — Мою соседку. Она меня сегодня так выбесила. Хейзл — моя лучшая подруга, но иногда она чертовски действует на нервы. Сегодня она зашла слишком далеко.

Я снова чувствую, что вот-вот расплачусь, но проглатываю слезы. Джетт посылает мне сочувственный взгляд, от которого хочется куда-нибудь спрятаться.

— Друзья иногда могут быть жестокими, правда?

Я киваю.

— Им сходит с рук то, что ты не простил бы незнакомцу.

— Как я тебя понимаю.

И тут мы начинаем разговаривать. О друзьях, о соседях, о том, что нам не по вкусу, о детских травмах и просто каких-то моментах из жизни. Он снова заставляет меня хохотать. Начав смеяться, я не могу остановиться.

Мы общаемся, пока во мне снова не просыпается чувство голода. Мы идем на кухню, вытаскиваем кучу всевозможных продуктов и делаем самые непредсказуемые начос³ в мире. Плавленый сыр «Велвита», черная фасоль, помидоры, остатки цыпленка, пепперони, кайенский перец, лук, острый соус.

— Выглядит одновременно отвратительно и восхитительно, — говорю я, когда мы засовываем нашу бурду в духовку.

— И все-таки мне кажется, что хот-доги добавили бы изюминки, — заявляет он, устанавливая таймер и опираясь на кухонный стол.

— Тогда получилось бы слишком много мяса, — кривлюсь я.

— Теперь это так называется?⁴

Услышав эту ужасную шутку, я закатываю глаза:

— Ага, а незрелый у нас Хавьер.

Джетт снова улыбается, и мне приходится бороться с огромным желанием лизнуть его лицо. Понятия не имею, откуда мне в голову пришла эта мысль. Раньше у меня никогда не возникало стремления лизнуть чье-то лицо. Временное помешательство?

— У меня что-то на физиономии?

Ну вот, я опять попалась на разглядывании, пока раздумывала над проблемой лизания лиц.

— Не-а, ничего нет.

Мне удастся соврать не моргнув глазом. Похоже, у меня получается все лучше и лучше. Просто нужно немного практики.

Когда начос уже почти готовы, у Джетта звонит телефон. Услышав звук дыхания Дарта Вейдера вместо мелодии звонка, я до смерти пугаюсь, но тут Джетт берет трубку.

— Привет... Нет... Нет. НЕТ. Ты пьян. Пока. — Он смотрит на телефон и качает головой. — Клянусь, если мне снова придется вытаскивать его пьяную задницу, я свяжу его, разрисую ему членами все лицо несмываемым маркером и наделаю миллион фоток.

— Хавьеру?

— Да. Он пока не окончательно напился, но еще один бокал — и он начнет плакаться о коте, потерявшемся, когда Хави было десять. Если мне снова придется это выслушивать, я за себя не ручаюсь.

Джетт стонет и переводит взгляд на духовку.

Звенит таймер.

— Мне, наверное, лучше отправиться за ним. У Хави уже есть штраф за вождение в нетрезвом состоянии, и еще один ему не нужен.

— О, хорошо. Я только вызову такси. Нет проблем.

Джетт смотрит на меня, и я тоже это чувствую. Мне не хочется уходить. Несмотря на всю ту чушь, что я сегодня несла, мне нравится быть с ним. Да, конечно, я знаю парня всего несколько часов, но иногда ты встречаешь кого-то — и бац! Вы понимаете друг друга с полуслова. А если вы понимаете с полуслова извращенное чувство юмора друг друга, то еще лучше.

— Если хочешь, мы можем забрать его по дороге, а потом я заброшу тебя домой. Подвезти тебя — самое меньшее, что я могу сделать.

Он уже меня подвез, впустил в свой дом, поддался мне, когда я заставила его смотреть «Дрянных девчонок», поцеловал меня в затылок и бедро и приготовил мне начос. Еще немного — и я буду у него в долгу, или по крайней мере мне придется послать ему благодарственную открытку.

— Пожалуйста, — просит он, оборвав мои возражения.

— Ладно, но ты просто меня подвезешь, или же я окажусь у тебя в долгу.

Я что, флиртую с ним? Это прозвучало игриво? Я в этом совершенно не разбираюсь.

— Думаю, я не буду иметь ничего против, — говорит он низким голосом, слегка улыбаясь. И мир перестает вращаться. Или, по крайней мере, у меня такое чувство.

— О, так ты хочешь, чтобы я была у тебя в долгу?

Откуда это, черт возьми, взялось? Ладно, слово не воробей...

Он прикусывает уголок губы, и тут снова звонит его телефон.

— Ладно, нам пора.

Глава 5

Мы сворачиваем к бару, для описания которого лучше всего подходит определение «сомнительный». Не знаю, с чего мне такое приходит в голову, но как только я вижу это место, слово всплывает автоматически. Этот бар такой и есть. Я даже не знала о его существовании.

Он приткнулся на перекрестке между тату-салонem с одной стороны и заброшенным зданием с другой. Кирпичный фасад осыпается, стены покрыты граффити, а над входом столько неоновой рекламы разнообразных сортов пива, что у меня рябит в глазах. Открытая дверь подперта ведром, полным сигаретных окурков.

— Супер, — вполголоса бормочу я.

Джетт молча паркуется возле бара.

— Не знаю, что для тебя безопаснее: остаться в машине или пойти со мной.

Я тоже не знаю. Парочка парней, болтающихся около бара, выглядит заблудившимися актерами из «Сынов анархии». Интересно, в Мэне есть байкерские клубы? Наверное, должны быть.

— Думаю, лучше я пойду с тобой.

Джетт молча смотрит, как бы спрашивая: «Ты уверена?»

Роюсь в сумочке и достаю розовый многофункциональный нож «Лезерман».

— А это зачем? — удивляется Джетт.

— Никогда нельзя быть слишком осторожной. А еще тут есть открывашка для бутылок.

Прежде чем выйти из машины, поднимаю нож повыше и демонстрирую ему несколько насадок. Джетт автоматически берет меня за руку. Интересно, это чтобы я не потерялась в толпе или по какой-то другой причине?

Никто не проверяет документы на входе. Вероятно, именно поэтому на танцполе бесятся несколько девушек, которые выглядят так, словно только вчера закончили школу. Джетт пытается высмотреть Хавьера, мне же ничего не видно за головами посетителей.

Помещение провоняло затхлыми сигаретами и прокисшим пивом вперемешку с легким душком рвоты и пота. Следовало назвать этот клуб «Притон». А еще здесь так жарко, что воздух чуть ли не парит. Боже, вытащи меня отсюда. Я покрепче перехватываю импровизированный нож, готовая, если понадобится, ударить.

— Вон он, — указывает Джетт на другой конец зала, где у стены обжимаются Хавьер и девушка в платье-неплатье.

К счастью, их загораживают другие танцующие, иначе я, вероятно, все же узнала бы, есть ли лицо у ее вагины.

Джетт тащит меня за собой сквозь толпу дергающихся тел.

— Хави, нам пора.

Он опускает руку на плечо Хавьера, а потом тянет его за голову, оттаскивая от лица девушки с таким звуком, с каким отлипает от стены присоска. Вот поэтому я и одна. Гадость!

— Привет, чувак. Что ты здесь делаешь? — По крайней мере, мне кажется, что Хавьер произносит именно это. Я плохо понимаю язык пьяных.

— Хави, нам пора домой.

Джетт цедит каждое слово, словно заколачивает гвозди, и я впервые вижу в его поведении проблески твердости. Напористости. Непокосибимости.

Не могу разобрать, что отвечает Хавьер, но тут он замечает меня. Я жмусь к Джетту, потому что скорее буду жаться к нему, чем к какому-то противному незнакомцу, особенно учитывая, что меня уже два раза шлепнули по заднице.

Хави что-то неразборчиво мне бормочет, и его девушка бросает яростный взгляд в мою сторону, а Джетт оттаскивает меня от друга, по-прежнему не выпуская моей руки.

Он выводит нас с Хави на свежий воздух. Тот как-то умудряется держаться на ногах, но как только мы добираемся до машины, тяжело оседает рядом с ней. Девушка Хави пропала без вести. Мы ее где-то потеряли. Надеюсь, она доберется домой в целости и сохранности. Спрашиваю Джетта, не возражает ли он, если мы вернемся внутрь, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Мы укладываем Хавьера на заднее сидение машины. Он пытается поладить мою грудь, но я шлепаю его по руке. Хави показывает мне язык и вырубается.

— Хороший мальчик, — похлопываю я его по голове, прежде чем закрыть дверцу.

Мы с Джеттом возвращаемся в бар и с трудом пробираемся сквозь толпу, но найти девушку в открывающем вагину платье не можем, хотя я даже захожу в женский туалет, чтобы поискать подругу Хави там. Должно быть, она каким-то образом выскользнула из

бара.

— Ладно, хорошо, мне надо отвезти его домой и приготовить на завтра антипохмельный набор. Почему я позволяю ему так со мной поступать?

Джетт явно делает это не в первый раз.

А почему я позволяю друзьям держать меня в заложниках?

Понимающе смотрю на него.

Джетт везет меня домой. На заднем сидении что-то бормочет во сне Хавьер. Возвращаться совсем не хочется — я все еще зла на Хейзл, — но у меня нет выбора. На остальных подруг я тоже злюсь, так что не могу переночевать у них, а Амелия по-прежнему живет в общежитии, и ее соседка категорически против ночных посетителей.

На этот раз я не дожидаясь, когда Джетт откроет мне дверь, но он все равно обходит машину. На кухне горит свет — Хейзл или оставила его для меня, или еще не ложилась. Не представляю, что я ей скажу. Обычно я избегаю споров, но не в этот раз.

— Ну... Спасибо за все.

Странный способ закончить вечер, но этот вечер и сам был довольно странным.

— Всегда пожалуйста. Было круто пообщаться с тобой, хотя обстоятельства были и не самыми лучшими.

Да уж, далеко не самыми лучшими.

— Ага, — отвечаю я, и на секунду мы застываем, молча глядя в глаза друг другу.

Потом Джетт тянется мимо меня к бардачку и, покопавшись, вытаскивает оттуда листок бумаги. Кладет его на крышу машины, сгибает наискосок и отрывает полоску, а после сворачивает из оставшегося квадрата бумажного журавлика. Написав что-то на одном из его крыльев, Джетт протягивает фигурку мне.

— Я правда хочу снова с тобой встретиться, — говорит он.

Беру журавлика и понимаю, что на крыле написан телефонный номер.

— Взаимно.

Мы слегка улыбаемся друг другу, потом я разворачиваюсь и поднимаюсь по ступеням.

— Привет, — говорит Хейзл, как только я открываю дверь.

Она сидит за нашим крошечным кухонным столом и курит. Я ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ, когда Хейзл курит в доме, но она делает это, только когда по-настоящему нервничает.

Ничего ей не отвечаю. Хейзл тушит сигарету и толкает ко мне через стол мой телефон. Я начинаю злиться уже только оттого, что нахожусь с ней в одной комнате. Надо было попроситься переночевать у Джетта. Я просто не могу сейчас ее видеть.

— Мне очень-очень жаль, Шен. Ты в порядке?

Хватаю телефон и ухожу в свою комнату, хлопнув дверью. Пока я была с Джеттом, гнев немного утих. Падаю на кровать и жду. Через пару секунд раздается стук в дверь.

— Я знаю, ты на меня злишься, но ты можешь хотя бы сказать, все ли с тобой хорошо? Я себе никогда не прощу, если с тобой что-то случилось.

Ну да, теперь она переживает.

— Я в порядке. — Все, больше она от меня ни слова не услышит. — Просто уйди, Хейз.

— Пожалуйста, не злись на меня. — Хейзл хлюпает носом, и я понимаю, что она

плачет. — Мне правда очень жаль.

У нас с Хейз много общего, в том числе испорченные отношения с семьями. Хотя по сравнению с ее родственницами мои просто отдыхают. Я жду, когда Хейзл уйдет, но она по-прежнему сопит под дверь.

— Обсудим все позже, хорошо?

— Хорошо.

Я слышу ее удаляющиеся шаги, встаю и тушу свет. Ночка выдалась длинной.

Почти не сплю всю ночь и, вскочив чуть свет, иду на кухню. Хейзл уже там и выглядит просто ужасно. Наверное, даже хуже, чем я. И она опять плачет.

— Мы можем поговорить прямо сейчас?

У меня нет желания наказывать Хейз, и я не могу видеть ее в таком состоянии. Так что беру рулон бумажных полотенец и протягиваю ей.

— Да, можем.

Сажусь напротив нее, пока она вытирает глаза.

— Что с тобой случилось? Кто был тот парень? Ты...

Она замолкает, оставив возможность мне самой додумать окончание. Я уже собираюсь сказать, что у нас с Джеттом ничего не было, но мой рот думает по-другому.

— Да, я. Мы занимались сексом. — Мои слова сочатся сарказмом.

Хейзл громко вскрикивает и бросается ко мне. Меня окатывает смесью аромата ее духов и вони сигаретного дыма. Меньше чем за две секунды ее подавленность сменяется восторгом.

— О боже! Как это было? Хорошо? Зуб даю, это было хорошо! У этого парня офигенные татушки. Он использовал презерватив? Тебе, наверное, теперь надо сходить в больницу. Тебе больно? Кровь идет?

— Блин, Хейзл, ты хочешь услышать от меня ответы на все эти вопросы?

Сидя у меня на коленях и вцепившись в меня, словно очень большой коала, она внимательно вглядывается мне в глаза:

— Вы предохранялись?

Мне действительно нужно было бы сказать ей, что я не спала с Джеттом. Но вместо этого я отвечаю: «Да, предохранялись». По-моему, я заболела. Мой рот отделился от разума и говорит сам по себе.

— Хорошо. Было больно?

И из моего рта продолжает литься ложь. Ощущение, будто единожды начав, я не могу остановиться. И я выдумываю историю соблазнения, пытаюсь добавить в нее как можно больше реализма. Включая свечи, музыку и множественные оргазмы.

К тому времени, как моя фантазия иссякает и я заканчиваю свой совершенно неправдивый отчет о потере невинности с Джеттом, мы уже сидим на диване, и Хейзл играет с моими волосами. Пока я спала у Джетта, они немного спутались, так что очень похоже, будто прическа растрепалась во время секса.

— Теперь ты чувствуешь себя по-другому?

— Ага.

Это единственное, о чем я не вру.

После того как Хейзл попыталась приготовить мне завтрак, я уйду в библиотеку. После полного хаоса прошлой ночи мне нужно что-то уютное и знакомое. Час спустя я полностью погружаюсь в решение домашки, поэтому совершенно не замечаю, что кто-то останавливается около моего стола, пока он не кладет на мой учебник маленького журавлика, сделанного из листка блокнота.

— Прости, что беспокою, но не могла бы ты приглядеть за моим компьютером?

«О, привет, Джетт. Никак не ожидала тебя здесь встретить». Именно такие слова я должна была бы произнести вслух. Вместо этого я выпаливаю что-то вроде: «Что ты здесь делаешь?» И звучит это гораздо более обвинительно, чем мне хотелось бы.

— Ну, я слышал, именно тут живут все книги, так что я подумал и решил прийти к ним в гости.

Разумеется, его ответ совершенно очаровательный и уместный, и он заставляет меня улыбнуться.

— Ты из тех, кому нравится заниматься в одиночестве, или я могу присесть? — показывает он на пустующее напротив меня место, на котором я пристроила вытянутые ноги.

— Нет-нет, садись, конечно.

Секунду спустя я понимаю, как сглупила. Я ни за что в жизни не смогу сосредоточиться на макроэкономике, когда он сидит напротив меня. Джетт снимает с плеча рюкзак и достает ноутбук.

Он улыбается и запускает компьютер, а я делаю вид, что смотрю в свой учебник, чтобы не пялиться на него. Но любопытство сильнее меня.

— Над чем ты работаешь?

— Над дизайном нового сайта. Хочешь посмотреть?

Глаза Джетта начинают сиять еще сильнее.

Обхожу стол и склоняюсь над его плечом. Теперь уже я дышу ему в шею. А еще это дает мне возможность прилечь к нему, без того чтобы выглядеть совершенно ненормальной.

Джетт показывает мне свой проект для местной музыкальной группы. Сайт яркий и красочный, но в то же время там нет ничего лишнего. Джетт даже придумал для них логотип.

Пока он показывает мне созданные им страницы и ссылки, я понимаю, что у парня талант. Не то чтобы я в этом сомневалась. Вдруг осознаю, что положила руку ему на плечо и наклонилась поближе. Мой рот почти на уровне его виска, и если я совсем немного поверну голову, то смогу лизнуть мочку его уха. Но это было бы совершенно ненормально, так что, вероятно, мне не следует этого делать. И все же мысль продолжает крутиться у меня в голове. Да что у меня за идея фикс по поводу лизания Джетта?

— Ну как тебе? — поворачивается он ко мне.

Наши рты оказываются так близко друг к другу, что я вспоминаю, как он вчера целовал мои затылок и бедро, и мне становится интересно, что я почувствую, если его губы коснутся моих губ.

— Круто, правда.

Я не могу найти других слов.

— Спасибо.

Мне ведь не кажется, что он опустил взгляд к моим губам, а потом снова поднял его обратно к глазам? Нужно бы отклониться, но тело протестует. Лицо Джетта становится очень серьезным, и я не могу отвести от него глаз.

И вдруг за столом неподалеку кто-то с грохотом закрывает книгу, и я подскакиваю, словно меня поймали за каким-то дурным занятием.

— Наверное, мне стоит... м-м... вернуться к работе, — мямлю я, возвращаясь на свое место, спотыкаяюсь и с грохотом опускаюсь на стул.

Джетт переводит взгляд на экран ноутбука, а я утыкаюсь в учебник.

Глава 6

Два часа читаю две страницы. Две. Страницы. Нет, я бегло просмотрела еще несколько, но ни слова оттуда не запомнила. Делаю заметки о моментах, которые кажутся важными, но с таким же успехом могла бы писать все, что взбредет в голову. Я слишком занята наблюдением за тем, как Джетт барабанит по клавишам, и за тем, как он поворачивает голову в сторону, когда над чем-то размышляет, и за тем, как он совсем немножко косит, когда читает. Мы все время задеваем друг друга ногами и продолжаем за это извиняться, но это происходит снова и снова. Клянусь, я не виновата.

Джетт закрывает ноутбук и потягивается, его плечи похрустывают.

— Не хочешь сделать перерыв и что-нибудь перекусить?

— Да, конечно.

Я все еще не голодна после завтрака, но не вижу смысла продолжать попытки что-нибудь прочитать — все равно в голову ничего не лезет. Я уже даже немного жалею, что разрешила ему сесть за мой стол. Но не могу же я винить Джетта за то, что не в состоянии сосредоточиться, когда он рядом.

Мы спускаемся в кафе, и Джетт заказывает кофе с бубликом.

— А ты что будешь?

Он что, собирается заплатить за мой заказ? Ни за что!

— О, не надо. У меня есть деньги, — выпаливаю я, пока бариста со скучающим видом ждет моего решения. При этом она жует жвачку, надувая из нее пузыри. Фу! Разве нет правил, запрещающих жевать жвачку в местах, где продают еду?

— Я и не сомневаюсь, что у тебя есть деньги, но все равно плачу я. Чего ты хочешь?

Его очаровательная улыбка меня обезоруживает. Заказываю банановый кекс и тыквенный чай.

— Спасибо. Теперь я точно у тебя в долгу.

— Ничего подобного. Это я расплачиваюсь с тобой за то, что ты помогла мне с Хави.

Ах, ну да. Я уже почти позабыла о нем. Мы отходим к краю стойки, дожидаясь наш заказ.

— Как он?

— Пришел в себя. Этот засранец пьет алкоголь, как рыба воду, и на следующий день как огурчик. А я после двух бокалов пива пьян все выходные.

— Я тебя понимаю.

Скучающая девушка за стойкой даже не называет наш заказ — просто толкает к нам по стойке тарелки и чашки.

— То, от чего ты убегала вчера вечером, закончилось хорошо? — интересуется Джетт.

— Более или менее. — Я получила от подруг несколько SMS с извинениями. После общения с Хейзл мне просто хочется уже обо всем этом забыть.

Мы берем наши тарелки и чашки и присаживаемся за единственный свободный столик. Кафе битком забито, несмотря на субботу. Наверное, сегодня какой-то спортивный матч. Иногда мне кажется, что стоило бы больше интересоваться такими вещами, но потом я вспоминаю, как чувствует себя моя задница после двухчасового сидения на металлических лавках.

— Жаль, что мы не успели съесть начос, — говорю я.

— Да ничего. Хави среди ночи слопал всю сковородку. Во всяком случае, я надеюсь, что это он. Утром я обнаружил сковородку пустой, и если только у нас не завелись призраки, любящие начос...

Жутковато звучит.

— Ну здрасте, — раздается за моей спиной хорошо знакомый голос.

Оборачиваюсь и посылаю Хейзл сердитый взгляд, так, чтобы Джетт не заметил. Прежде чем я успеваю спросить, какого черта она тут забыла, Хейзл поясняет:

— Мне нужна подзарядка перед занятиями.

Она постоянно корпит над толстенными книжками, написанными крохотным шрифтом. Клянусь, к тридцати годам она ослепнет.

— О, м-м, Хейзл, это Джетт.

Джетт переводит взгляд с меня на Хейзл и обратно. Я не успела ему сказать, что мы помирились, но он достаточно умен, чтобы и так это понять.

— Приятно познакомиться, Джетт. Надеюсь, ты был с ней добр.

И любви как не бывало.

Но Джетт и глазом не моргнул.

— С ней очень легко быть добрым, и мне тоже приятно с тобой познакомиться, Хейзл.

Он привстает и протягивает руку. Хейзл обменивается с ним рукопожатием, тем временем ее взгляд скользит по его запястью, изучает татуировки, а затем поднимается к лицу Джетта. Я буквально вижу, какие мысли роятся у нее в голове.

— Хм-м-м, — тянет Хейзл и отпускает его руку.

Джетт снова садится. Его улыбка даже не дрогнула. Кофе Хейзл готов. Схватив его, она прощается и посылает мне проницательный взгляд. Супер! Вечерок предстоит веселый.

— У тебя есть Хави, у меня — Хейзл, — пожимаю я плечами.

— Понимаю. Так вы помирились?

Мне не сильно хочется развивать эту тему.

— Да, насчет этого...

Нужно объяснить ему, что Хейзл так себя вела, потому что считает, что у нас был секс.

— Ой-ой, что-то мне не нравится твой тон. Звучит как приговор.

О, если бы он только знал!

— А как бы ты отнесся к тому, что я сказала Хейзл, будто мы занимались сексом?

Я имею в виду, я, конечно, попросила его сделать вид, что он везет меня к себе домой, чтобы потом, по всей вероятности, заняться сексом, но он же не знает, что это был мой первый раз. Вернее был бы, если бы мы действительно занялись сексом.

— Я бы ответил, что не вижу в этом проблемы. То есть это же совершенно нормально — предположить такое. Ты девушка, я парень, и мы провели вечер наедине в моей квартире. Я, можно сказать, был бы оскорблен, если бы она не предположила ничего подобного.

Джетт держится очень уверенно, но ощущение, будто он пытается относиться к этому СЛИШКОМ легкомысленно.

— Точно? Потому что я могу рассказать ей правду. В смысле, мне нравится проводить с тобой время, а она моя лучшая подруга, поэтому если мы снова будем встречаться, ты, вероятно, опять можешь с ней столкнуться, и нам, наверное, снова придется через это пройти.

— Да нет проблем, клянусь. Для меня честь переспать с тобой. Даже если это только для вида, — отвечает он, немного краснея и отводя взгляд.

— Ладно. Круто.

Не знаю, что еще сказать. Я уж точно не стану просвещать его о моей девственности. О таком я признаюсь только под дулом пистолета, что вряд ли предвидится в ближайшем будущем.

Повисает немного неловкое молчание, пока я пытаюсь найти другую, менее щекотливую тему.

— Так ты действительно хочешь встретиться еще раз? — спрашивает Джетт, не глядя на меня.

— Ну да. Если только ты не против. Мне не следовало решать за тебя. Глупо с моей стороны. — Тьфу ты, я снова это сделала.

— Нет! Нет, я тоже хочу увидаться с тобой снова. Просто не знал, захочешь ли ты. Я имею в виду, после моей отвратительной квартиры, и Хави, и всего остального. Из меня вышел не лучший хозяин.

Теперь он выглядит смущенным. Это вроде как мило.

— Я тоже не против новой встречи.

— Ладно.

— Ладно. Ну, технически мы уже встречаемся, прямо сейчас. Но было бы неплохо сходить куда-нибудь, где мы не будем делать уроки. Не то чтобы занятия с тобой не были просто потрясающими.

Он же флиртует, так?

Джетт улыбается и снова встречается со мной взглядом. Ух ты. У него обалденные глаза. Я могла бы смотреть в них дни напролет. Но мне не следует этого делать. Потому что это ненормально.

— Хави думает, что мы переспали, — произносит он, наконец начиная моргать.

— Что?

Джетт вздыхает и откидывается на спинку стула.

— Ну, он решил, что мы переспали, и я не стал его поправлять. Прости. — Почему он извиняется? Я ведь сделала то же самое. — Я расскажу ему правду.

— Нет, все в порядке, Джетт. Я была бы ханжой, если бы возмутилась из-за этого, учитывая, что сама поступила точно так же.

И тут мне в голову приходит идея.

Джетт смотрит на меня с таким видом, будто только что подумал о том же самом.

— А что если мы *не станем* никому из них ничего рассказывать? Я имею в виду, мои подруги вечно надоедают мне, устраивая свидания, а Хави достает тебя по тому же поводу.

Что если мы просто... продолжим игру? Сделаем вид, что встречаемся.

Это идеальное решение, вместо того чтобы в самом деле с кем-то встречаться и связываться в отношения. Помимо того, что от остальных парней у меня по коже мурашки бегут, отношения требуют времени и энергии. Времени и энергии, которые я бы лучше направила на учебу. Кроме того, мне вовсе не хочется, чтобы мое сердце разбили и растоптали, большое спасибо. Я столько раз помогала подругам справляться с последствиями разрывов с парнями, что мне даже думать о подобном не хочется.

К тому же, мне нравится Джетт. Он веселый, симпатичный, и мне с ним легко общаться. Идеальный Липовый Парень.

Сижу и жду его вердикта. Он, наверное, подумает, что я сумасшедшая, и сбежит.

— Ха! Забавно, что ты это предложила, потому что мне в голову только что пришла та же самая мысль. Встречаться с кем-то так... сложно.

— И неловко. А в результате все запутывается и заканчивается разбитым сердцем.

— Именно. Но если ты ни с кем не встречаешься, то, по существу, становишься социальным изгоем, и люди считают, что с тобой что-то не так.

— Или что ты гей.

— Я не гей. На случай, если тебе интересно.

Я фыркаю:

— Ага, думаю, я это уже и так поняла. Я, кстати, тоже. На случай, если тебе интересно.

Тот единственный раз, когда мы с Хейзл напились и поцеловались на спор, я совершенно не помню, так что, мне кажется, это не в счет.

— Ну-у-у... Так что, значит, у нас Липовые Отношения? — спрашивает он.

— Ага. Теперь ты мой Липовый Парень.

— А ты моя Липовая Девушка. Неплохо звучит. Кстати, о птичках: мне нужен твой номер.

Диктую ему свой номер, и Джетт заносит его в телефон, а потом показывает мне, что назвал контакт в телефонной книге «ЛД».

Мы смеемся, и я допиваю чай. Все оказалось не так уж и сложно.

— И все-таки нам, наверное, стоит продумать несколько базовых правил. Десять правил Липовых Отношений, — предлагаю я.

Достаю одну из тетрадей. Я всегда все лучше запоминаю, когда записываю на бумаге. Не считая заметок, которые делала сегодня днем, но это не моя вина.

— Правило номер один... — проговариваю я, одновременно записывая это убористым почерком.

— Первое правило Липовых Отношений. Не распространяться о Липовых Отношениях, — предлагает Джетт, глупо ухмыляясь. Я прекращаю писать и поднимаю на него укоризненный взгляд. Он тут же идет на попятный. — Ладно, ладно, как насчет такого? Первое правило Липовых Отношений — если кто-то из нас захочет все прекратить, мы просто должны сказать об этом. Как карточка «Бесплатное освобождение из тюрьмы» в «Монополии».

— Или стоп-слово, — выпаливаю я, прежде чем до меня доходит, как это звучит.

— Стоп-слово? — выгибает бровь Джетт.

— Что? Я об этом читала. — Пытаюсь не залиться румянцем. — А вот *ты* откуда знаешь о стоп-словах? — Вот в чем вопрос.

Он чешет в затылке.

— Помнишь те странные порнофильмы Хави, о которых я рассказывал? Да, оттуда. Плюс я тоже об этом читал. И еще об этом упоминали в «Миссии «Серенити».

— Ну тогда ладно. Выбирай свое стоп-слово.

— Ты выбирай.

Показываю ему язык:

— Я первая спросила.

Он глядит в потолок и чешет подбородок, будто у него растет борода.

— Стоп-слово, стоп-слово...

Я тем временем тоже обдумываю свои варианты.

— Проницательный, — произносит Джетт. — Мне хотелось выбрать слово, которое я бы ни за что не использовал в обычной жизни. Так что да. Проницательный.

Он заставляет меня улыбнуться.

— Тогда мое будет... некрофилия. Я уж точно не стану использовать его в обычном разговоре.

Джетт кривится с отвращением. Я записываю оба наших стоп-слова. Словно мы можем их забыть.

— Ладно, хорошо. Нам, наверное, стоит установить какие-то временные рамки. А потом мы можем разыграть Липовое Расставание, — предлагаю я.

Он кивает и начинает крутить в руках салфетку.

— Идеально. Один месяц. Времени достаточно. Это должно стать вторым правилом.

Это я тоже записываю. Третье правило — нам надо ходить на свидания минимум раз в неделю.

— Как насчет того, чтобы ограничить физические контакты только моментами, когда мы на людях? — спрашиваю я, продолжая писать.

— Ограничить контакты? Тяжеловато будет. Ты собираешься наказывать меня, если я нарушу это правило? — Он снова ухмыляется, посылая по моему телу волну тепла и мурашек.

— Никаких контактов, кроме случайных. Как насчет такой формулировки?

— Меня устраивает. Наверное.

Джетт двигает ногами под столом и касается моей ноги. Прежде чем я что-нибудь успеваю сказать, он поднимает руки в защитном жесте:

— Случайный контакт.

Со следующими несколькими правилами дела обстоят попроще. Пятое правило — не целовать друг друга на ночь, если этого никто не видит. Шестое — не использовать уменьшительных имен наедине. Седьмое — нужно каждый день обмениваться SMS или телефонными звонками.

— Восьмое? — спрашиваю я. У меня заканчиваются идеи.

— Хорошо. Насколько далеко мы собираемся зайти? Наверное, нам надо время от времени проводить вместе ночь. Ну ты понимаешь, учитывая, что мы встречаемся и уже спали вместе.

В его доводах есть резон.

— Ладно. Тогда как насчет минимум двух совместных ночей в неделю?

— Ты серьезно? Как часто твои подруги, начиная встречаться с новым бойфрендом, проводят у него ночь? По-моему, должно быть не меньше четырех, если не больше.

Ого! Это же до фига времени. С другой стороны, это, наверное, будет не слишком

отличаться от тех ночей, которые я провожу в библиотеке. Я уже делала так пару раз. Или, может, я просто смогу поехать к нему, а потом сбежать в библиотеку. Без разницы. Что-нибудь придумаем.

— Ладно, четыре ночи в неделю — восьмое правило. Будем ездить друг к другу поочередно?

— Ну, Хави постоянно водит домой толпы девчонок, так что если только тебе не хочется услышать, как он кончает, то, наверное, твоя квартира будет более подходящим вариантом.

Звучит слишком волнующе. Во всех отношениях.

— Хейзл по ночам работает, так что на самом деле может получиться. У нас будет время пообщаться, или сделать домашку, или еще что-нибудь. О, девятым правилом должно быть — не спать вместе. Собственно, у меня есть свободный матрас, я могу доставать его для тебя.

— Звучит неплохо, — произносит Джетт, и по его тону у меня складывается ощущение, что все как раз наоборот.

— Что-то не так?

Он качает головой и улыбается, но не слишком искренно.

— Ты же не собираешься разорвать наши Липовые Отношения, прежде чем они даже начнутся?

— Да нет, все в порядке. Какое десятое правило?

Я записываю номер десять и поворачиваю тетрадку, чтобы он увидел, что я написала.

— Веселиться. Да, это должно быть правилом, — соглашается он, берет у меня ручку и подчеркивает последний пункт.

— Ладно, вот и они: «Десять правил Липовых Отношений Джетта и Шеннон».

Джетт начинает разрисовывать заголовок.

— Надо понадежнее припрятать список, — говорит он.

— Спрячу его в сумочке вместе с тампонами. Туда ни за что в жизни никто не полезет.

Джетт слишком увлечен рисованием и не реагирует на мою шутку.

— Так что, ты в игре?

У меня ощущение, будто он от меня отгородился.

— В игре, — кивает он, не отрывая взгляда от бумаги.

— Мне кажется, нам надо как-то скрепить наше соглашение. Начать наши отношения официально.

Достаю телефон и вбиваю дату нашего разрыва в календарь. Идеально. Все закончится еще до экзаменов. Лучше не придумаешь.

— Как насчет поцелуя? Мы на людях и начинаем встречаться. Люди, которые встречаются, обычно целуются, ведь так? — наконец поднимает он глаза от списка.

— А. Да. Я... Да, наверное.

Короче, дело вот в чем. Все мои поцелуи до этого были просто ужасны. Либо мы сталкивались носами или зубами, либо меня облизывали, либо мне просто не нравилось. Я не видела фейерверков и не чувствовала слабости в коленях. Вообще ничего такого. Просто ждала, когда все закончится, и я смогу выпутаться из ситуации. И вообще, О ЧЕМ эти парни думают, когда жрут всякую дрянь, перед тем как целоваться? Уж извините, мне совершенно не хочется ощущать вкус съеденного ими чизбургера с жареным беконом и луком, большое спасибо.

Джетт поднимается, обходит стол и наклоняется. Он берет меня одной рукой за подбородок, большим пальцем лаская мою щеку. Закрываю глаза и молюсь, чтобы этот поцелуй все не испоганил.

— Открой глаза и посмотри на меня, Шеннон.

В его голосе столько нежности и ласки, что я не могу не подчиниться. Джетт ближе, чем я думала, и я чуть не подпрыгиваю, но он удерживает меня на месте.

— Сим поцелуем я скрепляю наши Липовые Отношения, — произносит он, словно посвящая меня в рыцари или вроде того. Разве он не должен похлопать меня мечом по плечу?

Джетт склоняется ко мне и очень медленно, словно боится, что я удеру, приближает свои губы к моим. Я резко втягиваю воздух, и он, посчитав это сигналом, с бесконечной нежностью прижимается к моим губам. На секунду он застывает, будто дает мне привыкнуть. Пока все не так уж и ужасно. На самом деле, мне вроде как нравится. Даже больше, чем нравится. Я наклоняюсь вперед, и Джетт открывает рот, углубляя поцелуй.

ВОТ ТАКИМИ и должны быть поцелуи. До меня доносится собственный стон, и я тоже открываю рот. То, что должно быть поцелуем, скрепляющим наши Липовые Отношения, ощущается, как... мой первый настоящий поцелуй. Прежде чем это зайдет слишком далеко, я упираюсь рукой в грудь Джетта, и он отодвигается, облизывая губы, словно наслаждается моим вкусом.

Как сексуально.

— Игра начинается?

— Игра начинается.

Я мирюсь с остальными подругами с помощью SMS. На Хейзл я злилась гораздо сильнее, потому что она во всей этой ситуации была подстрекательницей. Знаю, что мне стоило бы дать им понять, как сильно они меня обидели, но выяснять отношения с Хейзл было и так нелегко, так что мне просто хочется все забыть и начать мои Липовые Отношения.

Мы с Джеттом решили, что наше первое «свидание» должно состояться следующим вечером.

— Где-нибудь в людном месте, — говорю я.

— Хорошо, в «Каппа Сиг» будет вечеринка. Хави туда собирается и позвал меня с собой. Как по мне, звучит достаточно людно.

Вечеринка в братстве? Я была всего на одной такой, и это было ошибкой Хейзл. Все закончилось тем, что мне в сумочку пролили пиво. Но если я буду с Джеттом, вероятно, ничего столь ужасного не случится. Он, наверное, сможет защитить мою сумочку. И меня.

— Хейзл с ума сойдет, что не сможет пойти. Она всегда умоляет меня составить ей компанию на таких вечеринках. Но, может, у меня получится взять с собой кого-нибудь еще из подруг.

Посылаю групповое SMS всем девчонкам и тут же получаю ответы. Дейзи и Джордин согласны, Кэсс не сможет, а Хейзл надо работать. Бойфренд Джордин, Тэннер, тоже идет с нами. Они только что начали встречаться, так что я еще не слишком хорошо его знаю. Но он

кажется милым (с ее слов), и она счастлива (с ее слов), и это все, что имеет значение.

— Ладно, похоже, мы идем туда впятером. Вернее, даже вшестером. Должно быть интересно, — говорю я и рассказываю Джетту, кто еще с нами будет.

— Твои друзья — мои друзья. Если тебе с ними хорошо, то и мне хорошо.

Ага, это мы еще посмотрим.

— Ты вообще-то пока не видел моих друзей, так что после завтрашней ночи ты еще можешь передумать.

Мы направляемся к нашим машинам, и я никак не могу сообразить, как нам надо прощаться. Снова поцеловаться? Мы же на людях. Выдержу ли я еще один поцелуй, теперь уже стоя? В первый раз я сидела — и то оказалось довольно плохо. Мои колени не очень хорошо переносят поцелуи Джетта.

Опираюсь спиной на машину, и он спрашивает:

— Я позвоню тебе вечером?

— Да, конечно.

Джетт наклоняется ко мне.

— Мы на людях, — предупреждает он, когда я немного отодвигаюсь. — Вон там стоит какой-то парень.

Смотрю, куда показывает Джетт, и вижу курящего под библиотекой парня с дредами. А еще он разговаривает по телефону, так что вряд ли обращает на нас внимание. И все же никогда не знаешь, кто будет проходить мимо.

— Ага.

На этот раз кладу руку Джетту на плечо и придвигаюсь. Может, сейчас у меня получится контролировать ситуацию? Ключу его в губы самым стремительным из всех возможных поцелуев и как можно быстрее отклоняюсь, до того как он сможет превратить это в нечто большее.

— Увидимся завтра, — прощаюсь я.

Отворачиваюсь и открываю дверь машины, прежде чем Джетт успеет мне помешать. Слышу за спиной его вздох, пальцы Джетта слегка касаются моей спины — и вот я уже в машине. Бросаю на него взгляд, и он машет мне рукой.

Пока, Липовый Парень.

Глава 7

— Короче, мы с Джеттом официально вместе, — объявляю я, вернувшись домой из библиотеки.

Хейзл за обеденным столом читает один из своих толстенных учебников, делая заметки. Проходит не меньше минуты, пока она выплывает из захватывающего мира прецедентного права и фокусируется на мне.

— У тебя есть бойфренд? У моей Шеннон есть бойфренд? Ты серьезно? — вопит она и бросается на меня, будто я только что сообщила, что выиграла титул «Мисс Америка».

— Господи, отпусти меня, — хриплю я.

В ответ на крепкие объятия с энергичными похлопываниями по спине осторожно глажу ее по плечам, пытаюсь успокоить и заставить остановиться, прежде чем она меня придушит. Наконец она меня отпускает и отвешивает шлепок по заднице.

— Боже, я так рада! Теперь мне не придется беспокоиться о том, что ты превращаешься

в чудачковатую старушку с домом, битком набитым кошками, — заявляет Хейзл.

— Ну вообще-то я еще молода. У меня впереди куча времени, чтобы завести кошек.

Она стискивает мое лицо ладонями. Я чуть не проглатываю язык.

— Даже не думай об этом. Я тебе не позволю. К тому же, теперь, когда у тебя был секс, я не думаю, что в ближайшем будущем ты возьмешься за старое. Мой первый раз уж точно НЕ БЫЛ так хорош.

Я знаю все о первых разгах моих подруг, и они выстроены по шкале от отвратительного до не-такого-уж-и-ужасного. Вероятно, я слишком увлеклась, когда сочиняла свою историю, но, как по мне, все дело в том, что я перечитала эротических романов.

— М-м, так я тогда расскажу всем остальным о тебе и Джетте? — осторожно спрашивает Хейзл, будто ожидая, что я на нее накричу.

Мы знакомы достаточно давно, чтобы я понимала, что ее просто распирает от желания поделиться такой пикантной информацией.

— Все нормально. Я вроде как уже сказала им, что я с ним, когда спрашивала насчет вечеринок в «Каппа Сиг».

Хейз облегченно вздыхает:

— О, хорошо. Мне не хотелось, чтобы ты на меня рассердилась. Снова. Ну что, ты сегодня много успела сделать?

Ничего не рассказываю ни о моей неучебе, ни о том, как встретила Джетта в библиотеке, потому что это приведет к разговору о Липовых Отношениях, а я липово встречаюсь с Джеттом всего пару часов. Мне же надо продержаться хотя бы неделю. А потом еще немного.

Целый месяц. О чем я думала? Как я смогу врать и изворачиваться целый месяц? Актриса из меня так себе. Хватаю свой чай и бросаюсь в спальню, чтобы позвонить Джетту.

— Привет. Я не могу этого сделать. Зачем мы вообще это придумали? Это Шеннон, кстати. На случай, если ты не понял, — выпаливаю я, не давая ему ни малейшего шанса вставить хоть слово.

— Да, я понял. Уже передумала? — Слышу, как он закрывает дверь и садится, судя по всему, на свою кровать. — Черт, мы же липово встречаемся не больше пары часов.

— Я знаю. Я пас.

— Почему? Объясни мне.

— Потому что из меня никудышная лгунья. И мне просто кажется, что я не выдержу. Четыре ночи вместе? Что, если я тебе надоем? Что, если ты решишь, что я ненормальная? Или толстая?

— Ого! Шеннон, сбавь обороты, — обрывает он мой лепет. — Мы можем обсудить правила. Можем изменить, если понадобится. И если ты будешь продолжать смешить меня и быть такой же очаровательной, то никогда мне не надоешь, обещаю. И мне нравятся ненормальные. По-хорошему ненормальные. И ты не толстая, клянусь.

Я слышу, как он приглушенно ржет. Это не смешно.

— Не смей надо мной смеяться! Я в деликатной ситуации.

— Я не смеюсь над тобой, принцесса.

— Эй, ты нарушаешь шестое правило.

— Прости.

В его голосе совершенно не слышно раскаяния. Ни капельки.

— Какой смысл в правилах, если ты им не следуешь? Видишь, что я имею в виду? Это

безнадежно и бессмысленно.

Ложусь на кровать и откидываюсь на подушки.

— А по-моему, ни то, ни другое. Просто ты пессимистка. Но, к счастью для тебя, твой Липовый Парень — оптимист. Так что твои объяснения меня не убедили. И еще ты не использовала стоп-слово, ну и кто теперь не следует правилам?

Черт, я забыла об этом дурацком стоп-слове. Я уже готова его произнести, но вдруг замолкаю. Джетт ждет.

— Ну ладно, может, я немного пессимистична.

— По-моему, это просто небольшое недоразумение, Шен. — Ну, по крайней мере, он больше не называет меня принцессой. — Но если ты в самом деле не хочешь этого делать, то тебе стоит сказать всего лишь одно слово — и все закончится.

— Знаю.

Но если я покончу со всем этим, то, вероятно, не смогу больше видаться и общаться с Джеттом. Да, я знаю этого парня всего пару дней, но мне хочется, чтобы он оставался в моей жизни. С ним легко разговаривать, и он забавный, и симпатичный. Татуировки очень сексуальны. Я и понятия не имела, насколько, пока не встретила Джетта. Плюс у него действительно клевая прическа.

И я не могу вернуться и сказать Хейз и остальным девчонкам, что соврала им. Ни за что. Я умру от унижения.

Пути назад теперь нет.

— Нет, все в порядке.

— Так мы продолжаем?

— Да, игра продолжается.

— Ты уверена?

— Ага. Увидимся завтра вечером.

— Ну ладно. Спокойной ночи, Шеннон.

— Спокойной ночи, Джетт.

Нажимаю отбой и бросаю телефон на кровать. Слышу стук в дверь.

— Да? — спрашиваю я.

— Я могу войти?

Серьезно? Хейзл спрашивает, может ли она ко мне войти? Я тут же начинаю нервничать.

— Конечно? — Звучит как вопрос. Хейз открывает дверь, словно боится, что на нее кто-то набросится и задушит. — Что-то не так?

Господи, надеюсь, она не слышала, о чем мы только что разговаривали с Джеттом? Особенно в начале.

— Я просто хотела спросить, как ты. В смысле, ты же только что занималась сексом в первый раз в жизни. Мне кажется, нам надо... ну, сесть и поговорить, что ли. Может, у тебя есть ко мне какие-то вопросы. И от меня требуется побыть лучшей подругой. Ну типа того.

Ой, как мило. Если бы мне еще это было нужно...

— Со мной все нормально, клянусь. Мы предохранялись и все такое. А теперь встречаемся. Так что все в порядке. Я в порядке.

Сколько раз за последние два дня я использовала слова «в порядке»? По-моему, я исчерпала свой лимит.

— А как насчет таблеток? Презервативы не дают стопроцентной гарантии.

Серьезно? И она мне об этом рассказывает? Сколько раз я ее доставала по поводу случайных связей с парнями? Ну все, я разозлилась.

Бросаю на нее выразительный взгляд, и у нее хватает совести смутиться.

— Я обо всем побеспокоилась.

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности. Знаю, в прошлом я была не лучшим примером.

Кхм, мягко говоря.

Наверное, стоит отдать Хейзл должное. Она пытается убедиться, что мой будущий Липовый Секс не закончится Липовой Беременностью.

— Спасибо, Хейз, — обнимаю я ее.

— Ладно, показывай, что ты наденешь на вечеринку.

Я над этим даже не думала. Что-нибудь чистое? Поднимаюсь с кровати и нахожу какие-то джинсы и симпатичную футболку, которая выставляет мои буфера в лучшем виде, но прикрывает все, что надо прикрыть.

— О черт, нет!

И почему я не сомневалась, что Хейзл этого не одобрит? Она направляется к моему комоду, начинает рыться в ящиках и тут же находит кучу одежды, о которой я стараюсь не вспоминать. На свет появляется майка с глубоким, прикрытым кружевом вырезом и бретельками, которые едва удерживают мои сиськи, и Хейзл посылает мне широкую ухмылку. М-да, я явно продемонстрирую всю свою красоту.

Интересно, Джетту больше нравится грудь или задница? У меня есть и то, и другое.

Беру майку из рук Хейзл. Наверное, я смогу накинуть сверху свитер. Джинсы подруга одобряет, а вот обувь вытаскивает из собственного шкафа. Нет ничего лучше, чем когда у твоей соседки одинаковый с тобой размер. Плюс ее обувь гораздо эффектнее моей.

— В этих сапожках твои ноги будут выглядеть длиннее, — говорит Хейз, протягивая мне пару своих классических черных ШС.

Я с этим справлюсь. Надеюсь.

— Так что, ты счастлива? — спрашивает она, пока я натягиваю сапоги, чтобы проверить, смогу ли в них ходить.

— Да.

Может, я и солгала ей по поводу наших отношений с Джеттом, но тут я не вру. Он действительно делает меня счастливой, и мне нравится быть с ним.

— Отлично.

Следующим вечером натягиваю джинсы с майкой и сапожки, а волосы оставляю лежать на плечах, взбив их попышнее. Всегда чувствую себя сексуальнее, когда волосы распущены. Хейзл уже на работе, а девчонки скоро должны прийти. И Джетт. Джетт заедет за мной.

Немного трясую буферами, чтобы убедиться, что они в безопасности и не надумают выпрыгнуть из лифчика или сделать еще что-нибудь неожиданное. В этот момент раздается стук в дверь. Бросаю на грудь последний взгляд и иду открывать.

На крыльце в свете фонаря стоит Джетт. Черт.

На голове у него ирокез. Он одет в потертые джинсы и рваную футболку с

нарисованным на ней галстуком. Сверху накинута кожаная куртка. На ногах кеды. Он выглядит круто безо всяких усилий, и это заставляет меня задуматься о собственном наряде и его недостаточной крутости. Наконец я поднимаю голову и обнаруживаю, что Джетт на меня пялится. О, он пытается удержать взгляд, но его глаза все время опускаются к моим сиськам. Честно говоря, это не его вина. Они довольно откровенно торчат наружу, их тяжело не заметить.

— Видишь что-то интересное? — возвращаю я Джетту его же вопрос.

— Парочку вещей. — Он снова смотрит мне в глаза и улыбается.

— Ну что, зайдешь, Липовый Парень?

— С удовольствием, Липовая Девушка.

Впускаю его и веду на экскурсию по дому. Я полдня наводила марафет — настолько, насколько возможно — и зажгла несколько ароматических свечей, чтобы добавить обстановке немного романтики.

— Я приготовила для тебя постель. Простыни чистые, и надеюсь, что подушек достаточно.

У меня ощущение, что я чуток переборщила.

— Ага, выглядит классно, — говорит Джетт, поднимая одну из подушек. Подержав, он бросает ее обратно на гостевой матрас.

— Так что, ты готов к первому свиданию, Липовый Парень?

— Я да, а ты?

О, отличный вопрос! Джетт оборачивается, и его взгляд автоматически опускается к моей груди, а потом снова поднимается к лицу, словно ему приходится прилагать для этого усилия.

— Я готова. И не собираюсь тебя бить за то, что ты пялишься на мои буфера. Я не из тех девчонок, которые сначала выставляют грудь напоказ, а потом психуют, когда парни пожирают ее взглядом. В смысле, разве тебе не этого хочется?

Упираю руки в бедра, и Джетт откашливается, отводя взгляд.

— Что ж, рад слышать, что меня не побьют за разглядывание груди моей Липовой Девушки. А вот если на нее начнет пялиться кто-то другой, мне это конкретно не понравится. — И снова эта улыбка, которую я обожаю. — Не волнуйся, я знаю особый вулканский захват.

— Особый вулканский захват? *Как* это? — Я вообще-то мало что знаю о «Звездном пути». Я скорее фанатка «Звездных войн».

— Вот так.

Джетт обходит меня и становится так, что моя спина упирается ему в грудь. О! Ну привет.

— В общем, ты должна потерять сознание, когда я сделаю вот так.

Он поднимает руку и сдавливая изгиб моей шеи там, где она переходит в плечо.

— Ты уверен, что все правильно делаешь? Я чувствую только легкое давление.

На самом деле ощущение довольно приятное. Немного похоже на массаж.

— Думаю, нам просто надо потренироваться, — говорит Джетт мне в ухо, посылая мурашки по спине.

Он убирает руку, но назад не отступает. Он по-настоящему теплый. Немного отклоняюсь назад, и Джетт вздыхает.

И тут открывается входная дверь, и квартиру заполняют голоса.

Джетт отскакивает от меня, словно я горю.

— Ау? — доносится до нас голос Джордин с милым южным акцентом.

Поворачиваюсь к Джетту и подставляю ему ладонь для хлопка.

— Готов, Липовый Парень?

— Готов, Липовая Девушка.

Он хлопает своей ладонью по моей, и мы идем в кухню.

— Привет, я Джордин.

Воспитанная в южных традициях, она всегда ведет себя словно на светском приеме в саду. А еще любит заминать скандал, делая вид, что ничего не произошло. Вот почему она никак не упоминает о том, что случилось той ночью, когда я приехала домой с Джеттом.

Он пожимает Джордин руку, и она знакомит его с Тэннером. На Тэннере футболка «Харлей Дэвидсон», и выглядит он слегка пьяным. Или, может, он просто всегда так выглядит. В остальном парень довольно симпатичный.

Следом появляется Дейзи. Она слегка огорчена тем, что у нее нет пары, но потом Джетт упоминает о Хавьере, и в ее глазах зажигается огонек предвкушения. Прелестно.

— Эй, ты мне не поможешь кое с чем? — спрашивает Кэсс.

Она хватает меня за руку и утаскивает в ванную, следом просачиваются Дейзи и Джордин. Они закрывают дверь и окружают меня.

— И чем же тебе «помочь», Кассандра? — интересуюсь я.

— Ладно, короче, мы скверно себя чувствуем из-за того, что сделали, но хотим убедиться, что ты осторожна с этим парнем, — выпаливает она. Остальные девчонки кивают.

Начинаю психовать. Я уже готова взорваться, но это приведет к ненужной драме, а нас ждут парни. В детстве родители постоянно ругались, и мне кажется, это как-то повлияло на мою способность заводить нормальные отношения с другими людьми. А может, я просто сама все портила. Поэтому я ни за что этого не сделаю. Не стану давать волю чувствам.

— Этого разговора *никогда* не было, — цежу я, расталкиваю их и возвращаюсь на кухню.

Несколько минут спустя мы загружаемся в груды-металла-которая-пытается-сойти-за-автомобиль Джетта.

— Ты уверен, что на этой штуке можно ездить? — спрашивает Дейзи, пытаюсь застегнуть ремень безопасности, правда, без особого успеха.

— Никогда не оскорбляй тачку парня, — заявляет Тэннер, обнимая Джордин.

Я обожаю эту девочку, но она помешана на парнях, которые обращаются с ней, как с дерьмом. Есть в этом какая-то ирония, учитывая речь, которую она только что толкнула в ванной. Хейзл, по крайней мере, в этот раз осталась в стороне, хотя, возможно, лишь потому, что сейчас на работе.

— Она хорошая девочка, — похлопывает Джетт по приборной панели.

И почему парни так любят свои тачки? Хотя чья бы корова мычала. Сама безумно привязана к своей коллекции старых книг. Храню их на специальной полке в спальне и иногда даже разговариваю с ними. В этом же нет ничего странного, правда?

Я сижу с Джеттом впереди, остальные втиснулись на заднем сидении. Хавьер уже на вечеринке.

— Небось выпивает там за двоих, — бормочет мне Джетт.

— О, наверное, будет весело.

— Посмотрим.

Найти свободное место для стоянки поблизости от братства просто нереально. Да, сегодня вечер буднего дня, но это не мешает народу напиваться.

Наконец мы обнаруживаем свободное местечко на обочине и втискиваемся туда. Проверяю, хорошо ли кофта прикрывает мои буфера.

Повесившись на наших парней, мы, с трудом балансируя на высоких каблуках, осторожно пробираемся к дому. К слову, об опасности.

— Никогда бы не догадался, что ходьба — самый настоящий вид спорта, — замечает Джетт, практически неся меня на руках, пока я спотыкаюсь на каждом шагу, из-за того, что каблуки сапог Хейзл застревают в гравии.

— Просто мы, девушки, любим все усложнять, — отвечаю я со смехом.

Он обнимает меня и выдергивает из очередной ямы. Мы наконец-то добираемся до дома без особых происшествий.

Вечеринка в самом разгаре. Пиво льется рекой, музыка гремит, и у меня ощущение, что члены братства скупили все красные пластиковые стаканы в ближайшем супермаркете. У одной из стен даже выстроена пирамида из них. Стаканы, наверное, склеены, потому что только так они могут оставаться на месте, учитывая, сколько народу снует туда-сюда.

Джетт находит Хавьера на другом конце комнаты. Тот стоит у одного из бочонков, наполняя стаканы всем желающим.

— А он вообще член братства? — пытаюсь я перекрычать музыку.

— Э-э, нет. Он что-то вроде почетного члена в... да в каждом братстве. Розлив пива — его вторая специальность.

В этом я не сомневаюсь.

Хавьер машет нам и, как только мы приближаемся, начинает подавать нам стаканы по мере наполнения. Джордин уходит с Тэннером, который замечает кого-то из друзей, а Дейзи немного флиртует с Хавьером, прежде чем подходит другой парень и уводит ее с собой. Она игриво машет мне через плечо.

— Будь осторожней, — кричу я ей.

Мы с Джеттом становимся в уголке, подальше от общего сумасшествия.

— Вот так растишь их, кормишь, одеваешь, обувашь, а потом красней за них, — шучу я.

Джетт берет меня за руку, и мы переплетаем пальцы. Он поднимает мою руку к своим губам и целует мне запястье.

В животе у меня начинают трепетать бабочки, как танцоры, которые топчутся возле колонок.

— Ты в курсе, что великолепно выглядишь?

Он начинает размахивать нашими соединенными руками туда-сюда, и во мне зреет почти непреодолимое желание захихикать, подобно маленькой девочке.

— Ни в одном из правил не написано, что ты должен делать комплименты, но нам нужно такое правило. — Я сжимаю его руку.

— Ну и чего вы тут торчите, лузеры? — спрашивает Хавьер, наконец-то покинув свой пост у бочонка.

— Просто восхищаюсь этой очаровательной леди, — подмигивает Джетт.

— Прекрати, — отворачиваюсь я.

— Так что, вы двое теперь вместе?

Джетт молча поднимает вверх наши руки, и я стараюсь рассмеяться, как влюбленная

девушка. Получается немного безумно, но, кажется, никто ничего не замечает.

Хавьер только качает головой и уходит, напоследок бросив:

— Ладно, пейте дальше.

— Это его стандартный совет, — поясняет Джетт.

Он делает глоток пива. Я тоже немного отпиваю. По крайней мере, пиво холодное. Больше ничего хорошего я о нем сказать не могу. Несколько человек подходит, чтобы поздороваться с Джеттом. Он, конечно, не Хавьер, но все-таки популярен. У меня появляется ощущение, будто я тусуюсь с какой-то знаменитостью. Джетт не забывает представлять меня «его девушкой» каждый раз, как кто-то останавливается возле нас, и бабочки в животе снова и снова исполняют свой замысловатый танец. Может, эти отношения и липовые, но бабочек я чувствую очень даже по-настоящему.

Я пожимаю чьи-то руки, принимаю все новые и новые стаканы с пивом и пытаюсь запомнить имена и лица, пока у меня голова не начинает идти кругом от всего этого шума и от бегущего по венам алкоголя.

— Не хочешь подышать свежим воздухом? — спрашивает Джетт немного погодя.

В комнате и правда душно, из-за всех этих тел, толкающихся друг с другом.

— Конечно.

Мы выходим на задний двор и направляемся к деревьям, отделяющим двор от соседей. Грохот вечеринки немного стихает, но в ночи все равно разносятся звуки шумного веселья. Во дворе темно, и все же я уверенно иду вперед. Останавливаюсь и поворачиваюсь к Джетту. Он буквально врывается в меня.

— Извини, — вырывается у него.

— Все в порядке.

Джетт прислоняется к дереву, я тоже. На улице зябко, и воздух немного обжигает легкие, но здесь все же лучше, чем внутри.

— В такие моменты я бы не отказался от сигаретки.

Что? Я и не знала, что он курил.

— Я бы не стала возражать.

У меня вся семья курящая, и я выросла в доме, провонявшем табачным дымом.

— Нет-нет. Если опять начну, то не смогу остановиться. Ты замерзла?

Я дрожу и через пару секунд точно начну стучать зубами.

— Немного. Но мы можем остаться тут, если хочешь.

Джетт качает головой.

— Давай вернемся. Эй, а может, и хорошо, что мы сюда пришли. Они, наверное, решат, что я вытащил тебя для быстрого перепихона под деревом.

Интересно, в этом и состоял его основной план?

— Ну, если мы собираемся сыграть этот спектакль, то нам стоит сделать его правдоподобным.

Наклоняю его голову вниз и запускаю руки ему в прическу, наводя там небольшой хаос. Потом то же самое делаю со своими волосами. Заставляю его снять куртку и привожу нашу одежду в беспорядок, словно мы одевались впопыхах. В качестве последнего штриха обновляю на губах помаду и немного помады размазываю по его губам. Губы у него на удивление мягкие, как для парня, но я все же чувствую их твердость. Точеность.

— Ну как? — спрашиваю я, разведя руки в стороны, чтобы он оценил мою взъерошенность.

— Идеально.

Он убирает волосы с моего лица, на несколько секунд задержав ладонь на моей щеке. Потом берет меня за руку, я прислоняюсь к его плечу, и мы возвращаемся в хаос вечеринки.

Глава 8

Сделать вид, что мы по-быстрому перепихнулись на природе, — просто гениальная мысль. Джетт получает порцию похлопываний по спине и многозначительных взглядов, а до меня доносятся перешептывания парней, что я безотказная девчонка. Подумаешь! Мне плевать на мнение кучки пьяных членов братства. Все равно они завтра ничего не вспомнят.

Зато Хавьер ведет себя так, будто я сделала нечто, что нужно отпраздновать. Он «покупает мне выпивку» (то есть достает новый стакан и наполняет его из бочонка) и заявляет, что если я когда-нибудь надумаю бросить Джетта и «перейти на темную сторону», то он будет более чем счастлив «ввести меня в курс дела». Ощущение, словно все, о чем он говорит, обязательно надо брать в кавычки.

Джетт не выпускает моей руки, а я жмусь к нему поближе. Уже поздно, и я опьянела, и все, чего мне хочется — свернуться под одеялом и провалиться в сон.

Допиваю пиво, которое мне «купил» Хавьер, и Джетт тут же спрашивает:

— Ну что, готова ехать?

Киваю, и мы идем собирать остальных. Как я и думала, Дейзи нигде нет, а когда я посылаю ей SMS, она отвечает быстро и немногословно, из чего я делаю вывод, что она собирается остаться. Тэннер пьян в хлам. Он допился до состояния, когда не может ни сфокусировать взгляд, ни поднять голову, ни вспомнить своего имени. Я, Джетт и пьяная чуть-менее-чем-в-хлам Джордин непонятно как дотаскиваем Тэннера до машины, запикиваем его на заднее сидение, и Джордин залезает к нему, положив его голову себе на колени.

— Чувак, если ты насысь или блеванешь в моей тачке, я из тебя все дерьмо вышибу, — обещает ему Джетт.

Чувствую себя виноватой за то, что навязала ему своих друзей. Так и знала, что этим все закончится.

— Мгаши гашис агиши, — доносится с заднего сидения. Ну или что-то вроде того.

— Ш-ш-ш, все в порядке, детка, — успокаивает Тэннера Джордин, гладя его по голове. — «Макдональдс» уже недалеко.

— Он это сказал? — удивляюсь я.

— Ну, мне так кажется, — отвечает Джордин.

Сажусь в машину и слышу, как сзади начинает о чем-то плакать Тэннер. Супер. Эмоциональный пьянчуга. Но Джордин утирает его слезы, утешает и укачивает его, как ребенка.

Облегченно вздыхаю, когда мы доставляем Джордин и Тэннера к ней. Ее машина осталась у моего дома, но не думаю, что ей или ему можно за руль. Джордин сможет прийти за машиной завтра.

Джетт помогает ей втащить всхлипывающего Тэннера по лестнице и оставляет их в целости и сохранности в квартире.

— Совсем ей не завидую. Когда я закрывал дверь, у него был такой вид, будто его стошнит прямо там же, — вернувшись, говорит Джетт.

— Мне так жаль, что тебе пришлось нас везти и мучиться с ними.

— Тебе надо перестать извиняться, Шен. Все в порядке. Я могу с этим справиться, — нежно говорит он мне, но его тон намекает, что тема закрыта.

В итоге мои мысли перескакивают на кое-что другое, и я тут же начинаю паниковать.

Джетт проведет ночь. В моем доме. На полу, но все же. Он будет там спать, а это одна из самых интимных вещей, которые можно делать рядом с другим человеком. Что, если он храпит? Я вряд ли храплю. Хейзл бы мне об этом сказала, правда? Она никогда не стеснялась говорить мне о таких вещах. Да, она бы мне по-любому сказала.

Джетт выключает зажигание, поворачивается и смотрит прямо на меня.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я остался?

Под автоматически включившимся на крыльце фонарем его глаза блестят, как звезды.

— Мы сделаем все от начала и до конца, Липовый Парень, — отвечаю я, показывая больше уверенности, чем чувствую.

Подходим к входной двери, и я открываю ее безо всяких паролей. Кладу сумочку на стол.

— Ты что-нибудь взял с собой на ночь?

— Черт, да. В машине.

Джетт выходит и возвращается с рюкзаком. Боже, надеюсь у него там какая-нибудь одежда.

Наливаю для нас обоих по стакану воды. Мне она точно нужна. Достая пузырек с аспирином, встряхиваю на ладонь несколько штук и запиваю водой.

Почти два часа ночи, и мне правда ничего не хочется, кроме как завалиться в кровать, но я удивительно напряжена. Словно перепила кофе.

— Пойду, наверное, почищу зубы, — говорит Джетт и уходит, забрав с собой в ванную рюкзак.

Пока его нет, натягиваю пижаму. Самой собой, оставляю на месте лифчик, даже несмотря на то, что будет жутко неудобно. Сверху надеваю штаны с футболкой, разрисованные смайликами, которые родители подарили мне на Рождество пару лет назад. Знаю, папа с мамой меня любят, но они понятия не имеют, какая я на самом деле и какие пижамы мне нравятся.

Натягиваю футболку через голову, когда слышу шаги Джетта в кухне. Быстро одергиваю ее и проверяю, не видны ли соски сквозь двойной слой ткани. Потом выхожу из спальни.

Ради всего святого.

— Эй, у тебя есть чай или что-нибудь еще?

Моментально застываю, не говоря ни слова. Я слишком занята, пялясь на его руки и ключицы. На нем черная майка и очень обтягивающие серые спортивные штаны.

Ни. Хрена. Себе.

Не уверена, но, по-моему, татуировка на руке Джетта — это на самом деле переплетение двух драконов, красного и синего. Красный пересекает его грудь, а синий — спину. Хвост синего дракона уходит вверх и заканчивается, обернувшись вокруг шеи. Волны на второй руке Джетта безумно красивы, и я могу разглядеть детали, которые до этого не заметила. Посреди бушующего океанского хаоса качается на волнах утлая лодочка. Интересно, что это значит? Я наконец-то отрываюсь от разглядывания его татушек, и когда наконец возвращаю взгляд к его лицу, понимаю, что Джетт ждет от меня ответа на вопрос... какой-то. Судорожно копаюсь в голове, пока не вспоминаю. Чай. Он попросил чаю.

— Да, в шкафчике слева.

Джетт разворачивается, и на его спине мелькает синий дракон. Мне очень хочется попросить его снять майку.

Он достает две чашки, наливает в них воду и ставит в микроволновку. И никак не комментирует мой наряд. Подозреваю, потому, что я выгляжу как идиотка. Супер.

Я люблю пить чай с медом, так что направляюсь к шкафчику, где стоит мед. И тут раздается сигнал микроволновки, Джетт делает шаг, чтобы достать чашки. Мы врезаемся друг в друга на полном ходу.

— Извини, — хором выпаливаем мы, и отодвигаемся, хотя его руки остаются на моей талии.

Джетт смеется, я тоже начинаю хохотать, но в голове бьется лишь одна мысль. Его руки на моем теле.

Микроволновка снова подает сигнал, но он доносится откуда-то издалека, хотя я стою совсем рядом.

— Извини, — тихо повторяет Джетт.

Он с трудом сглатывает, и я смотрю, как дергается кадык у него на шее.

— Ничего, — шепчу я в ответ.

У него и в самом деле невероятные глаза. Если смотреть в них с близкого расстояния, то можно даже разглядеть на радужке оттенки голубого и зеленого. Словно ему в глаза брызнули понемногу разными сверкающими красками.

И прежде чем я успеваю его остановить, Джетт наклоняется и целует меня. Я упираюсь руками ему в грудь, чтобы оттолкнуть, но не могу найти в себе силы сделать это. По телу разливается тепло, а губы начинают пылать. Руки помимо воли скользят по его груди и обхватывают Джетта за плечи, притягивая его еще ближе. Он стискивает меня с такой силой, что потом точно останутся синяки. Но меня это почему-то не волнует.

Я забываю дышать, сосредоточившись на замысловатом танце, который исполняют наши рты. Язык Джетта касается моих сжатых губ, умоляя впустить его. Да, Джетт, можешь войти. Открываю рот, и он использует эту возможность на все сто.

Ого!

Но поцелуй заканчивается так же внезапно, как и начался. Губы и язык Джетта вдруг больше меня не касаются. Открываю глаза и обнаруживаю, что он стоит, тяжело дыша и моргая, словно вышел из транса.

— Ты только что нарушил пятое правило. Никаких поцелуев на ночь, если этого никто не видит, — выдыхаю я, облизывая губы. У него обалденный вкус.

— Технически и четвертое тоже, — с трудом отвечает Джетт. Он откашливается и наконец убирает руки с моих бедер. — Но я бы все-таки посчитал это случайным контактом. Мои губы притянуло к твоим. Помимо моей воли. Я ничего не мог с этим поделать.

Джетт смеется, хотя никак не может отдышаться. Я вдруг ловлю себя на том, что кусаю губу. Отступаю назад, он делает то же самое.

— Ничем не могу помочь, Липовый Парень.

Открываю микроволновку и вытаскиваю чашки. Двигаю одну по стойке к Джетту, и из нее выплескивается кипяток, чуть не обварив ему ногу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Прости!

Он молча качает головой, потом хватается рулон кухонных полотенец со стойки и

начинает вытирать лужу. Я решаю, что лучше всего сосредоточиться на заваривании чая, так что именно этим и занимаюсь, когда Джетт выпрямляется и выбрасывает мокрые бумажные полотенца в урну.

В доме слишком тихо, так что я беру свой айпод и вставляю его в купленные Хейзл колонки. Кухню заполняют начальные аккорды «Могу ли я остаться?» Рэя Ламонтейна, и Джетт удивленно смотрит на меня, тут же узнав песню. Неужели мы еще и музыку одинаковую любим? Есть какая-то ирония в том, что именно эта песня заиграла первой. Мы оба тихонько смеемся и усаживаемся напротив друг друга. Мои губы все еще гудят от поцелуя.

— Ты знаешь эту песню? — спрашиваю я.

— Да.

Джетт начинает помешивать чай, и я понимаю, что он чего-то недоговаривает.

— Я ее обожаю. И она очень подходит, учитывая обстоятельства, — продолжаю я.

Он отвечает молчаливой улыбкой, и мы делаем по глотку чая.

Мне казалось, музыка улучшит положение, но на самом деле ситуация опять становится неловкой. Почему-то.

Мы молча слушаем восхитительный голос Рэя. Песня заканчивается, и начинает играть «Только ты» Элли Гулдинг. У меня на айпode куча разной музыки, но такое ощущение, будто сегодня вечером у него есть собственные скрытые мотивы.

— Не хочешь посмотреть кино? — спрашиваю я, когда Джетт допивает чай и встает, чтобы помыть чашку.

Подхожу к нему, но он отшатывается, словно боится оставаться рядом со мной. Пытаюсь сохранить спокойствие и не надуться.

— Как хочешь. Ты не устала?

— Да, поздновато уже. Тебе когда на занятия?

— После десяти.

— О, хорошо. А мне к одиннадцати.

Вытираю руки полотенцем и пытаюсь придумать, что делать дальше.

— Я, наверное, поеду, — бормочет он, отступая от меня.

— Нет, останься, — шепчу я.

Я хочу, чтобы он остался. Мне нравится, когда он рядом, и я не хочу, чтобы все закончилось.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

— Хочу.

Единственное слово повисает между нами в воздухе, словно оно живое и его можно пощупать.

— Ладно, — медленно выдыхает Джетт.

Мы решаем посмотреть какой-нибудь фильм, и у меня полное ощущение deja vu, словно повторяется ночь, которую я провела у Джетта. Только у меня полно эротических фильмов от Хейзл. А моя коллекция немного отличается от его.

— У тебя два диска «Уиллоу»? — поражается он, водя глазами по моему собранию

фильмов.

— Ага. Один — специальное издание.

Джетт улыбается и продолжает осмотр. Потом выхватывает одну из коробок и протягивает мне.

— «Лабиринт»? — Неожиданный выбор.

— Я давно его не пересматривал. Помню только Боуи с безумной прической.

Прическа и правда довольно безумная.

Устраиваемся на диване, оставив между нами достаточно места, чтобы наверняка избежать всяких случайных контактов. Включаю кино и пытаюсь смотреть на экран, а не на Джетта.

— Ух ты, я и не подозревал, до чего ужасна эта нарисованная сова в самом начале.

Глаза мои, может, и на экране, но все внимание сосредоточено на Джетте и обнаженных участках его кожи.

— Ага, знаю, — отзываюсь я, хотя не совсем уверена, что он только что сказал.

Мысленно даю себе оплеуху и снова сосредотачиваю внимание на фильме, но тут же ощущаю взгляд Джетта на себе. Наверное, думает, какая непривлекательная у меня пижама. Эх!

— Господи, как тут все сверкает, — удивляюсь я.

Сама давненько этот фильм не пересматривала. Он даже круче, чем я помнила. Мы с Джеттом смеемся в одних и тех же местах и все время обсуждаем происходящее на экране. У меня начинают слипаться глаза. Опускаю голову на подлокотник, на мгновение отключаюсь — и вдруг мое тело поднимается в воздух.

Секунду не могу сообразить, где я. Потом открываю глаза и осознаю, что меня несут на руках. В панике оглядываюсь, и тут до меня доходит, что это Джетт.

Он нежно укладывает меня на кровать, накрывает одеялами и, увидев, что я не сплю, говорит:

— Привет.

— Привет, — охрипшим со сна голосом отвечаю я.

— Фильм кончился, а ты уснула, — поясняет он.

Ему не надо оправдываться. Не то чтобы Джетт сделал нечто возмутительное. Вот если бы я была голой, тогда ему бы пришлось кое-что объяснить.

— Спасибо, — говорю я.

Его лицо по-прежнему совсем рядом с моим. Он словно чего-то ждет. Поцелуя? Не думаю, что выдержу сегодня еще один поцелуй.

И тут Джетт встает, обходит кровать и идет к приготовленному для него матрасу. Он садится, и я переворачиваюсь на другой бок, чтобы видеть его. Мне уже не хочется спать. Джетт кладет руки на колени. Наши лица почти на одном уровне. Еще немного — и наступит утро. Ох и фигово мне будет после такой ночи. Надеюсь, мы сможем поспать дольше обычного. Однако мой опыт проживания с Хейзл, к сожалению, говорит, что ничего не выйдет. Она любит пошуметь, когда возвращается домой.

— Наверное, нам стоит поспать, — предлагаю я, устраивая поудобнее голову на подушке.

— Ты права. Спокойной ночи.

Джетт наклоняется вперед и гладит меня по щеке. Это не случайный контакт, но я решаю сделать вид, что ничего не заметила.

— Спокойной ночи. Крепких снов.

Он улыбается, ложится на бок лицом ко мне и закрывает глаза. Я делаю то же самое, но через мгновение снова смотрю на него. Он спит. Я могу изучать его лицо в тускло-зеленом свете моих электронных часов, не боясь показаться ненормальной.

Хотя, может, изучать человека, пока он спит, и ненормально. Да, точно ненормально. Снова закрываю глаза и пытаюсь уснуть.

Просыпаюсь от грохота на кухне и слышу, как кто-то от всей души ругается. Хейзл дома. Открываю глаза, и мой взгляд тут же падает на Джетта. Обычно я как засыпаю, так и не двигаюсь — просыпаюсь в том же положении. А вот парень на моем полу уже не на боку. Джетт лежит на спине, руки-ноги разбросаны во все стороны. Такое ощущение, как будто он шлепнулся на спину на матрас. Свешиваюсь с кровати и с минуту наблюдаю за ним. Потом расчесываю волосы пальцами, пытаюсь немного их пригладить. Видок у меня сейчас, наверное, просто фантастический. Но по сравнению с Джеттом я просто сама аккуратность. Его волосы торчат во все стороны, как и конечности.

С кухни снова доносится грохот, и я сердито зыркаю на дверь, как будто Хейзл стоит прямо там. Только семь утра. Спать бы еще и спать. Мне жутко не хочется будить Джетта, но если мы собираемся разыграть сценку посткоитального блаженства, нам надо пошевеливаться.

— Джетт? Джетт.

Нежно трогаю его за плечо, но в ответ получаю реакцию, которой совсем не ожидала.

Рука Джетта взлетает в воздух и наносит удар прямо мне в глаз.

— О боже!

Закрыв лицо руками, я отшатываюсь назад и падаю на подушки. В сам глаз он мне не попал, но куда-то в район скулы заехал. Пару раз открыв и закрыв глаз, решаю, что все не так плохо. Надеюсь только, что синяка не будет.

Над кроватью показывается лицо Джетта.

— Что случилось?

— Э-э, ты меня стукнул. Неплохой метод пробудки. Хотя я бы предпочла кофе, — отвечаю я, ощупывая щеку. — Думаю, по большей части я просто испугалась.

— Черт, мне очень-очень жаль. Дай посмотреть, — наклоняется ко мне Джетт, и в первый момент мне хочется отшатнуться, но я лежу спокойно, чтобы он осмотрел скулу.

— Небольшое покраснение, но не думаю, что останется след. Хорошо, что я не заехал тебе в глаз, а то мог бы быть синяк. Мне правда очень жаль. Надо было тебя предупредить, что если меня пытаются разбудить, я имею обыкновение лягаться. Хотя теперь ты, наверное, уже в курсе.

— Угу.

По-моему, Джетт относится к инциденту слишком несерьезно, но он так нежно ощупывает мою скулу, проверяя, нет ли других повреждений.

— Прости, принцесса.

Не успеваю я сказать, что он только что нарушил правило, как Джетт присаживается на край кровати и оставляет на моей щеке быстрый поцелуй.

— Вот. Так гораздо лучше, — широко улыбается мне Джетт и вскакивает на ноги.

У-у-у, ненавижу жаворонков!

— Нарушитель правил, — бурчу я, сердито глядя на него.

Он возвращается и садится рядом со мной на кровать.

— У тебя сейчас просто фантастическая прическа, Шен.

Джетт ворошит мне волосы, и я запускаю пальцы в его ирокез, окончательно его запутывая. Тут он вдруг тянется к моим ребрам и начинает меня щекотать. О черт, нет!

— Прекрати! — визжу я.

Дверь в спальню с грохотом распаивается, и я, скосив глаза, упираюсь взглядом в обтянутые джеггинсами ноги Хейзл.

— Ну здравствуйте, — протягивает она, и мы с Джеттом замираем в полулежачем положении.

Джетт приходит в себя быстрее, чем я, и подскакивает, чтобы поздороваться с моей подругой.

— Рада снова тебя видеть, — отвечает она, и это напоминает мне о встрече с Хавьером. — Приготовить вам завтрак?

Сегодня занятия у нас начинаются поздно, и это здорово, потому что нам хватит времени, чтобы поесть и еще немного подремать. У меня только две лекции, но вечером предстоит работать. И зачем я решила пойти вчера на вечеринку?

— Да, спасибо. Было бы здорово. Тебе помочь?

Хейзл мельком глядит на меня, а потом снова переводит взгляд на Джетта.

— Ей понадобится вся помощь, на какую мы способны, — вздыхаю я, встаю с кровати и прохожу мимо них, чтобы поглядеть, что Хейзл надумала готовить.

Так я и думала. Замороженные вафли.

Качаю головой, беру вафли и засовываю их в тостер, а потом иду к холодильнику. У меня был выбор: покупать или нет кучу еды исключительно для Джетта, чтобы ему не пришлось иметь ничего общего с кулинарными шедеврами Хейзл и нашими обычными обедами, состоящими из лапши быстрого приготовления или макарон с сыром. А еще я могла разбазарить на вышеуказанную еду свой двухнедельный бюджет. Липовые Отношения — дорогое удовольствие.

Начинаю готовить яйца с беконом, как вдруг понимаю, что Джетт с Хейзл уже довольно давно не показываются. Прикрываю огонь и крадусь к своей спальне.

Они разговаривают, но слишком тихо, чтобы я смогла расслышать, о чем именно. Наклоняюсь ближе, и вдруг до меня доходит — слишком поздно, — что дверь не заперта. Слишком сильно на нее опершись, я теряю равновесие, вваливаюсь в комнату головой вперед и в итоге оказываюсь на полу.

— О боже! — вскрикивает Хейзл и хватается за грудь, будто боится, что оттуда от страха выпрыгнет сердце.

У Джетта реакция немного получше. Он немедленно опускается на пол, помогая мне подняться.

— Ты в порядке, принцесса?

В данной ситуации прозвище вполне допустимо. С трудом поднимаюсь на ноги.

— Я... э-э... только хотела спросить, не хотите ли вы... э-э... бекона. — Мой голос звучит ТА-А-АК убедительно.

— Да, я люблю бекон. Да и кто его не любит? — отвечает Джетт.

Поставив меня на ноги, он не ослабляет объятий. Этот контакт тоже допустим, и я вроде как рада чувствовать на себе его руки.

— Вот и я так думаю, — отвечаю я.

Кожу покалывает во всех местах, где он меня касается. Хейзл откашливается.

— Бекон, — говорю я, вспоминая о чем спросила секунду назад.

— Бекон, — соглашается Джетт.

Глава 9

Хейзл уходит к себе, собираясь поспать пару часов, а Джетт отправляется домой, чтобы принять душ и все такое. Мне надо сделать то же самое, а потом еще немного позаниматься.

«Спасибо за завтрак. В следующий раз угощаю я. Увидимся вечером?»

Всего несколько слов — а у меня начинает кружиться голова. Я не слышу его голос и не вижу его лица, но все еще чувствую, будто он рядом. Вдруг осознаю, что закусила губу и мне хочется скакать, кружиться и веселиться, как Джули Эндрюс.

«Увидимся вечером».

На то, чтобы решить, что написать в ответном SMS, уходит не меньше десяти минут. Знаю. Смешно.

Я себя почти ненавижу. Я же не такая. Липовые Отношения и в самом деле размягчили мой мозг.

Слава богу, можно отправиться на занятия. Войдя в аудиторию, мгновенно чувствую себя как дома. Когда профессор о чем-нибудь спрашивает, я знаю ответ чуть ли не раньше, чем он заканчивает вопрос. С головой погружаюсь в исторические факты, цифры, графики — все то, что я знаю. Все то, в чем я хороша. Никогда не чувствовала большей уверенности в себе и своих силах, чем когда отвечаю на вопросы во время занятия.

Да, я ненормальная. Не знаю больше ни одного человека, у кого на самом деле кружилась бы голова от контрольных или курсовых работ. Я самая настоящая чокнутая.

Джетт целый день шлет мне сообщения, и каждый раз мое сердце слегка подпрыгивает, а в животе начинают отжигать бабочки.

— Ого, ты сегодня в прекрасном настроении, — замечает Амелия, когда я прихожу на работу.

Поднимаю руку к лицу и обнаруживаю, что улыбаюсь.

— Просто хорошо провела выходные.

Решаю не посвящать Амелию в правду о Липовых Отношениях. Вот только у меня ощущение, будто я делаю что-то плохое. Мы не так уж часто делимся подробностями личной жизни, но все же по-настоящему близки.

Возвращаюсь к обработке той пачки документов, что не успела закончить в прошлый

раз. Обычно, когда я занимаюсь таким скучным и неинтересным делом, мои мысли блуждают где-то далеко, и я думаю о миллионе разных вещей. Сегодня все мои мысли только об одном.

Джетт, Джетт, Джетт. Джетти-Джетти Джеттсон. Улетаю на самолете Джетта⁵.

Кто-то хлопает меня по плечу, и я чуть в обморок не падаю. Это моя начальница Гиллиан. Ага, через «Г». Она уж точно не самый мой любимый в мире человек, но чаще всего Гиллиан предоставляет меня самой себе, так что я еще никогда с ней не ругалась.

— Привет, как ты? — говорю я.

Скосив глаза на стол, проверяю, все ли там чисто. Уж на что я помешана на поддержании порядка на рабочем месте, но Гиллиан даст мне сто очков вперед. Многие люди попали в беду из-за неуместных наклеек над столами, а у одной женщины были КРУПНЫЕ неприятности из-за фотки ее мужа без рубашки.

— Нормально, Шеннон, а ты?

Мы обмениваемся традиционными, ничего не значащими фразами, но я понимаю, что она разыскала меня не для того, чтобы поболтать. Либо я сделала что-то не так, либо наоборот. Понятия не имею, что я такого могла натворить, чтобы влипнуть в неприятности, но с Гиллиан никогда не угадаешь.

— Так как твои дела? — спрашивает она. И за этим вопросом кроется нечто большее.

— Просто отлично. Надеюсь, к концу недели доберусь до середины этой пачки кредитных историй.

Вообще-то я иду с опережением графика, но Гиллиан этого не говорю.

— Вот и замечательно. Так держать! Как сделаешь это, найди меня, и я поручу тебе еще один проект, чтобы ты не сильно вымоталась.

Послав мне быструю неискреннюю улыбку, она уходит. Облегченно выдыхаю и замечаю Амелию, заглядывающую ко мне в кабинку.

— Что она сказала? — шепчет Амелия.

Жестом приглашаю ее зайти. Я не собираюсь говорить ничего такого, что кто угодно может подслушать, донести Гиллиан и использовать против меня. У этих стен есть уши.

— О, ничего особенного. Она просто хотела сказать, что я молодец и что она собирается дать мне еще один проект, когда я доберусь до середины пачки кредитных историй.

— Звучит интересно.

Ага, «интересно» — именно то слово. Скорее всего, задание окажется просто ужасным, вот почему Гиллиан пришла и предупредила меня о нем заблаговременно. Чаще всего с делами, которые мне поручают, другие просто не хотят иметь ничего общего, поэтому подобные задания спускаются вниз по иерархии. К счастью, таких, как я, тут немало, но это огромный банк, и ВСЕГДА находятся новые проекты, которыми не хочет заниматься начальство.

— Кстати, я чего хотела-то? Может, поужинаем сегодня вместе?

Поразительно, но у Амелии не так много друзей. Мне кажется, все дело в том, что люди считают ее веселье и жизнерадостность напускными, но на самом деле это не так. Не понимаю, как кому-то может не нравиться ее компания, но что поделаешь?

— С удовольствием. Пойдем к Тони?

Это наш любимый итало-греческий ресторанчик в Дирмонте. Ладно, это ЕДИНСТВЕННЫЙ итало-греческий ресторанчик в Дирмонте. Но даже если бы их был

сотни, он все равно оставался бы самым лучшим.

— О-о-о, я там уже больше недели не была. Мне нужна пахлава. Прямо сейчас.

Амелия хлопает в ладоши и кружится от радости.

— Круто. Договорились.

Показываю ей большие пальцы в одобрительном жесте, и она вприпрыжку возвращается к себе. Я не могу достать телефон и отправить Джетту SMS, потому что использование телефона во время работы — прямая дорога к змеиной яме под кабинетом Гиллиан, так что крадучись пробираюсь в туалет и отправляю ему сообщение, что буду поздно.

— О бедняжка! Ты втрескалась по уши.

Не прошло и пяти минут, как я не выдерживаю и выкладываю Амелии все о Джетте. С Липовых Отношениях я, само собой, не говорю ни слова, но дело кончается тем, что на Амелию обрушивается поток моих восторгов в его адрес. Сдержаться почти невозможно.

— Отстой! — бормочу я.

Хватаю кусок чесночного хлеба и, окунув в соус «Маринара», начинаю жевать. Амелия ест долму.

— Бедненькая, — повторяет она с легкой улыбкой.

В данный момент парня у Амелии нет, и совершенно не похоже, что она заинтересована в его поиске. Спрашиваю ее, почему так, а она только вздыхает и отвечает: «Однажды мой принц придет»⁶. Это неизбежно приводит к перебрасыванию цитатами из диснеевских мультфильмов, в итоге я слишком отвлекаюсь и забываю, о чем шла речь.

Остаток ужина мы с Амелией проводим за обсуждением учебы, сумасшедших профессоров с завышенными ожиданиями, ужасных хозяев квартир и машин, которые отказываются работать тогда, когда нужно. Пьем чай с пахлавой, и Амелия подвозит меня обратно к офису, где осталась моя тачка.

— Звони, если надо будет попсиховать. Ты же знаешь, я всегда готова тебя выслушать, — говорит Амелия, обнимая меня напоследок. — Увидимся в четверг.

Обнимаю ее в ответ и на предельной скорости лечу домой. У меня всего десять минут на то, чтобы привести себя в порядок. Да, времени недостаточно. Ну, Джетту все равно стоит привыкать к моему повседневному виду. Не вижу смысла в поддержании каких-либо иллюзий. Seriously.

— Ты пойдешь в этом? — спрашивает Хейзл, когда я уже собираюсь уходить.

— Да, а что?

На мне чистые и недырявые джинсы, а блузка заставляет мои буфера выглядеть фантастически, при этом не слишком неестественно натягиваясь спереди, что для нас, девчонок с большой грудью, вечная проблема.

— Не очень-то похоже на прикид для свидания. Ты должна по-прежнему пытаться произвести на него впечатление. Внушать ему ложное представление о своей сексуальной привлекательности.

— Хочешь сказать, что я не сексуальна?

— Нет, просто говорю, что тебе надо бы выглядеть чуть-чуть поэффектней. Особенно поначалу.

Даже не собираюсь обдумывать ее замечание. В одно ухо влетело — в другое вылетело. На самом деле я была бы не против, если бы этот совет не задерживался в голове или вообще пролетел мимо ушей. Я попросту собираюсь на него забить.

Подлетаю к машине, швыряю сумку на заднее сидение и, помолившись, включаю зажигание. ПОБЕДА.

С каждым новым посещением дом Джетта кажется все страшнее. Дошло до того, что мне начало казаться, будто он населен привидениями. Жуть! И здесь живут люди? По правде говоря, я даже быстро осматриваюсь в поисках какой-нибудь таблички вроде «НЕ ВХОДИТЬ! ЗДАНИЕ НЕБЕЗОПАСНО, И В НЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛНО ЗОМБИ ПРИВИДИЙ». Ничего подобного не наблюдается.

Стучу в дверь, и с третьей попытки Джетт открывает.

— Привет, — говорю я и не могу сдержать расплзающуюся по лицу улыбку.

Джетт широко улыбается в ответ и отходит в сторону, чтобы впустить меня в дом.

— Он ушел, — слышу я ответ на незаданный вопрос о Хавьере.

— О, хорошо. Не то чтобы я была против с ним пообщаться.

Джетт смеется.

— Тебе не надо ради меня делать вид, что он тебе нравится, Шен. Я понимаю, что Хави не в твоём вкусе. Да и вообще ни в чём.

Ага. Хавьер не входит в число моих любимчиков. Но, может быть, мне стоило бы дать ему ещё один шанс? Я хочу сказать, Джетту он, очевидно, нравится, значит, должны же у него быть какие-то компенсирующие все качества. Правда?

— Я купила тебе немного пахлав. — Передаю ему пакет от Тони.

— Ты моя любимая Липовая Девушка, — заявляет он, выхватывая пакет у меня из рук и плюхаясь на диван.

Ставлю свою сумку возле двери и присоединяюсь к нему.

— Надеюсь, я твоя единственная Липовая Девушка.

Джетт вытаскивает кусочек пахлав. Я быстро наклоняюсь вперед и откусываю уголок, прежде чем он успеет отправить его себе в рот.

— Эй, эй! Ты же сказала, что принесла это для меня.

Улыбаюсь с полным ртом, и он отвечает мне сердитым взглядом, а потом отворачивается и кусает. Похоже, он не против того, чтобы разделить со мной микробов.

Пережевываю, глотаю и откашливаюсь. Джетт закатывает глаза и подставляет пахлав так, чтобы я могла откусить ещё.

— Шпашибо, — говорю я с набитым ртом.

Джетт качает головой и доедает последний кусочек.

— Если я скажу, что мне надо делать домашку, ты меня возненавидишь? — интересуется он, кладя рюкзак на кофейный столик.

— Да. Я тебя ненавижу. Ты ужасный Липовый Парень. Худший. Пошел ты, козел.

Складываю руки на груди и отворачиваюсь, но долго так сидеть не могу.

— Да нет же, у меня тоже есть домашка, тупица. И я надеялась, что ты не возненавидишь меня за то, что мне придется ею заняться.

Иду за сумкой, возвращаюсь к дивану и с глухим стуком опускаю ее на стол.

Джетту везет, большинство его заданий можно выполнять на ноутбуке. Не то чтобы это как-то облегчало дело. Не представляю, как можно часами пялиться в графическую программу и раз за разом что-то там по чуть-чуть подрисовывать, чтобы сделать все как

надо. Я бы с ума сошла.

Вытаскиваю учебники, кладу в стопку тетради и раскладываю в одну линию ручки. Для каждого предмета у меня отдельные тетрадка и ручка, а еще маленькие цветные наклейки для пометок. Помимо этого, у меня с собой распечатанные задания, и я готова вычеркивать их из списка.

— Мне нравится делать домашку под музыку. Если ты любишь тишину, я надену наушники, но обычно я просто врубаю звук на полную, — говорит Джетт.

— Да нет, я тоже слушаю музыку. — Вот только, вероятно, другую. — Обычно я включаю что-нибудь из классики. Или что-нибудь спокойное.

— М-да, это вроде как прямо противоположно тому, что слушаю во время работы я. Если техно прямо противоположно классике.

Понятия не имею, так это или нет, но сомневаюсь, что смогу заниматься под техно.

— Может, поищем компромисс? Что у нас между техно и классикой?

Мы на минуту замолкаем, ломая голову над проблемой, а потом Джетт достает свой телефон.

— Придумал.

Он подключает телефон к колонкам возле телевизора, и квартиру заливают звуки «Богемской рапсодии» группы «Queen». Не могу удержаться от смеха.

— Сойдет, — соглашаюсь я.

Он немного уменьшает звук и возвращается на диван.

В комнате горланит «Queen», Джетт сидит рядом, и я приступаю к работе. Будем надеяться, сейчас получится получше, чем в прошлый раз.

Устанавливаю для себя систему вознаграждений. Это единственный способ сделать хоть что-нибудь. Прочитала две страницы — быстрый взгляд на Джетта. Еще две страницы. Снова смотрю на Джетта. Закончив главу, позволяю себя на него попятиться. Он так сосредоточен на работе, что меня даже не замечает.

Или, может, все-таки замечает? Джетт, не переставая, ерзает и почти ничего не печатает, а только постоянно что-то прокручивает и слегка косит, глядя на экран. Что-то подсказывает мне, что это не входит в его задание. Вычеркиваю из списка первый пункт и мысленно выполняю небольшой победный танец. Может ли ЧТО-ТО быть лучше, чем вычеркивание пункта из списка? Не думаю.

А потом Джетт подпирает голову рукой, склонив ее набок, и я решаю, что, в конце концов, списки не настолько хороши. И все же кладу перед собой второй учебник и вторую тетрадь. Джетт вздыхает. У меня почти получается его проигнорировать, но я чувствую, что ему охота поболтать, только он не хочет меня отвлекать. «Queen» тем временем поют о толстозадых девчонках, которые заставляют мир вращаться. Мы действительно это делаем, на случай, если кому-то интересно.

— Ну что?

Открываю учебник на отмеченной странице и притворяюсь, что мне не интересны изгибы его спины и шеи, когда он наклоняется вперед. А еще меня не интересуют его уши, которые... очень красивы. Могут ли уши быть красивыми? Я раньше никогда особо не

обращала внимания на уши. Если только они не торчали в стороны. Но его не торчат. Они изящные и просто идеальные. Ха! Кто знал, что уши могут быть настолько соблазнительными?

— Ничего, просто застрял на одном проекте. — Джетт захлопывает крышку ноутбука и потирает лицо ладонями. — Лучше всего отложить его и заняться чем-то другим.

Он вытаскивает из-под дивана альбом для рисования и хватает одну из моих ручек. Я чуть не ору на него за самоуправство, но мне слишком интересно узнать, что он собирается с ней делать.

Джетт открывает чистую страницу и опирается на подлокотник дивана, чтобы я не видела, что он рисует.

Наклоняюсь к нему, но он хохочет и еще сильнее откидывается назад.

— Просто возвращайся к своей домашке, Шен. Не обращай на меня внимания.

— Но я хочу знать, над чем ты работаешь.

Отодвинув тетрадь в сторону, наклоняюсь еще сильнее, пока почти не ложусь на него сверху. Джетт держит альбом на вытянутой руке, чтобы не дать мне дотянуться, и я сражаюсь с ним, но руки у Джетта длиннее моих, так что я сдаюсь.

— Ну ты и гад. — Бросаю в него еще одну ручку, но он уворачивается.

— В Липовых Отношениях, как на войне, все средства хороши, — пожимает Джетт плечами и возвращается к рисованию.

Пытаюсь вернуться к учебе или, по крайней мере, создать видимость этого. Не хочу, чтобы он осознал, как сильно меня отвлекает. Это так унижительно, когда ты единственная, кто не может сосредоточиться.

На фоне музыки «Queen» шорох его ручки, водимой по бумаге, звучит успокаивающе. Текст на странице, которую я рассматриваю, — просто набор линий, точек и закорючек. Там же нарисованы рисунки и графики, но ни те, ни другие ни о чем мне не говорят. Снова начинаю делать записи, надеясь, что хоть что-нибудь из всего этого осядет у меня в голове. Однако на этот раз замечаю, как Джетт постоянно украдкой смотрит на меня поверх альбома. Только поймаю быстрый взгляд великолепных глаз на мне — как он тут же возвращается к бумаге.

— Прекрати на меня пялиться, — говорю я, не отводя глаз от учебника.

— Ты бы не узнала, что я пялюсь на тебя, если бы сама на меня не пялилась, — возражает Джетт.

Он проводит особенно длинный штрих и начинает исправлять ошибку. Качаю головой и переворачиваю страницу, хотя так и не закончила с предыдущей.

— Ты по-прежнему это делаешь.

— Это что, очередное правило, которое ты хочешь добавить к списку? Не пялиться?

Еще несколько штрихов ложится на бумагу.

— Да мне без разницы!

Решив прекратить все это, разворачиваюсь и опираюсь на подлокотник дивана со своей стороны, повернувшись к нему почти на три четверти спиной. Джетт опять вздыхает, закрывает альбом и бросает его на пол. Потом достает из-под дивана что-то еще.

— Господи, сколько барахла у тебя там валяется?

— Мне приходится прятать вещи в очень странных местах. У Хави есть привычка брать их, когда меня нет, а потом не класть обратно. Забавно, но под диваном он никогда не ищет.

Вытащив деревянную коробку, Джетт достает оттуда несколько квадратных листов

цветной бумаги. Он начинает колдовать над одним из листков, и я не могу удержаться, чтобы не наблюдать за ним.

— Кто тебя этому научил?

— Отец. — Вот и все, что я слышу в ответ. Совсем недавно я сообразила, что его семья — больная тема, так что вообще-то удивлена, что слышала даже это. — Оригами меня успокаивает. Помогает переключиться.

Джетт загибает угол и проводит ногтем по сгибу, чтобы тот стал более четким. Потом сворачивает листок еще несколько раз. Действия Джетта оказывают на меня почти гипнотическое воздействие. Понимаю теперь, как это может успокаивать. Он продолжает крутить бумажку в руках, сворачивая ее снова и снова. Понятия не имею, что он делает. Еще дюжина-другая движений — и в руках у Джетта оказывается еще один журавлик. Но он отличается от предыдущих. Джетт тянет его за хвост, и журавлик начинает махать крыльями. Еле сдерживаюсь, чтобы не захлопать в ладоши от радости, как маленький ребенок.

— Ты очень талантлив.

— Ага. Вот если бы еще умением складывать оригами можно было оплатить счета. Есть парочка человек, которые делают совершенно безумные вещи, но на это ушли годы тренировок и чертова уйма бумаги. Я могу сделать для тебя целый зоопарк, если захочешь, но эти — мои любимые.

Первый журавлик, которого Джетт сделал, был из красной люминесцентной бумаги, теперь он начинает делать еще одного — синего. Наблюдаю за его работой, и вот уже передо мной два маленьких журавлика. Придвигаю птичек друг к другу так, чтобы их клювы соприкоснулись, словно они целуются.

— Хочешь, научу, как их делать? — спрашивает Джетт.

Хм, поучиться чему-нибудь у моего сексуального Липового Парня или прочитать что-нибудь о бизнес-этике? Ну очень сложное решение.

— Ага, — киваю я, отодвигая учебник в сторону.

Книга со стуком падает на пол. Не хотела выказывать столько энтузиазма, просто как-то так вышло.

Не то чтобы я уже не сделала больше, чем нужно.

Следующий час Джетт под сопровождение лучших хитов «Queen» учит меня, как складывать бумажных журавликов. Странное сочетание, однако каким-то образом все вместе имеет смысл.

У меня уходит не меньше двенадцати попыток, чтобы сделать все как надо, и я перевожу кучу бумаги. Голова моего журавлика немного кривовата по сравнению с хвостом, но по крайней мере она похожа на птичью.

Зеваю, хотя сна ни в одном глазу.

— Устала? — спрашивает Джетт, расставляя нашу маленькую журавлиную семейку на столе. Вот вам и учеба.

— Нет, но определенно голодна. Может, сделаем еще немного безумных начос?

Джетт улыбается, встает и протягивает руки, чтобы поднять меня с дивана. Ого! Какая сила! Обманчивая сила. Я имею в виду, Джетт не похож на ходячую рекламу стероидов, как Хавьер, но он определенно не хлюпик. В действительности он настолько силен, что я теряю равновесие и падаю ему на грудь. Джетт, само собой, меня ловит, потому что он грациозный, а я нет. Хотя когда-то была. До встречи с ним я падала гораздо реже. Сто процентов.

Джетт держит меня, прижав к груди. Наши руки зажаты между телами и совершенно раздавлены моими сиськами. Джетт касается моих буферов чаще, чем мой доктор. По правде говоря, они вроде как в самом деле постоянно мешаются. Их довольно трудно избегать, если находишься рядом со мной. Без шуток, я пару раз била ими людей по лицу. Честное слово.

Мои соски живут собственной жизнью и твердеют, так что я отступаю, чтобы Джетт не смог их почувствовать. Отвердевшие соски являются чем-то вроде женского эквивалента стояка. Только в миниатюре. И все же мне неловко светить ими направо и налево.

Джетт не отпускает мои руки и тянет меня на кухню.

— Начос? — спрашивает он.

— Начос, — соглашаюсь я.

На этот раз в начос пошли остатки стейка, снова «Велвита» (мне в самом деле нужно купить этому парню немного настоящего сыра), перчики халапеньо, кинза, оливки, лук, и я все-таки сдалась и разрешила ему добавить кусочки хот-дога.

Начос запекаются в духовке. Джетт достает их, дожидается, пока они слегка остынут и сует в рот огромный кусок.

— Нам стоило бы открыть ресторан, в котором будут подавать одни начос. Можно было бы делать начос на завтрак и десертные начос. Мы произвели бы фурор.

Вытираю с его подбородка расплавленный сыр и облизываю палец. Сейчас это кажется таким естественным. Потом хватаю один из чипсов, на котором полно всякой всячины, и забрасываю себе в рот.

Ух ты, какая... какофония вкусов. Жую, пытаюсь понять, нравится мне или нет. Вкус настолько шокирует, что проходит немало времени, пока я к нему привыкаю.

— Те были лучше, — говорит Джетт и берет еще немного.

— Обломщик.

Снова набиваю полный рот начос и решаю, что они мне нравятся. Я хочу сказать, это не самая моя любимая еда на земле, но они определенно хороши.

— И как ты себе представляешь десертные начос?

— Если придумать, как запекать чипсы с корочкой, как на пирогах, то можно заливать их шоколадом, взбитыми сливками и так далее. А еще можно сделать фруктовые начос.

— Было бы просто супер, учитывая проблему ожирения в этой стране, — заявляю я, ломая Джетту весь начос-кайф.

— Скучная ты, — вздыхает он и запихивает в рот одновременно пять кусочков.

Должна признать, это впечатляет. Сама я беру только одну штучку, потому что сомневаюсь, что буду выглядеть очень сексуально с битком набитым чипсами и всем остальным ртом.

— Замри, — командует Джетт, и я застываю на месте.

Он обхватывает мой подбородок одной рукой, не давая мне двигаться, а сам наклоняется вперед. Я бы спросила, что он делает, но вроде как теряю дар речи. И забываю, как дышать. У меня вообще сердце еще бьется?

Очень медленно, миллиметр за миллиметром, лицо Джетта приближается ко мне. Он высовывает язык и слизывает что-то с моей щеки.

И я умираю. Джетт убирает язык и улыбается мне.

— У тебя сыр размазался, — поясняет он шепотом, который пробуждает что-то неясное глубоко внутри меня и посылает мурашки по всему телу.

У меня пересыхает во рту. Пытаюсь сглотнуть, но такое ощущение, что я парализована. Сомневаюсь, что смогла бы пошевелиться, даже если бы в квартиру ворвался бандит с пистолетом.

Джетт наконец-то отпускает мой подбородок, и моя кожа пылает от воспоминания о его прикосновении. Он отодвигается и берет с тарелки еще парочку чипсов.

Я все еще пытаюсь пошевелиться. Наконец делаю слабый вдох, и легкие наполняются воздухом.

— Я сейчас, — говорю я и бросаюсь в ванную. Мне просто... нужно немного воздуха.

Запираю дверь и делаю глубокий вдох. Джетт, похоже, недавно убирался — воздух наполнен лимонной свежестью. Нахожу возле душевой кабины в стене крошечное окошко и открываю его настежь. По крайней мере, пытаюсь. Окно открывается буквально на дюйм и застревает. Ой, ну и ладно. Наклоняюсь, опираюсь головой о подоконник и вдыхаю морозный воздух. Хотя по календарю уже весна, ветерок по ночам все еще по-зимнему кусает за щеки — как раз то, что мне нужно, чтобы прочистить мозги. Сделав несколько глубоких вдохов, чувствую, что, кажется, успокаиваюсь.

Джетт лизнул мое лицо. В жизни бы не подумала, что почувствую что-либо, кроме отвращения, если кто-то лизнет мне лицо, но Джетт сделал этот жест сексуальным. Словно он волшебник и может превращать что угодно в нечто сексуальное. Волшебник секса. Со своей волшебной... палочкой.

Мысли о волшебной палочке Джетта заставляют меня захихикать, и мне приходится открыть воду в раковине, чтобы он меня не услышал.

По-моему, у меня едет крыша.

Пытаюсь взять себя в руки. Прежде чем покинуть ванную, дважды проверяю, не осталось ли еще где-нибудь на лице сыра. Все в порядке, но видок у меня, словно я под кайфом. В широко раскрытых глазах застыло сумасшедшее выражение, лицо горит. Да и прическа — это что-то с чем-то. Расчесываю пряди пальцами, снимаю с запястья резинку, которую всегда ношу с собой, и стягиваю волосы в хвост. С безумным взглядом и пылающими щеками я ничего не могу поделать. Будем надеяться, Джетт посчитает это милым.

Вернувшись на кухню, обнаруживаю, что начос уже почти не осталось. Похоже, Джетт все сожрал. И куда у него все девается? Должно быть, у него метаболизм супермодели. Черт бы его побрал.

— Я тебе немного оставил, — говорит он, протягивая мне тарелку, на которой лежат три маленьких одиноких кусочка чипсов.

У Джетта такое милая улыбка, что мне приходится очень постараться, чтобы нахмурить брови и послать ему сердитый взгляд.

— Новое правило — не съедать все начос, пока твоя Липовая Девушка в ванной.

— Теперь ты делаешь аддендумы к правилам?

Я чуть не начинаю хихикать, услышав слово «аддендумы». По какой-то причине оно вызывает у меня пошлые ассоциации.

— Неписаное правило — Липовая Девушка может добавлять пункты, когда ей вздумается. — Закидываю в рот последний кусочек.

Джетт фыркает, но я улыбаюсь во весь рот, прожевывая, глотаю и добавляю:

— Другое неписаное правило гласит, что Липовая Девушка всегда права.

Теперь очередь Джетта сердито на меня смотреть, но долго он не выдерживает и в конце концов просто качает головой.

— Ладно, Липовая Девушка. Я иду в душ и давай ложиться, если ты не против. Я уже приготовил для тебя кровать, так что, если хочешь, можешь идти и устраиваться поудобнее.

Что? Я заставила его спать на полу и совершенно не против, если он сделает то же самое. Лягу где угодно, только не на диване.

Пытаюсь протестовать, но Джетт прикладывает палец к моим губам, и я мгновенно затыкаюсь.

— Неписаное правило номер три гласит, что Липовый Парень никогда не заставит Липовую Девушку спать на полу, когда она в его доме, и Липовая Девушка не должна с ним спорить. Она кивнет, согласится и позволит ему отправиться в душ.

Все время, пока он говорит, его палец продолжает касаться моих губ, и я чувствую в месте касания жжение и покалывание. У него такая приятная кожа. Не слишком мягкая, но и не мозолистая и противная, как у многих других парней. Клянусь, если парень коснется меня грязными руками с обгрызенными и обломанными ногтями и торчащими заусеницами, я, наверное, с криком убегу. А у Джетта руки приятные. В добавление ко всем остальным достоинствам.

— Хорошо, — мямлю я прямо ему в палец, и Джетт с его помощью заставляет меня качнуть головой вверх и вниз.

— Сойдет.

Он оставляет меня в кухне, и через минуту до меня доносится звук включенного душа. Какой парень! Обалдеть!

Глава 10

Пятнадцать минут спустя сижу на кровати Джетта и психую. Понимаю, что он хочет как лучше для Липовых Отношений, и поэтому решил, что ляжет спать на грязном диване, но все равно чувствую себя дерьмово. Может, он таким образом хочет расплатиться за то, что слопал все начос? Наверное, в Липовых Отношениях нужны взаимные уступки.

Нервно переплетаю пальцы, ожидая, пока Джетт вернется из душа, и тут открывается входная дверь. Замираю, не уверенная, что делать: спрятаться под диваном, закричать или убежать.

В итоге не делаю ничего.

— Снова ты, — говорит Хавьер.

У Хави усталый вид, но выглядит он, как ни странно, трезвым. Не то чтобы я знала его достаточно, чтобы увидеть разницу, но довольно легко заметить, что он не валится с ног, как в прошлый раз.

— Снова я, — соглашаюсь я.

Джетт выходит из ванной. Он в майке, вокруг талии повязано полотенце.

— Если хочешь... — начинает он, но, увидев Хавьера, замолкает.

У моего Липового Парня такой вид, будто он только что обнаружил в гостиной труп.

— Что ты здесь делаешь?

Я напугана чуть меньше, чем он, но ситуация и правда не из лучших. Одна надежда, что

Хави просто заскочил домой на минутку и после снова уйдет.

— По всей видимости, я здесь живу. Ну по крайней мере меня уверяли, что это так. Подожди, это что, какой-то тайный заговор? Ты робот? Или я робот? ЭТО ВООБЩЕ ВСЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ?

Хавьер широко распахивает глаза и переводит взгляд с меня на Джетта и обратно, словно мы собираемся на него напасть.

Джетт приходит в себя первым. Он хватает с дивана подушку и швыряет ее в Хавьера. Тот пригибается, и подушка пролетает мимо.

— Придурок, — бросает Джетт.

— А что? Береженого бог бережет. Лично я поприветствую своих господ роботов и буду служить им верой и правдой.

Это вот такой Хавьер, когда трезвый? Потому что он слегка смахивает на пьяного.

— Еще раз извини. Его поведение непростительно, — говорит Джетт, откидывая мокрые пряди с лица, но те все равно маняще падают ему на глаза.

Если бы тут не было Хавьера, я бы встала и запустила пальцы в его волосы. А может, и нет. Вряд ли бы мне хватило на это смелости. А вот в мыслях смелости у меня хоть отбавляй.

— Я просто пришел переодеться. Расслабься. Все равно не похоже, чтобы я прервал что-то интересное. Чувак, почему на тебе майка? Это странно.

Это и правда немного странно. Майка Джетта намокла, прилипла к телу и почти просвечивается насквозь. В ней же нет никакого смысла. К тому же, я очень хочу увидеть его без майки. ПРЯМО СЕЙЧАС.

— Почему бы тебе не заняться своими гребаными делами и не свалить к чертовой матери?

У-у-у, как Джетт рассердился! Не знаю, притворяется ли он, но выглядит очень натурально. Хавьер, молча покачав головой, идет к себе в спальню, с минуту чем-то там громыкает, а потом возвращается в других штанах и футболке.

— Мадам, сэр. Желаю вам замечательного, наполненного сексом вечера. Лично я ухожу, чтобы именно им и заняться. Да пребудут все ваши презервативы эластичными и недырявыми. Прощайте! — салютует он нам и уходит.

— Значит, так себя ведет Хавьер, когда трезв?

— Удивительно, но да.

— Ух ты!

— Знаю, — вздыхает Джетт.

Когда приходит время отправляться на боковую, мы с Джеттом снова начинаем спорить. Просто я себя ужасно чувствую, заставляя его спать на диване.

— Ну, там все-таки удобнее, чем на полу. Лишнего матраса у меня нет. Пожалуйста, хватит уже раздувать из мухи слона. Вовсе я не пытаюсь вести себя по-рыцарски.

Мы сидим на его кровати, на нем майка и шорты, на мне — дурацкая пижама.

— Мы могли бы лечь вместе, — предлагаю я, не глядя на Джетта.

У меня немного пересыхает во рту от собственной идеи, но это единственный вариант, который приходит мне в голову, чтобы избавиться от чувства вины.

— Если мы это сделаем, может произойти случайный контакт, — тихо предупреждает он.

— Я... понимаю. И не против. К тому же, если вернется Хавьер, не придется снова что-то объяснять.

— Я могу опять тебя стукнуть, — говорит он, делая вид, будто бьет меня в режиме замедленного воспроизведения, и останавливая кулак в миллиметре от моего лица.

Натужно смеюсь.

— Я буду осторожной.

Наконец смотрю Джетту в глаза. Они буквально кружатся, словно калейдоскоп. Я могла бы часами сидеть и наблюдать за сменой цветов. Но в конце концов ему же придется моргнуть.

Поднимаюсь, и Джетт расстилает постель.

— Ты хочешь спать у стенки или с краю?

— С краю.

Тогда если мне посреди ночи захочется в туалет, я смогу сбежать туда без необходимости его будить. Ну или если я надумаю сбежать, то смогу сделать это быстро и тихо.

Джетт заползает к стенке, и я тут же понимаю, что он занимает в маленькой кровати много места. Нам нужно будет конкретно потесниться. Что ж, нам придется это сделать, если мы собираемся довести затею с Липовыми Отношениями до конца.

Ложусь в постель спиной к Джетту и натягиваю одеяло. Он держится как можно дальше от меня, практически распластавшись по стене. Ползу вперед, пока чуть не сваливаюсь с кровати.

— Можешь меня коснуться, я не сломаюсь, — говорю я.

Джетт придвигается чуть ближе. Чувствую под одеялом исходящее от него тепло.

Ворочаюсь, пока не устраиваюсь поудобнее, и закрываю глаза, вдыхая аромат свежести, исходящий от его подушки. Джетт вздыхает за моей спиной и придвигается еще немного. Чувствую, как его дыхание колышет мои волосы. А потом его рука ложится на меня поверх одеяла. Распахиваю глаза — все равно он этого не увидит — и чувствую, как внутри живота все сжимается. Джетт продвигает руку еще немного, пока полностью не обхватывает мою талию.

Джетт меня обнимает. В его постели.

— Спокойной ночи, принцесса, — шепчет он мне в ухо.

— Спокойной ночи, — как-то умудряюсь выдавить я и закрываю глаза.

Очевидно, усну я совсем не скоро.

По крайней мере я думала, что заснуть будет трудно. Но дыхание Джетта позади и его теплая рука, обнимающая меня, заставляют чувствовать себя в безопасности и позабыть об одиночестве. Мне хорошо и уютно, моему телу это нравится. МНЕ это нравится.

На самом деле, мне настолько это нравится, что когда я открываю глаза в следующий раз, то обнаруживаю, что смотрю вовсе не на стену, которую Джетт увешал картинами. Я смотрю на самого Джетта. Точнее, на его грудь.

Он по-прежнему меня обнимает. Каким-то образом ночью я подтянула руки под подбородок, вцепившись в его майку. Ноги у меня такие теплые, что я почти горю. Штаны на мне задрались, так что от колена и ниже мы соприкасаемся кожа к коже. У Джетта волосатые ноги, но ногам парней такими и положено быть. Вот если бы они оказались безволосыми, тогда я бы заволновалась. Очень медленно поворачиваю голову и вижу часть красного дракона, пересекающего грудь Джетта. Его сердце бьется под моей ладонью, а грудь опадает и вздымается. Это так завораживает. Ощущение, будто где-то на заднем фоне вот-вот заиграет какая-нибудь отвратительная песенка о любви.

Джетт сопит и шевелится, притягивая меня ближе.

— Твои волосы приятно пахнут, — говорит он, и я чувствую его дыхание на своих пальцах.

— Доброе утро, — отзываюсь я, потому что именно это люди обычно говорят по утрам, даже если оказываются в ситуации, в которой неизвестно как очутились.

— Как это произошло?

Это он, наверное, о том, как мы лежим.

— Понятия не имею.

Отпускаю его майку, а Джетт убирает свою руку, так что я могу немного откатиться назад и посмотреть ему в лицо. У него слегка припухлые глаза, а волосы торчат во все стороны. Он очаровательно взъерошен, и я надеюсь, что выгляжу точно так же, хотя и уверена, что это не так.

— Какой интересный поворот событий, — замечает Джетт.

— Ага.

Пожалуйста, пусть у меня не будет запаха изо рта. Пожалуйста, пусть у меня не будет запаха изо рта.

Мне хочется прикрыть рот, чтобы он ничего не унюхал, но нет никакой возможности это сделать, так что просто отворачиваюсь и пялюсь в потолок. А еще закрываю рот. Джетт подпирает голову рукой, и я чувствую на себе его взгляд.

— Прекрати, — прошу я, схватив одеяло и пытаюсь натянуть его на голову.

Он не дает мне этого сделать.

— Почему?

Я что, правда должна объяснять?

— Потому что.

— Потому что почему?

О, то есть мы решили поиграть в повторюху-муху. У меня ощущение, будто мне снова три года.

— Потому что это странно, и ненормально, и я стесняюсь.

А еще это заставляет вспомнить обо всех моих недостатках и о том, как бы мне хотелось, чтобы в этот момент я была кем-то другим.

— Глупышка, — отвечает Джетт.

Он откидывается на подушку и потягивается, вытянув вверх руки. Я слышу, как пощелкивают суставы в его плечах.

— Нам, наверное, пора подниматься. Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь позавтракать? У меня тут, в общем-то, почти никакой еды.

— Звучит неплохо, — соглашаюсь я.

Черт, мне нужно встать первой, а так не хочется. Но я все же перекатываюсь на другой

бок, подтянув под себя ноги. Джетт следует за мной, положив руки мне на плечи. На секунду он задерживает их там, а потом отпускает меня, и я опрометью бросаюсь в ванную, чтобы привести себя в более-менее презентабельный вид.

Внедрить Джетта в мою жизнь удалось почти без проблем. Я думала, мне придется менять расписание дня, от чего-то отказываться, идти на компромиссы, но такое ощущение, будто моя жизнь изменилась, чтобы приспособиться к нему. Словно он должен был стать ее частью и поэтому стал. Звучит странно, но я знаю Джетта всего ничего, а ощущение, словно он всегда был в моей жизни. А еще я сохраняю всех журавликов, которые он для меня делает. Бумажные птички живут в моем ящике для носков. По крайней мере, когда все это кончится, у меня останутся они.

Нельзя сказать, что прямо совсем все гладко и без проблем. О, проблем как раз множество. Однажды он чуть не вошел, когда я переодевалась, и я до жути боюсь сделать при нем что-нибудь отвратительное, ну там, пукнуть или отрыгнуть. Мы просто к этому еще не готовы. Мне кажется, для таких вещей требуется много времени, даже если вы друзья. А еще иногда по утрам Джетт просыпается с кое-какой проблемкой, м-м, в штанах, но он отворачивается, и я делаю вид, что ничего не заметила. Я просто не могу иметь с этим дело. Просто не могу.

Наша затея с Липовыми Отношениями, похоже, работает. Судя по всему, все на нее купились, по крайней мере, пока никто ничего не заметил. Мы с Джеттом держимся за ручки, дарим друг другу обожающие взгляды, используем дурацкие прозвища, и часть меня от этого тошнит, зато другая часть обожает все это и хочет, чтобы все было по-настоящему. Однако я держу свои желания при себе и не позволяю себе слишком часто об этом думать, потому что все это нереально. Я играю роль, и он играет роль — вот и все. Один месяц. Неделью мы уже продержались, и все идет хорошо. Не могу я все испортить, желая того, что не могу получить.

— Все будет хорошо. По-моему, ты просто переучилась и сама себя накручиваешь. Ты что, никогда ни по одному предмету ничего, кроме пятерок, не получала? — говорит Джетт. Мы сидим в библиотеке, и я жутко нервничаю по поводу следующей контрольной. Показываю ему язык.

— Да, получала.

Дважды. Один раз в школе и один — в колледже. И больше ни разу. Я делала все, чтобы этого не случилось. Даже если я получаю девяносто баллов и одну сотую, это все же лучше, чем восемьдесят девять баллов. Всегда.

И вообще, кто бы говорил! Так уж случилось, что я знаю — оценки Джетта безукоризненны. Он один из тех сволочей, которым учеба дается очень легко. Люди думают, что мои оценки достаются мне без труда, но это не так. Успехи, которых я достигла, стоили

мне много пота, крови, слез, десятков литров выпитого кофе и бессонных ночей. Просто я хотела этого больше, чем чего-нибудь еще. Больше, чем алкоголя, секса или просмотра очередной серии «Отчаянных домохозяек».

— Не смей оскорблять мои методы учебы. Не все из нас столь академически одарены, как ты, малыш. — Я примериваю к Джетту разные прозвища. Не уверена, что это мне нравится.

— Как скажешь, принцесса, — отзывается он, щелчком посылая вперед одного из своих журавликов, так что тот приземляется прямо на моем открытом учебнике.

— Умираю от голода. Может, сходим поедим?

Сдвигаю журавлика и закрываю книгу. Я еще не закончила, но это может подождать. Мне хочется немного попялиться в глаза Джетта. Я заслуживаю награду за хорошо сделанную работу.

— Гениальный план гениальной девушки.

Бабочки снова начинают отплясывать у меня в животе. Они всегда так делают, когда он говорит нечто подобное. Мне казалось, со временем ощущения притупятся, но пока этого не произошло. Вообще-то мне вроде как даже хочется привыкнуть ко всему этому, потому что переносить все эти подъемы и спуски в Липовых Отношениях совсем нелегко. Почти как в настоящих.

Джетт сдувает в мою сторону обертку от соломинки, и та застревает в моих волосах, прежде чем я успеваю отклониться.

— Придурок, — заявляю я и делаю то же самое.

Ну разумеется, я промазываю. Он показывает мне язык, и мне хочется стукнуть его под столом.

— Ну надо же, счастливая парочка, — раздается голос Хавьера за моей спиной.

Ох уж этот Хавьер. Я никак не могу его раскусить. Все еще пытаюсь понять, то ли он большую часть времени ведет себя серьезно, то ли играет на публику, то есть на меня. Судя по словам Джетта, он такой всегда.

Разворачиваюсь и встречаюсь с его широко улыбающимся лицом и широкими плечами.

— Привет, Хавьер.

Умираю от желания поинтересоваться у Джетта, сидит Хави на стероидах или просто много работает над собой. Да и природа его, должно быть, не обделила.

— Что вы тут замышляете, ботаны?

— То, что мы учимся, вовсе не означает, что мы ботаны, — парирует Джетт. — Кроме того, именно ботаны управляют этой страной. Кто может поставить мир на колени? Компьютерные хакеры.

Тут он прав.

Хавьер молча качает головой:

— Верьте, во что хотите.

На нем футболка и такие, знаете, объемные спортивные штаны, которые шуршат при ходьбе. Кожа Хави блестит от пота. Должно быть, он как раз возвращается с тренировки.

— Ну ты и гонишь, Хави. Я же знаю, что ты хорошо учишься.

Хави распахивает глаза и оглядывается вокруг, а потом наклоняется над нашим столиком.

— Ш-ш-ш, а не то эта новость разлетится по кампусу. Это же уничтожит мою репутацию.

— Ты разве не слышал? Ум теперь считается сексуальным, — говорю я.

Как по мне, ум всегда был сексуальным, но всем остальным понадобилось немного времени, чтобы постичь эту истину.

Хавьер в ответ только смеется и качает головой.

— Короче, я тут подумал, может, вы, книжные черви, захотите куда-нибудь сходить и ради разнообразия повеселиться? В боулинг-клубе не сильно присматриваются к документам, а там подают отличные коктейли «Джелло».

Фу! Терпеть не могу «Джелло». Меня от них тошнит. Какими бы вкусными не были напиток или еда, они не должны быть такими склизкими. А еще я отстойно играю в боулинг. Но мне не хочется портить отношения с Хавьером, к тому же, мы ведь обсуждали, что нам надо будет куда-нибудь ходить. Похоже, это наш шанс. Надеюсь, у меня получится вытащить кого-нибудь из девчонок — а то и не одну — вместе со мной в качестве буфера. Интересно, Хавьер приведет с собой девушку в платье-неплатье, которую я видела в тот первый вечер? Мне не очень-то хочется снова с ней встречаться.

— Да, звучит здорово, — соглашаюсь я.

— Я за, — говорит Джетт без особого энтузиазма, что ему несвойственно.

Хавьер ничего не замечает.

— Фантастика! Ну а если ты сможешь привести с собой несколько очаровательных одиноких подружек, то будет еще лучше. Я тоже найду парочку друзей, и мы все вместе отлично проведем время.

Хави отворачивается, услышав, как его зовет такой же накачанный потный парень, и машет ему.

— Мне пора. Увидимся позже.

Джетту достается похлопывание по спине, а мне — подмигивание.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спрашивает Джетт после ухода Хавьера.

— Что, боишься моих чумовых бросков? — Я, конечно, гоню и библикаю, но Джетт ведь об этом не знает.

— О принцесса, у меня в запасе такие броски, которых ты в глаза не видела.

Сильно много о себе мним?

— Ну и ладно. Я все равно размажу тебя по дорожке, Липовый Парень.

— Как скажешь, Липовая Девушка.

Оказалось, что пойти с нами захотели все. Кто же знал, что боулинг настолько популярен? С ношенными туфлями напрокат и засовыванием пальцев в шар, в который совала свои отвратительные пальцы куча народу. В моем представлении веселье выглядит НЕ ТАК, но, наверное, придется пойти на компромисс и смириться с мнением большинства. К тому же, мне действительно хочется посмотреть, сможет ли Джетт ответить за свои слова. В нем явно силен соревновательный дух. Еще один пункт к списку «Вещи, которые я узнала о Джетте», который я веду все это время. Вообще странно для такого спокойного и расслабленного парня, но мне кажется, что это может быть как-то связано с Хавьером. Будто они заключили какое-то секретное пари, о котором мне ничего не известно. Кто знает? Мальчишки полны загадок.

Я соглашаюсь быть непьющим водителем, так что могу использовать это в качестве оправдания, чтобы отказаться от любых коктейлей «Джелло». Джетт сидит рядом на пассажирском сидении, а сзади расположились Хейзл, Кэсс и ее парень Бойд.

Студенты считают боулинг-клуб своей собственностью, как и большинство заведений, расположенных в кампусе. Мне даже немного жаль жителей Хартфорда, которые не учатся в колледже, но они должны были понимать, во что вляпываются, когда переезжали в этот городок.

Наша компания оказывается довольно многочисленной, учитывая меня, Джетта, Хейзл, Кэсс, Бойда, Джордин, Тэннера, Дейзи, Хавьера и двух парней, которых он привел с собой. Марти и Ская. Первое, что я поняла, после того как мы разобрались с обувью и заплатили за дорожки — это то, что мы ГРОМКИЕ. Не то чтобы тут не было других выпускающих па студентеских компаний, но в плане громкости мы даем всем фору. Безоговорочно.

Главный виновник — Хавьер. Впрочем, ничего удивительного. Ему, похоже, нравится выступать перед зрителями. Такое впечатление, будто у него нет кнопки «ВЫКЛ». Добровольно возложив на себя обязанности организатора, он решает, что мы разобьемся на две команды и мальчики будут играть против девочек. Даже не понимаю, как я к этому отношусь. Друзья Хавьера явно любят потягать железо, но это может сработать против них. Ну, по крайней мере, я на это надеюсь.

Как только мы заканчиваем готовиться и вводим наши имена в компьютер, Хавьер организует отряд, который отправляется за едой и напитками. Джетт молча смотрит на меня и пожимает плечами.

— Ты только не поддавайся специально, чтобы дать своему парню выиграть, — советует Хейзл. — Мальчики просто ужасны, когда побеждают.

Остальные девочки со знанием дела кивают. Ага, я в курсе. То, что у меня до сих пор не было парня, вовсе не означает, что я знать не хочу противоположный пол. В смысле, сейчас же у меня есть Липовый Парень. Так что я все понимаю.

— Ни капли жалости, леди. НИ КАПЛИ ЖАЛОСТИ.

Мы становимся в круг, протягиваем руки вперед и подбадриваем друг друга криками. Парни поднимают нас на смех, но они понятия не имеют, во что ввязались. Игра. Уже. НАЧАЛАСЬ.

Глава 11

Теперь я могу добавить к моему Списку Джетта пункт «Джетт чудесно играет в боулинг». В смысле, он действительно хорош. Сделал три страйка подряд. У меня же два шара скатились в желоб, а еще в двух фреймах я сбила все кегли со второго раза. Не о чем писать домой.

Но остальные девчонки восполняют нехватку моих баллов, и мы идем впереди, хотя и с очень маленьким отрывом. Благодаря своей силе Хавьер выбил два страйка и в одном фрейме сбил все кегли со второго раза. Вот только чаще всего он швыряет шар слишком сильно и мажет. Та же проблема у Марти и Скай. Вдобавок к добываемым очкам они до чертиков много матерятся. Большинство грубостей направлены на то, чтобы поднять боевой дух, и на нас откровенно косятся другие, более спокойные компании.

Хейзл выбивает страйк и дефилирует перед мальчиками соблазнительной походкой, а потом медленно разворачивается и возвращается обратно, чтобы получить одобрительные

хлопки по ладони и удары кулаками от остальных девчонок.

Очередь Хавьера.

— Мы же этого так не оставим, парни?

Хави вскакивает, выбирает себе шар и целует его. По-моему, отвратительнее просто некуда. КТО ЗНАЕТ, где этот шар вообще побывал? Тут Хави начинает что-то шептать держа шар перед собой, шагает вперед и бросает его, резко дернув запястьем.

Кегли со стуком падают на пол, и Хавьер победно вздымает руки. Празднуя, он гикает и улюлюкает во все горло. Мы свистим, мычим и швыряем в него разными вещами. Сейчас, прикончив несколько подносов с коктейлями «Джелло», мы даже оглушительнее, чем были в начале вечера. Клянусь, у меня такое чувство, будто я пьянею просто от общения с остальными. По мере того как страсти накаляются, алкоголь льется рекой, крики становятся все громче, а флирт и хвастливые оскорбительные высказывания — все откровеннее.

Марти и Скай ухлестывают за Хейзл, но она их в упор не видит. А может, просто строит из себя недотрогу. Надо будет потом у нее спросить. Хейз так здорово это делает, что иногда мне тяжело сказать, притворяется она или нет. Джордин весь вечер посылает Тэннеру убийственные взгляды, но его слегка отвлекает девушка из соседней компании, которая выразительно на него пялится. В воздухе витает ощущение надвигающейся катастрофы. Кэсс не сводит глаз с Бойда, а он с нее, но когда доходит до грубостей, он довольно молчалив. На самом деле, он за весь вечер сказал от силы три слова. Силен и неразговорчив.

И Джетт. О, Джетт. Если кто-то и может превратить боулинг в нечто сексуальное, это парень с татуировками драконов.

— Ты втюрилась по уши, — шепчет мне на ухо Хейзл, пока я любуюсь очередным страйком Джетта, который дается ему без особых хлопот.

Я так увлекаюсь этой картинкой, что ее голос заставляет меня подпрыгнуть.

— Ничего не могу с собой поделать.

— Он довольно сексуален, если тебе такие нравятся. Я-то люблю парней, на которых мясца чуть побольше.

Джетт направляется к своему месту, и я отворачиваюсь.

— Мясца у него вполне достаточно. С его мясцом все в порядке.

Если, конечно, не учитывать, что я его мясцо даже не видела. Но я ни капли не сомневаюсь, что оно чудесное. По крайней мере, я надеюсь, что оно чудесное. Убеждена, что у Джетта самое восхитительное мясцо, какое только может быть.

Хейзл смеется.

— Но ты же не видела другого мясца. Тебе надо перепробовать множество разного мясца, чтобы выяснить, какое из них самое лучшее. Как ты можешь судить обо всем мясце, если попробовала только один его сорт?

— Меня его мясцо вполне устраивает.

Этот разговор становится для меня слишком сложным.

— Это ты сейчас так говоришь... — Хейз умолкает, не закончив мысль.

— Ладно, мы можем прекратить эти разговоры о мясце?

— А что за мясцо вы там обсуждаете? — интересуется Джордин, наконец отведя взгляд от Тэннера.

Ей приходится старательно игнорировать своего парня и его заинтересованные взгляды на других девушек.

— А какое мясцо у Тэннера? Приятно им лакомиться?

Джордин делает оскорбленное лицо, но потом улыбается.

— Очень даже приятно.

Фу! Разговор скатился до отвратительной пошлости, и мне хочется поскорее из него выпутаться.

К счастью, игра завершается, и победа команды «Вагина» над командой «Пенис» ставит точку в беседе о мясе. Мы решаем, что боулинга на сегодня достаточно (так как парни лелеют свое уязвленное эго), но расходиться по домам еще не готовы, поэтому идем в бар, где бармен, похоже, не обращает внимания на то, что не все еще достигли совершеннолетия⁷. А может, ему просто все равно. Наверное, поголовная проверка документов плохо влияет на бизнес. У него бы тогда посетителей не осталось. Да какая разница, это не мои проблемы.

Заказываю коктейль и потихоньку его цежу. К тому времени, как нам надо будет уезжать, мне уже можно будет садиться за руль.

Хавьер снова упивается вдрызг и начинает подпевать звучащей в баре песне. Не могу разобрать, какой именно, потому что он жутко орет и перевирает слова. Хави взбирается на столик к вящему раздражению бармена, который кричит, чтобы он спускался, прежде чем что-нибудь разобьет. Хавьер неохотно сползает вниз.

Джетт обнимает меня за плечи.

— Эй, принцесса, тебе как, весело?

Поворачиваюсь и целую его в щеку. Прямо сейчас я ощущаю безмерную нежность.

— Мне да, а тебе? Учитывая, что вы проиграли, а мы вас вздули? — Черт!

— Нечего издеваться! — отвечает Джетт, щелкнув меня по носу. — В следующий раз мы вас сделаем. Теперь мы просто обязаны с вами расквитаться, наши репутации на кону. Мы придем за вами.

— Правда?

— О боулинге я никогда не шучу. Боулинг — дело серьезное.

Мы уходим из клуба только в два часа ночи, когда нас оттуда попросту выкидывают, потому что им пора закрываться. Все, кроме меня (и Джетта), напились в хлам и почти вырубаятся. Вернее, все, кроме нас и Хавьера. Он еще держится на ногах.

Мы с Джеттом развозим всех по домам — ведь парни и девчонки слишком пьяны, чтобы сесть за руль — и едем ко мне. Хейзл что-то бормочет и отправляется к себе в спальню. Джетт ничего не пил, а я по какой-то причине совсем не устала. Наверное, у меня открылось второе дыхание или типа того. Скорее всего, я всю ночь не сомкну глаз, а завтра днем буду чувствовать себя развалиной.

— Хочешь сразу пойти спать? — спрашивает, потягиваясь, Джетт.

Он часто так делает. Мне нравится, ведь в такие моменты его рубашка подскакивает, и моему взгляду открывается кусочек живота. Хотелось бы мне увидеть его *целиком*.

Когда-нибудь я собираюсь все-таки застать Джетта врасплох. У нас есть неписаное правило, что ложиться в постель надо обязательно в шортах и футболках или майках. Я бы предложила Джетту снять майку, но тогда он мог бы намекнуть мне о двойных стандартах и предложить тоже снять футболку, и мы бы ни к чему не пришли. Мысленно представляю себе этот разговор так дословно, что мне даже не надо начинать его вслух.

— Я не слишком устала, но можем отправляться на боковую, если хочешь.

— Да нет, если не хочешь ложиться, я не против. Посмотрим кино или чем-то другим займемся?

Просмотр кино — наше любимое совместное времяпрепровождение. По всей видимости, нам нравятся одни и те же фильмы.

— Я могу уснуть. Как насчет чего-нибудь такого, что мы уже смотрели раньше, чтобы я ничего не пропустил? — спрашивает Джетт по дороге в спальню.

Пора переодеваться. Я перестала носить отвратительные старые пижамы. Ну да, ладно, я пошла и купила несколько новых. Шорты и майки в тон. Миленькие, с эмблемой Бэтмена на груди или с забавными словечками повсюду. И даже один комплект, разрисованный беконом. Я решила, что Джетту понравится, поэтому сегодня надеваю именно его.

— Твоя очередь.

Мы выбираем фильмы по очереди. Последний раз была моя очередь, и я заставила его посмотреть «Эту дурацкую любовь». Сказала, что фильм очень забавный, и там Стив Карелл, но на самом деле мне хотелось попялиться на голую грудь Райана Гослинга. Если уж я не могу увидеть голую грудь Джетта, то следующим мой выбор падает на Райана. Какой мужчина!

— Э-э, «Дрянные девчонки».

— Погоди, ты выбираешь «Дрянных девчонок»? Они тебе правда настолько понравились?

Он молча пожимает плечами, берет свои шорты с майкой и по дороге в ванную отвечает:

— А что? Тина Фей — гений.

Да, Джетт — идеальный парень. Обзавидуйтесь.

Час спустя мы сидим на диване, наполовину прислонившись друг к другу: я в пижаме с беконом, Джетт в майке и шортах. Он пытается щекотать мне пятки, а я угрожаю дать ему в глаз. Ну как тут сохранишь тишину? Бедная Хейзл. Надеюсь, она настолько напилась, что уже давно вырубилась.

— Ну правда, прекрати, — прошу я, когда он снова тянется к моим пяткам.

— А твои буфера могут сказать, когда пойдет дождь? — спрашивает Джетт, намекая на фильм, пока я отодвигаюсь, чтобы убрать ноги подальше от него.

Опускаю взгляд на грудь. Она, конечно, шикарна, но не до такой степени.

— Не-а. И спортивного канала у меня там тоже нет.

— Какая трагедия.

— Это крест, который мне приходится нести.

Джетт начинает играть моими волосами, накручивая их на пальцы. Ощущения очень-очень приятные, и я понимаю, что это самый близкий физический контакт, который у меня был с другим человеком за много лет. Мои родители никогда особо не любили обниматься, а брат скорее стукнул бы меня, чем прижал к груди. Хейзл пообниматься не прочь, но с Джеттом все совсем по-другому.

Закрываю глаза, и он начинает массировать мою голову.

— У меня же не будет из-за этого неприятностей? — тихо спрашивает он.

— Только если остановишься.

К черту правила. Хотя бы на пару минут. Я наслаждаюсь моментом.

В конце концов снова засыпаю, пока Джетт массирует мне голову, и он опять относит меня в постель. Но на этот раз ложится рядом и притягивает меня к себе на грудь. Теперь по ночам мы спим в обнимку, потому что так или иначе каждый раз все заканчивается тем, что к утру мы оказываемся тесно прижатыми друг к другу с переплетенными руками и ногами.

На этот раз, проснувшись утром (или, если уж говорить начистоту, то скорее днем), я обнаруживаю, что мне в живот кое-что упирается, а когда до меня доходит, что именно, я чуть не отталкиваю Джетта. Бедный парень. Он же не виноват. Но Джетт меня обнимает, и найти выход из этой ситуации будет сложнее, чем разрядить бомбу. Главное — двигаться достаточно медленно и осторожно, чтобы его не разбудить.

Для начала вытаскиваю руку из-под его руки, а потом начинаю медленно убирать ноги. Если у меня получится перекатиться на спину, то все будет хорошо. Наверное.

Но чуть только я отодвигаюсь от Джетта буквально на миллиметр, его глаза тут же открываются и встречаются с моими.

Ну здравствуй, самый неловкий момент в моей жизни.

— Доброе утро, — говорю я, моргая, будто только что проснулась.

Потягиваюсь и зеваю. Джетт стискивает зубы, и я понимаю, что он размышляет, в курсе ли я о его маленьком друге.

— Доброе утро, принцесса, — осторожно отвечает он.

Улыбаюсь ему, надеясь, что улыбка вышла естественной.

— Умираю от голода. Будешь завтракать?

Никогда не бываю такой жизнерадостной после сна, но надеюсь, его это не насторожит. Поднимаюсь, стараясь не стягивать одеяло слишком низко, и тут же опрометью бросаюсь в кухню.

Из спальни Хейзл не доносится ни звука. Она, наверное, продрыхнет как минимум еще пару часов.

Начинаю заниматься завтраком, и через несколько минут ко мне присоединяется Джетт. Я даже глаз на него не могу поднять, пока он идет к кофеварке и включает ее.

— Ненавижу гулять допоздна, потом весь день насмарку. У меня не меньше двух суток уходит, чтобы прийти в себя после ночных гулянок. Клянусь, чувствую себя какой-то старушенцией. Как бы я хотела, чтобы мне не нужен был сон, — тараторю я, одновременно взбивая тесто для вафель.

Одним из любимых рождественских подарков от Хейзл в прошлом году для меня стала вафельница, которая делает вафли в виде пингвинов. Теперь я использую ее при любой возможности.

А поскольку обычные вафли мне не очень нравятся, я готовлю вафли с карамелизированными яблоками. Джетт их еще не пробовал, а мне вроде как хочется приготовить для него что-нибудь вкусненькое, чтобы компенсировать тот факт, что он не смог сегодня утром контролировать свой пенис.

Надо прекратить об этом думать. Слава богу, мне не приходится иметь дело с подобным дерьмом. Seriously, я бы дни напролет со стояком ходила. Тоненький голосок внутри меня, который с каждой минутой становится все громче и громче, хочет спросить Джетта, не обо мне ли он думал. Но это ненормально. И очень эгоистично. В былые времена даже ножи столов прикрывали, потому что считалось, что мужчины могут вдруг вспомнить о женских ножках и возбудиться. Как смешно.

— Тебе помочь?

Я настолько увлеклась размышлениями о Джетте и ножках столов, что почти позабыла о самом Джетте.

— Можешь сбрызнуть вафельницу растительным маслом и включить ее в розетку?

Взбиваю в миске тесто, пока совсем не остается комочков. Главное — вовремя остановиться. Перестараться — и сделанного не воротишь.

Джетт избегает ко мне прикасаться, словно очертив вокруг меня пространство радиусом три фута и пытаясь его не нарушать. Это совсем не похоже на прошлую ночь, когда он так вторгся в мое пространство, что дальше некуда. Разве только, если бы он вторгся... ну... *в меня*.

Надо прекратить об этом думать.

Джетт наливает мне кофе, добавляет корицу и мускатный орех. Так я делаю только дома, и мне нравится, что он знает, какой кофе я люблю.

— Спасибо, — говорю я и беру у него кружку.

Наши пальцы соприкасаются, и он отдергивает руку. Проигнорировать подобное не получится.

— Что-то не так?

— Нет. Просто устал вчера ночью.

Джетт натянуто улыбается, улыбка выходит почти болезненной. Он отворачивается за своей кружкой и садится за стол.

— Да, я тоже.

Обстановка немного напряженная, так что я включаю музыку, но делаю звук потише, чтобы не разбудить Хейзл. Тейлор Свифт и Эд Ширан поют «Все изменилось». Чуть не начинаю смеяться от иронии момента. У Джетта глаза не зеленые, как в песне, но все остальное словно про него поется. Жутковастенько.

Мурлычу под нос, подпевая песне, пока жду, когда приготовится первая порция вафель в форме пингвинов. Джетт в глубокой задумчивости прихлебывает свой кофе. Не хочу его дергать, так что сама достаю тарелки и приборы.

Вафли готовы, и я выкладываю их на тарелки. Джетт поливает свою сиропом, но я в этом вопросе немного консервативнее. Мне нравится чувствовать вкус самих вафель. Молча жуем, тишину нарушает лишь музыка. Не могу это выносить. Пытаюсь придумать, что сказать, чтобы начать какой-нибудь нейтральный разговор, но в голове пусто. Джетт нарушает тишину вместо меня.

— Не знаю, смогу ли продолжать все это.

Джетт не поднимает глаз от чашки, размазывая вилкой остатки сиропа.

— Ты собираешься использовать стоп-слово?

Сердце панически сжимается. Так сильно я была напугана всего пару раз в жизни.

Он открывает рот и снова его закрывает, потом берет кружку и делает глоток. Не зная, что сказать, просто сижу и в ужасе жду, что дальше. Этого просто не может быть.

Может ли сердце перестать биться? У меня ощущение, будто мое только что на секунду остановилось.

Джетт поднимает на меня взгляд, и я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть ему в глаза. Они внимательно смотрят и пытаются что-то во мне отыскать. Не знаю, что Джетт ищет, но отчаянно хочу, чтобы он это нашел. Сердце снова замирает, но тут он говорит:

— Нет. Не обращай внимания.

Не могу сдержать облегченную улыбку. Сердце начинает биться со скоростью света, словно пытается наверстать то время, когда стояло.

— Хочешь еще вафель?

Вскакиваю и хватаю наши тарелки. Я не клала тесто в вафельницу на случай, если он больше не захочет.

— Да, еще пингвинов, пожалуйста.

Мне хочется немного снять напряжение, поэтому ставлю тарелки и имитирую пингвинью походку. В награду получаю от Джетта взрыв смеха и тут же слышу стон, раздающийся из спальни Хейзл. Джетт замолкает, а я прекращаю изображать пингвина.

— Черт! — шепчу я, когда Хейз выползает из своей комнаты.

Термин «с бодуна» был придуман как раз для описания ее вида. Размазанная тушь, всклокоченные волосы, одежда, которую она не потрудилась вчера снять, измята, на щеке след от подушки.

— Вы... уроды... — медленно цедит она, ковыляя к нам с вытянутыми вперед руками, словно о чем-то умоляет.

Быстро наливаю чашку кофе и протягиваю ей. Хейзл стоит над кружкой, как, наверное, когда-то пещерный человек стоял над впервые зажженным костром. Несколько секунд она просто вдыхает аромат кофе, а потом начинает пить.

— Лучше? — спрашиваю я, подходя к вафельнице и накладывая вторую порцию.

Придется сделать намного больше вафель, если Хейзл тоже захочет.

Подруга падает на единственный незанятый стул, так что мне приходится опереться на кухонную стойку. Вернее пришлось бы, но Джетт встает и показывает мне на стул.

— Мне все равно придется следить за вафлями. Все нормально.

Он снова садится. Хейз по-прежнему ничего не замечает, кроме своего кофе. Понадобится по крайней мере еще одна чашка, чтобы она почувствовала себя человеком. А потом она, вероятно, все равно вернется в постель еще на пару часов, чтобы избавиться от остатков похмелья.

— Знаешь, мне кажется, нам надо купить тебе стул, — говорю я, пока Джетт поливает сиропом очередную пингвинью вафлю.

— Ты не обязана это делать, — возражает он, но не могу же я заставлять своего Липового Парня стоять каждый раз, как он ко мне приходит.

Мы приканчиваем остатки вафель, и Хейзл уходит досыпать. Поскольку я на мели, после того как затарилась продуктами для Джетта и выкинула деньги на пижамы, чтобы раздобыть для него стул, мы, несмотря на все его протесты, отправляемся в местную комиссионку. В качестве компромисса едем на его машине.

— Ладно, учитывая, что сидеть на нем в основном предстоит тебе, думаю, именно ты должен сделать выбор.

Джетту приходится немного подождать, пока я отбираю на его суд трех кандидатов.

— Итак, стул номер один, — щедрым взмахом руки начинаю я представление. — Это прелестный... стул из красного дерева с кучей... стулообразных деталей. К тому же, у него четыре ножки, так что ты не упадешь.

— Ну надо же, какая ошеломляющая перспектива, — хлопает он в ладоши.

— А вот стул номер два. Он из раннего... психоделического периода и предварительно подвергнулся коррозии, что добавило ему определенной стильности.

Джетт осматривает второй стул и снова хлопает.

— Замечательная альтернатива. Выбор будет нелегким.

— О, погоди. Есть же еще один вариант. — Я представляю третий стул. — Этот красавчик проделал к тебе долгий путь из экзотического местечка под названием Топека, Канзас, и в качестве прелестной окончательной отделки был аккуратно обтесан, чтобы создать эффект грубой деревянной мебели.

На случай, если вы не поняли, третий стул — мой фаворит. Он лучше всего сочетается с теми двумя, что у нас уже есть, и выглядит наименее потрепанным из трех.

— М-да, три чудесных варианта. — Джетт прохаживается туда-сюда перед стульями. — Ты так красочно расписала достоинства каждого. — Он в раздумье постукивает пальцем по подбородку. — Но я, наверное, все же остановлю свой выбор на стуле номер три.

Он кладет руки на спинку выбранного стула, и на этот раз хлопаю в ладоши я.

— Ой, как хорошо! Я так надеялась, что ты выберешь именно его.

— Да, ты так тонко на это намекала.

— Ладно, чего же ты ждешь? Проверь его. Ты не можешь окончательно его выбрать, пока не попробуешь на нем посидеть.

Джетт соглашается со мной и, сев на стул, вздыхает:

— Ага, это он.

Решаю, что проверку нельзя считать окончательной без меня, и усаживаюсь ему на колени.

— Идеально. Мне нравится этот стул.

Наклоняюсь и целую его.

— Мне тоже.

Слышу, как неподалеку от нас какая-то женщина вздыхает о «первой любви». Ага, уверена, мы отвратительны. Я бы тоже не смогла вынести собственного вида.

Определившись со стулом, мы отправляемся исследовать магазин, выбирая самые странные и идиотские вещи. Джетт заставляет меня примерить самый уродливый свитер, который когда-либо выходил из-под вязальной машинки. Он болотного цвета с раскиданными тут и там оранжевыми шарами и огромной безобразной кошачьей мордой на спине. Я, в свою очередь, всучиваю ему не менее уродливый свитер, который выглядит так, словно его мог бы носить Билл Косби⁸, если бы сидел на ЛСД. Мы фотографируем друг друга на телефоны, и в итоге берем оба кошмарика на случай приглашения на Вечеринку Уродливых Свитеров, которые постоянно устраивает народ в кампусе.

Кроме этого, Джетт уговаривает меня взять керамическую чашку в виде бегущего медведя. Звучит неплохо, но она настолько неудачно расписана, и глаза настолько большие и криво нарисованные, что медведь косит на оба глаза.

— Тебе его не жалко? Он сидит здесь, и никто его не любит, — надувает губы Джетт, взяв медведя в руки.

С этими надутыми губами он может уговорить меня на все, что угодно. Что угодно.

В отместку заставляю его согласиться на подставку для зонтиков, разрисованную резвящимися в лужах свинками.

— Каждому нужна подставка для зонтиков. Знаешь же поговорку?

— Какую?

— Что каждому нужна подставка для зонтиков.

Джетт качает головой, но все равно ее берет. Прежде чем мы успеем потратить деньги, которых у нас нет, на вещи, которые нам не нужны, Джетт берет свитера и подставку, а я — стул и чашку-медведя, и мы направляемся к кассе.

Втискивать стул в его машину очень весело, но у нас наконец-то выходит. Захлопывая багажник, Джетт улыбается.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Ничего. Я просто... счастлив.

— Я тоже.

— Ты делаешь меня счастливым.

— Аналогично.

У меня в животе зарождается какое-то чувство, немного похожее на страх. Но мне не страшно. О том, что касается счастья, я говорю правду. Я не смеялась так много и не была такой... свободной не помню уже сколько времени. Возможно, это не так уж и хорошо.

Пытаюсь не обращать внимания на это чувство, пока Джетт выезжает с парковки, одновременно ища на радио хорошую станцию. Наконец он останавливает свой выбор на той, которая обещает: «Мы крутим почти все». Играет песня «Панк-рок-принцесса» группы «Something Corporate». Обожаю ее, и, похоже, Джетт тоже, потому что он начинает выстукивать ритм на руле.

Возвращаемся ко мне в квартиру. Джетт вносит стул, а я нахожу местечко для чашки-медведя. Не могу дождаться, чтобы услышать реакцию Хейзл. Она, наверное, прикажет мне от нее избавиться. У моей соседки какой-то необъяснимый страх перед неодушевленными предметами, которые выглядят как живые. Например, она до жути боится кукол. Типа они оживут и убьют ее во сне или вроде того. Ага, знаю, но у всех свои причуды.

Джетт ставит стул и садится на него.

— Идеально.

Стребаю несколько ручек из той кучи, что разбросаны по всей квартире, и засовываю их в чашку-медведя. Надеюсь, Хейзл не слишком испугается.

— Брр, мне еще домашку делать, — вздрагиваю я.

Мне по-прежнему предстоит кое-что выучить перед контрольной.

— Домашка — отстой, — заявляет он и похлопывает себя по колену.

Принимаю его приглашение и сажусь, а он обнимает меня за талию. Раньше я переживала, что раздавлю его, но он, похоже, не возражает.

— Согласна. Но сделать ее надо.

Джетт вздыхает и кладет голову мне на плечо.

— Мне, наверное, стоит поехать домой и посмотреть, как там Хавьер. Убедиться, что он добрался до кровати и не вырубился на капоте машины прямо на подъездной дорожке.

Чуть не надуваю губы, поняв, что мы расстанемся, но сдерживаюсь.

— Так что, увидимся вечером? — спрашиваю я, сделав вид, что нет ничего особенного в том, что мне придется провести без него несколько часов.

Ну правда, в этом не должно быть ничего особенного. Я могу прожить без него.

Просто... не хочу.

Я больше не знаю, кто я такая.

— Напишу тебе SMS перед приходом. Принесу пиццу.

Джетт одаривает меня быстрым поцелуем, и мне хочется еще, но я отстраняюсь и отпускаю его.

Глава 12

Как Джетт и предполагал, на следующей неделе я получаю за контрольную девяносто четыре балла. Хейзл же не выдерживает соседства с чашкой-медведем на кухне и часа, заставив меня засунуть ее в ящик и потребовав клятву, что я никогда не буду доставать ее оттуда по ночам. У моей соседки наступают тяжелые времена, и однажды она возвращается с занятий с таким измученным видом, что я не могу этого не заметить.

— Налить тебе кофе?

Хейз бросает сумку у дверей, падает на стул и начинает биться головой об стол.

— Напомни, почему я хотела стать адвокатом?

Ставлю перед ней кружку с дымящимся кофе, и Хейзл поднимает голову.

— Потому что ты потрясающе смотришься в узкой юбке и любишь указывать людям, что делать.

Она смотрит на меня и отхлебывает кофе, вздыхая от удовольствия.

— И то, и другое может быть правдой, но это не единственные причины. Просто я так чертовски устала, что даже не помню, каково это — не чувствовать усталости.

В последнее время она не очень хорошо со мной обращалась, но Хейз поддерживала меня, когда рядом больше никого не было, и этого ничто не изменит. И я могу контролировать свое к ней отношение. Убить ее добротой.

— Пей. Потом я приготовлю тебе обед, и мы посмотрим кино. Сама выберешь, какое. Я помассажирю тебе ноги, а ты сможешь рассказать мне обо всем, о чем захочешь, и я ни слова не скажу о парне, с которым встречаюсь, или о чем-либо, с ним связанным. Сегодня у нас вечер без пенисов.

Хейзл наконец выдавливая улыбку и допивает кофе.

— Спасибо, Шен. — Она встает и обнимает меня. — Ты лучшая.

— Так что у меня ощущение, будто я окружена идиотами. Им элементарно все равно. Сомневаюсь, что они вообще когда-нибудь станут юристами. Вероятно, просто транжирят папенькины денежки, чтобы убить время, прежде чем влиться в семейный бизнес. Тьфу! Ненавижу людей!

Хейзл вытаскивает из моих рук правую ногу и протягивает мне левую. Выдавливую на руки еще немного увлажняющего крема и продолжаю массаж. Некоторые люди не в состоянии прикоснуться к ногам других, но я не из таких.

— Большинство из них просто ужасны.

— Ага. Однако иногда ужасными могут быть и хорошие люди, — говорю я, посылая ей многозначительный взгляд.

— Иногда могут.

Хейзл приканчивает чили, которое я для нее приготовила, и ставит миску на кофейный столик. По телевизору о чем-то бормочет «Телеведущий». Хейз закуривает сигарету, пообещав мне, что она выкурит «всего одну, чтобы снять напряжение». Это ее ночь, так что я ничего не говорю. А еще не спрашиваю, знает ли она что-нибудь о том, как девчонки наседали на меня по поводу Джетта. Этого разговора никогда не было.

— Мне очень нужно заняться сексом, — совершенно неожиданно заявляет Хейз. — То, что у тебя постоянно есть секс, заставляет меня постоянно его хотеть.

Ну да. Потому что у меня есть постоянный секс.

— Это что, намек, чтобы я купила тебе вибратор? Моим я тебе пользоваться не позволю. Мы близки, но не НАСТОЛЬКО.

Это просто отвратительно.

— Да нет, я не прошу тебя одолжить мне свой вибратор. Пластик мне не подходит. Мне нужен горячий потный мужик. Просто какой-нибудь парень, который схватит и трахнет меня. Немного старого доброго животного траха без затей. Понимаешь?

Ага, потому что я сама беспрерывно именно этим и занимаюсь.

— Почему бы тебе просто не пойти в бар и не выбрать там кого-нибудь?

Если подобное годится для меня, то годится и для нее.

— Я с этим завязала. Большинство парней слишком пьяны, чтобы сделать свое дело, или просто плохи в этом. Я же хочу мужчину, который сможет меня удовлетворить. Кого-то, кто знает, как заниматься любовью и как надавить на все нужные кнопки. Джетт, наверное, к этому времени уже нашел все твои кнопки.

Произнеся последнюю фразу, Хейзл посылает мне почти сердитый взгляд.

— Ага, он хорош. — Я умудряюсь сказать это так, чтобы мои слова прозвучали одновременно скрытно и мечтательно, словно мне просто не хочется делиться подробностями, потому что это все испортит. — Но я о нем не говорю. Предполагалось, что у нас будет вечер без пенисов.

— Ничего не могу с собой поделать. Мне в жизни нужен какой-нибудь пенис. Хотя это очень мило. Мне кажется, будто я тебя вечность не видела. Кто ж знал, что когда я заберу у тебя ключи и прикажу с кем-нибудь перепихнуться, ты найдешь такого парня, как Джетт? Я за тебя безумно счастлива, Шен. Он, похоже, хороший парень, но мне так жаль насчет того, как ты с ним познакомилась.

— Он действительно хороший парень.

Она даже понятия не имеет. Последние ее слова я не комментирую.

— Мне хочется найти такого, как он. Только чтобы мяса было побольше.

Ну вот, снова начались разговоры о мясе.

— Я буду поглядывать по сторонам.

— А как насчет соседа Джетта? Хавьер. Ох, мне нравится даже просто произносить его имя. Оно так сексуально звучит. Хавьер. *Хавьер*.

Смотрю на Хейзл. Она может пойти и переспать с кем ее душевнее угодно, но я бы посоветовала ей держаться от Хавьера подальше, несмотря на его сексуальное имя. От таких, как он, одни неприятности. Чтобы понять это, мне вовсе не нужен большой опыт в любовных отношениях. Такие парни, как Хавьер, появляются в твоей жизни, ломают ее, а потом исчезают так же быстро, как пришли, а тебе остается только собирать осколки. По крайней мере, пообщавшись с ним, я пришла к выводу, что он именно такой.

Хави немного напоминает мне брата, а я прекрасно помню, как он обращался со своими девушками. После расставания они оставались просто раздавленными. Я не говорю, что Хавьер плохой. Он просто вот такой. Шаровой таран в обличье человека.

— Это всего лишь один из вариантов, — вздыхает Хейзл. — Но на этот раз я, наверное, буду более придирчива в выборе. Слишком часто я в прошлом обжигалась.

Правда? В прошлом году у нас в квартире был просто парад снующих туда-сюда парней. Однажды я даже видела, как ночью пришел один чувак, а наутро ушел совершенно другой. Все еще пытаюсь это осознать.

— Возможно, это неплохой план.

Мы начинаем трепаться о других вещах, и вскоре Хейзл засыпает. Выбираюсь из-под нее, укрываю ее одеялом и иду мыть посуду. Боже, надеюсь, она будет держаться от Хавьера подальше.

— Ты по мне скучал? — спрашиваю я вечером, как надоедливая, приставучая девушка, когда мы ложимся в кровать.

Джетт смеется.

— Совсем немного. Хавьер даже близко не такой красивый, как ты, и волосы у него не такие мягкие.

Что ж, так оно и есть по обоим пунктам.

Рассказываю ему о Хейзл.

— Ну, она не единственная заинтересованная сторона. Он тоже о ней спрашивал. Вот только проблема Хави в том, что его внимания хватает ненадолго — максимум до тех пор, пока он не кончит, — а потом он пускается на поиски следующей девушки.

Джетт поглаживает меня по волосам.

— Вообще-то это отвратительно, — говорю я.

Он вздыхает.

— Понимаю, его поведение не из лучших, но Хавьер — неплохой парень, честно. Он столько для меня сделал, не знаю, где бы я оказался без него. Какое-то время Хави оставался моим единственным другом, когда рядом больше никого не было. Мне кажется, я никогда с ним за это не расплачусь, поэтому никогда его не брошу. Его лучшую сторону, которую он продолжает очень тщательно ото всех скрывать. Образ, который он создал для публики, для него крайне важен.

Ничего себе!

— Тебе завтра надо работать?

Джетт только-только устроился на работу в кафе. Очевидно, дизайн веб-сайтов не приносит достаточно денег, чтобы платить за учебу.

Я никогда не расспрашивала его о семье, кроме того первого раза, когда он показал мне портрет сестры. Учитывая, что Джетт не говорит о родителях, могу только предположить, что они умерли. Вероятно, какой-нибудь трагический несчастный случай. Мне даже думать об этом больно, и я хочу, чтобы он поделил эту боль со мной. Тогда я смогла бы его обнять и позаботиться о нем. Но Джетт не хочет об этом говорить, а я не хочу на него давить. Вообще-то это не мое дело. Я всего лишь его Липовая Девушка. Не настоящая.

Но мне хочется задать ему какой-нибудь личный вопрос, поэтому решаю спросить о чем-нибудь другом.

— Что означают твои татуировки?

Нежно провожу пальцем по хвосту красного дракона на руке Джетта. Умираю от желания узнать все-все о татушках, но не хочется совать нос не в свое дело.

— Они означают множество вещей, и я не уверен, что могу по-настоящему выразить словами, что конкретно. Мое тело — только мое, и я могу делать с ним, что заблагорассудится. Ну вот я и решил при помощи чернил покрыть его драконами и разными другими вещами. Это имеет хоть какой-то смысл?

Да. Да, имеет.

— Могу я на них посмотреть?

Я не прошу его раздеться, но выглядит так, словно прошу. Джетт очень долго на меня смотрит, а потом выпускает меня из объятий и садится, чтобы было удобнее стащить майку через голову. Ощущение, будто я слышу барабанную дробь, прежде чем он опускает майку и поворачивается ко мне лицом, чтобы я смогла его разглядеть. Отклоняюсь назад, чтобы окинуть взглядом полную картину.

Потрясающе. Он потрясающий. У меня перехватывает дыхание, и я не знаю, как снова начать дышать.

Красный дракон, завиваясь спиралью, занимает почти всю грудь Джетта, весь такой когтистый и пышущий огнем. Потoki бурлящей воды берут свое начало позади дракона на левой стороне правого плеча Джетта и полностью покрывают всю руку. Мой взгляд следует за рисунком и наконец останавливается на углой лодочке, качающейся на волнах бушующего моря. Осторожно протянув ладонь, поглаживаю пальцем суденышко, которое швыряет туда-сюда в этом хаосе, и понимаю, что оно значит — Джетту даже не надо ничего объяснять.

Он напряженно ждет моего вердикта. Не понимает, что уже получил мое полное одобрение.

— Красиво.

Он красивый.

Продолжаю водить пальцем по барашкам волн, и Джетт поворачивается, чтобы я смогла рассмотреть его спину и синего дракона. Тот менее насыщенного цвета, чем красный. Более мирный и спокойный. Огонь и вода. Инь и Янь.

Я могла бы сидеть и смотреть на Джетта целый день, но чувствую себя неудобно, пожирая его глазами.

— Можешь одеться, если хочешь.

Звучит как-то странно, так что я отвожу глаза. Джетт пристально смотрит на меня через плечо.

Немного помолчав, он натягивает майку, и я мысленно прощаюсь с драконами и волнами. Как для парня, Джетт слишком скромный, или, может, он просто пытается держаться в рамках наших Липовых Отношений. У него это выходит гораздо лучше, чем у меня.

В моей голове эти рамки, хоть мы и прописали их попунктно, становятся все более размытыми. Я имею в виду, что вот на правило о случайных контактах мы, например, откровенно забили, потому что спим вместе каждую ночь. И мне нравится, что он называет меня принцессой, когда мы наедине. И каждый день происходит еще миллион других мелких нарушений, на которые я совершенно не обращаю внимания, потому что мне уже все

равно. Я слишком наслаждаюсь жизнью в ранге Липовой Девушки.

— Спасибо, что поделился этим со мной. У меня такое чувство, будто я должна показать тебе свои татуировки, но у меня ни одной нет.

Джетт снова ложится рядом со мной, только теперь на живот и опираясь на локти.

— Тогда расскажи мне что-нибудь. То, о чем больше никто не знает.

Отвожу взгляд от его лица и начинаю разглядывать потолок. Ну, кое-что я бы могла ему рассказать, но все мои подруги знают, что я девственница, так что это все же не в счет. Слава богу.

И о чем же мне ему рассказать? Только не то, о чем мне стыдно вспоминать. Что-нибудь такое, что заставит его посчитать меня очаровательной и, может, даже ощутить желание снова снять майку. Если первое вполне вероятно, то второе вряд ли. О, придумала.

— Ладно, когда мне было семь лет, я была безумно влюблена в Бэтмена. Я смотрела мультики и фильмы о нем даже чаще, чем мой брат.

Кажется, я никогда не говорила Джетту, что у меня есть брат. Ой, ну и ладно!

— Короче, я была одержима Бэтменом. Больше всего на свете я мечтала о футболке Бэтмена с летучей мышью на груди. У брата такая была, но он прятал ее и издевался надо мной, а я ему жутко завидовала, поэтому умоляла маму купить мне еще одну. Но мама заявила, что девочки не носят футболок Бэтмена. Да, знаю. Именно поэтому я не разговариваю с родителями. Она купила мне футболку с одной из Диснеевских принцесс. Та, конечно, была красивая, но мне-то хотелось футболку Бэтмена. Поэтому я решила, что заполучу ее любой ценой. В следующий раз, когда мама взяла меня в магазин одежды, все закончилось тем, что я спряталась за вешалками и подождала, пока она на что-то отвлеклась, а потом рванула в мальчиковый отдел, схватила футболку, забежала в туалет, оборвала зубами ценник, надела ее под свою футболку и вышла обратно как ни в чем не бывало. Тогда еще не придумали тех этикеток, которые могли бы поднять вой на выходе. А может, их не было именно в том магазине. Весь следующий месяц я носила эту футболку под другой моей одеждой. Каждый божий день. Никто ничего не заметил, но я не могла положить футболку в стирку, так что спрятала ее на дне ящика в комод. Возможно, она до сих пор там лежит.

Дурацкая история, и не такая уж классная, но это одна из тех вещей, о которых, как мне иногда кажется, никто не в курсе.

— Так что вот. Теперь ты знаешь, что я kleптоманка, укравшая футболку Бэтмена.

Джетт широко улыбается, обхватывает мое лицо ладонями и целует меня.

— Ты самая милая kleптоманка, которую я когда-либо встречал. И я никому не расскажу. Твоя тайна умрет со мной, принцесса.

— Клянешься?

— Вот те крест, — отвечает он, рисуя на груди большой крест. Прямо на красном драконе. Надеюсь, дракон тоже сохранит мой секрет.

Глава 13

— За середину пути, — провозглашает Джетт тост за ланчем ровно две недели спустя после начала нашей затеи.

Мне не хотелось преувеличивать значение этой даты — я считала, что единственная одержимо считаю дни и часы.

— За две недели успешных Липовых Отношений. Как ощущения? — спрашиваю я, чокаясь с ним пластиковым стаканчиком.

— По-моему, пока все идет хорошо. Хавьер от меня отстал, и квартира у тебя лучше, чем у меня. Да и готовишь ты вкуснее.

— Только если дело не касается начос.

— Что есть, то есть. В приготовлении начос я крут.

— И в рисовании. Тут ты меня за пояс заткнешь. И в оригами. Его ты тоже первоклассно делаешь. И, по-моему, врешь ты тоже лучше меня.

Он точно врет лучше меня. Доказано не раз.

— Зато ты лучше делаешь вафли. И выбираешь стулья. И крадешь футболки Бэтмена. Кстати говоря, у меня для тебя кое-что есть. Что-то вроде подарка на годовщину.

Он достает из рюкзака какой-то сверток, завернутый, будто подарок, в университетскую газету.

— Прости за обертку. У меня кроме тонкой бумаги для оригами ничего нет, а с ней ничего не вышло. Я хотел склеить листки скотчем, но... Неважно. Оставался выбор между газетой и туалетной бумагой. Мне показалось, что туалетную бумагу ты вряд ли оценишь.

— Угадал.

Беру у Джетта сверток и медленно его разворачиваю. Не хочу уподобляться ребенку, разрывая обертку в клочья. Внутри оказывается какая-то черная и мягкая штука, и до меня довольно быстро доходит, что это.

— Ну ты и придурок, — выдыхаю я, разворачивая футболку Бэтмена.

Она как раз моего размера. Должно быть, он порывлся в моих ящиках с одеждой или посмотрел ярлыки на других моих футболках.

— Хочешь сказать, что ничего мне не приготовила на годовщину? Разве девчонки не обожают всю эту ерунду?

Поднимаю взгляд от футболки и понимаю, что Джетт шутит. Надеюсь, что шутит.

— Я не знала, что мы дарим друг другу подарки. Надо было предупредить меня заранее. По-моему, надо добавить это в правила. Когда кто-то собирается купить другому подарок, то должен его предупредить, чтобы получить подарок в ответ.

— Но это же убьет всю прелесть сюрприза. К тому же, мне ничего не надо. — Глупость какая. Все любят подарки. — И ты купила мне стул. Это все, что мне нужно.

Это правда. Я купила ему стул. Так что, может, это и считается.

— Тебе нравится? — спрашивает Джетт.

— Да я ее обожаю! И никогда в жизни не сниму.

— Ну что, теперь у тебя есть футболка с эмблемой Бэтмена, и ты будешь постоянно носить ее под одеждой?

Понимаю, что он перефразирует цитату из «Дрянных девчонок», и мне это безумно нравится.

— Бэтмен врезал мне по лицу. Это было круто!⁹

Мы хором смеемся, и я прижимаю футболку к груди. Обязательно надену ее, как только доберусь домой, и спать сегодня буду в ней.

— А теперь о менее веселых делах. Мне кажется, пора обсудить, как мы собираемся со всем этим покончить. По-моему, лучше сделать это на людях, чтобы произвести максимальное впечатление и показать, что пути назад уже нет. Ты как считаешь?

От резкой смены темы у меня начинает кружиться голова.

Я не желаю обсуждать наш разрыв. Мне хочется оттянуть этот момент как можно дольше, но в глубине души я понимаю, что нам надо все спланировать. Если мы не сможем убедительно разыграть конец отношений, то во всей этой затее не будет никакого смысла.

— Ага, звучит здорово.

Нет. Звучит ужасно. Ненавижу споры. Всеми силами их избегаю, даже если это означает, что ко мне относятся, как к куску дерьма. Но ведь это не по-настоящему. Это Липовая Ссора. Я справлюсь.

— Думаю, я могу ляпнуть какую-нибудь глупость, и ты расстроишься, а потом мы поругаемся, и ты со мной порвешь. Я хочу, чтобы ты вышла из этой ситуации победителем.

Чувствую еще одну волну дурноты вместе с внезапно накрывшей меня депрессией по поводу нашего Липового Разрыва. Как я смогу сказать ему «прощай»?

— Тебе вовсе не обязательно это делать. Я могу сказать что-нибудь ужасное. Спишу все на ПМС, а ты начнешь со мной ругаться, и тогда я все равно с тобой порву. Из-за ПМС.

Это на самом деле сработает. Круг замкнется.

— Нет, по-моему, придурком должен оказаться я. Хочу дать тебе кучу поводов покритиковать меня в кругу друзей. Наверное, мне стоит начать вести себя как козел уже сейчас, чтобы это не стало для всех полной неожиданностью. До разрыва нам надо хотя бы пару раз поругаться. Ну понимаешь, чтобы все выглядело поубедительней.

А он об этом размышлял. Много. Я же пыталась избегать мыслей о разрыве как можно дольше. Знаю, что Джетт прав, но не хочу, чтобы он это говорил. Мне хочется, чтобы он говорил о футболке Бэтмена, или о своих татуировках, или еще о чем-нибудь таком.

— Звучит... звучит неплохо, — говорю я и сглатываю, потому что в горле пересохло. — И когда, по твоему мнению, нам следует поссориться в первый раз?

Надо все распланировать и постараться сделать так, чтобы споры случились на виду у людей. Не знаю, то ли стоит написать сценарий, то ли пускай все происходит само собой? Или достаточно будет говорить обычные вещи и просто сделать вид, что мы ссоримся? Понятия не имею, как все это делается. В Липовых Отношениях я полный отстой. Я словно девушка, которая взялась дрессировать щенка, а потом не может с ним расстаться, когда приходит время отдать его будущим хозяевам.

Вот только Джетт гораздо сексуальнее щенка. Щенки вообще не сексуальны. Ну, не должны такими казаться, если ты нормальный человек. Хотя, вероятно, где-то на свете живут извращенцы, которые западают на щенков.

— Может, потренируемся? — спрашивает Джетт, возвращая меня к теме нашего разговора.

— Что, прямо сейчас?

Не хочу я этого делать.

— Да, прямо сейчас. Ну почему с тобой всегда так сложно?

Джетт подмигивает мне, хотя говорит очень громко, и тон его можно назвать каким угодно, но только не шутливым. Сглотнув застывший в горле комок, я подыгрываю ему.

— А почему ты все время пытаешься все контролировать?

Мой голос эхом разносится по комнате, несколько человек оборачиваются и пялятся на нас.

Джетт повышает голос.

— Я вовсе не пытаюсь все контролировать. Мне просто кажется, что нам надо спокойно и здраво все обсудить.

Ого, а он хорош! Если бы я ничего не знала, то решила бы, что мы действительно спорим.

— Ну вот, опять двадцать пять! Ты все время так говоришь, будто я сумасшедшая.

Хватаю поднос и несусь к бакам для мусора, не забыв отложить в сторону, а затем вернуть на поднос столовые приборы и чашку, чтобы их потом помыли.

Джетт следует за мной по пятам.

— Не смей вот так от меня уходить! — кричит он до того громко, что почти все разговоры в зале замолкают.

Грозный голос Джетта звучит немного страшновато.

Решив, что надо отработать номер по полной программе, резко оборачиваюсь.

— Что хочу, то и делаю! Я тебе не принадлежу!

С этими словами стремительно возвращаюсь к нашему столику, хватаю свою сумку и вылетаю из кафе. На душе какое-то очень приятное чувство, хоть это все и не по-настоящему. Никогда раньше ни на кого не кричала на людях. Это вроде как повышает самооценку. Мне хочется подпрыгнуть или совершить еще что-нибудь сумасшедшее. Так я и делаю.

— И что это было? — спрашивает Джетт у меня за спиной.

— Победный прыжок по поводу того, что мой долбанутый парень наконец-то получил по заслугам. И все это на глазах у других, между прочим. Так что это был мой победный прыжок. Мне стоило бы вздернуть вверх кулак, как в «Клубе «Завтрак».

— Да, стоило бы. Судя по всему, он полный кретин. Надеюсь, ты его бросишь.

Джетт прислоняется к стене здания.

Я серьезно киваю.

— Есть такой план.

И тут мы одновременно улыбаемся и заходимся в хохоте.

— По-моему, у нас неплохо получилось, а? — спрашиваю я.

— Я бы дал нам «Оскар». Да кто такая эта Мэрил?

— Никогда о ней не слышала, — отвечаю я. — Но вообще-то нам не стоит оскорблять Мэрил. Она невероятная.

Джетт тут же соглашается и меняет тон.

— У меня такое чувство, что за подобные мысли мы загремим в ад. Я беру свои слова назад, Мэрил! — выкрикивает он в небо.

Он снова заставляет меня рассмеяться и останавливаюсь я, лишь когда Джетт меня целует.

Большинство наших поцелуев в последнее время были сладкими, мягкими, застенчивыми. Этот — совсем другой.

Джетт берет мой рот под контроль, его губы и язык требуют от меня большего, требуют всю меня без остатка. О, ладно, это что-то новенькое. Но заканчивается все так же быстро, как начинается. Джетт шарахается от меня, словно сам поражен тем, что сделал. Я же... Я не знаю, что чувствую в этот самый момент.

— Мне надо на лекции, — выдавливаю Джетт и уходит, оставив меня с горящими губами, своим вкусом у меня во рту и в совершенном раздрае.

Это что, был поцелуй примирения? В этом все дело?

Мне в самом деле следует ссориться с ним почаще.

Направляюсь на парковку к машине, как вдруг кто-то хватает меня за руку. В голове тут же проносится мысль, что во время ознакомительной лекции мне стоило прислушаться к тем, кто советовал носить с собой перцовый баллончик и свисток против насильников.

А потом я слышу голос:

— Привет, блондиночка. Давай-ка немного пообщаемся.

И я оказываюсь лицом к лицу с Хавьером.

— У меня рука немеет.

Вообще-то я почти не сомневаюсь, что на руке останутся вмятины — с такой-то хваткой. Хави переводит взгляд на свою ладонь и отпускает меня, однако кивком головы показывает, чтобы я следовала за ним. Закатываю глаза, но все же иду. Мы сворачиваем за угол, где народу чуть поменьше.

Хавьер останавливается и снова поворачивается ко мне.

— Я могу чем-нибудь помочь? — интересуюсь я.

Он достает из кармана сигарету с зажигалкой и закуривает. Понятия не имела, что он курит. Никогда раньше не видела его с сигаретой.

— Я пытался бросить, но не выдержал. Неважно, я просто хотел поговорить с тобой о Джетте.

Скрещиваю руки на груди. Я правда не понимаю, куда он клонит.

— И что ты хотел сказать?

Это действительно не его дело, но, наверное, именно это самое лучшее в друзьях. Хейзл, вероятно, поступила бы точно так же. В сущности, я не сомневаюсь, что она так и сделала бы.

— Я просто подумал, что нам стоит пообщаться, раз уж у вас двоих теперь все так серьезно. Джетт... слушай, он мой лучший друг, и я за ним приглядываю. Он мне как брат, пусть у нас и разные родители. Я просто хотел убедиться, что ты знаешь об этом.

— Это что, какая-то таинственная угроза?

— Нет-нет, не угроза. Просто даю тебе понять, что приглядываю за ним, и если что-нибудь случится, я встану на его сторону. Ты просто... будь с ним осторожна. Он многое пережил, и мне очень не понравится смотреть, как он страдает.

Вот эта последняя часть звучит очень похоже на угрозу.

— Я не собираюсь причинять ему боль.

О, ничего хорошего из этого не выйдет. Хавьер меня откровенно напугал. Он же может сломать мне челюсть двумя своими мускулистыми пальцами. Наверное, именно поэтому Джетт хочет сделать вид, что в разрыве виноват он. Тут я со своим Липовым Парнем спорить не собираюсь.

— Я вижу. Честно, я рад, что он встретил такую, как ты, Шеннон. Ты вроде милая девушка, и он по-настоящему счастлив.

Хави выбрасывает сигарету в урну и достает из кармана жвачку.

— Просто не испогань все, — бросает он и, похлопав меня по плечу, уходит.

Я сползаю вниз по стене. Это просто чертова катастрофа.

Этим вечером я работаю, но никак не могу прекратить нервничать, а Амелии рядом нет, и поговорить не с кем. Но когда я выхожу из банка, кое-кто ждет меня у моей машины, прислонившись к собственному автомобилю. Вернее к тому, что он считает автомобилем. Мне кажется, присяжные все еще сомневаются.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я.

Я не видела его с тех пор, как мы «поссорились» и «помирились». А еще я не рассказала ему о нашей беседе с Хавьером. Не уверена, стоит ли. Все время сомневаюсь. Я имею в виду Хавьер не просил меня не говорить об этом Джетту, но мне кажется, он не хотел бы, чтобы тот обо всем узнал.

М-да. Дилемма.

— Я решил сводить мою Липовую Девушку на настоящий ужин. Поехали.

Джетт открывает для меня дверцу. Похоже, он не шутит, и это меня слегка пугает.

— Ух ты, футболка Бэтмена и приглашение на ужин. Чем я это заслужила?

Он пожимает плечами.

— Мне просто было не по себе после ссоры. Даже если она была ненастоящая. Я не знал, что почувствую все настолько реально.

— Понимаю. Ситуация окажется по-настоящему странной, когда нам придется сделать это перед всеми, и это будет еще реальнее. — Или... неважно.

Джетт включает радио, он как-то слишком молчалив.

— Что-то не так? — спрашиваю я, и у меня сводит живот.

Я чувствую, что после моей беседы с Хавьером что-то произошло, отчего Джетт стал таким странным. Но не знаю, собирается ли он мне об этом рассказывать.

— Нет, мне просто хотелось тебя увидеть, и я проголодался, ну и подумал, что нам стоит сходить поужинать. Вот и все.

Я на такое не куплюсь.

— Ага, я бы поверила, если бы ты не вел себя так таинственно, а кроме того Хавьер приходил сегодня поговорить со мной о тебе.

Джетт вполголоса чертыхается, и я понимаю, что он о визите Хавьера понятия не имел. Что ж. Собственно, существовал только один способ об этом узнать.

— И что же он сказал?

— Просто предупредил меня, что если я заставлю тебя страдать, он найдет меня, выпотрошит и скормит мне собственные внутренности, — с серьезным видом отвечаю я.

— Шеннон, не шути так. Что он сказал?

Супер, я только что все испортила. Надо было держать рот на замке.

— Он просто заявил, что надеется, мол, я тебя не обижу, и что ты много пережил, и что он за тобой присматривает.

— Но не рассказал ничего конкретного?

Джетт в панике. Весь этот разговор дал обратный эффект.

— Да нет. Он говорил в общем и целом.

У Джетта явно есть какая-то тайна, и он не хочет, чтобы я о ней узнала. А может, даже несколько тайн. Но это не новость. Не могу же я расстраиваться из-за того, что он не хочет мне открыться. Ведь я не его девушка.

— Все в порядке, Джетт. Я понимаю, что есть какие-то вещи, которые ты считаешь личными, но можешь не волноваться. Захочешь рассказать — расскажешь, не захочешь — не надо. Я не собираюсь выбивать из тебя правду или злиться на тебя. Я не такая.

Джетт вздыхает и сворачивает к пиццерии.

— Прости меня за все.

Не понимаю, за что он извиняется. За то, что хранит свои секреты? За Хавьера? За случившуюся ранее «ссору»? Ему не помешало бы говорить конкретнее.

Мы заходим внутрь, садимся за столик и заказываем напитки. Лишь после этого Джетт решается нарушить молчание.

— Я знаю, что ты не ладишь с родителями. Большинство людей хотя бы изредка упоминает о разговорах с родственниками, но не ты.

Погодите-ка, теперь мы говорим обо мне? Я ничего не понимаю, но решаю не протестовать.

— Да, с родителями у меня отношения не очень. В смысле, я люблю их, без вопросов, но они мне не то чтобы нравятся. Между нами нет почти ничего общего. Они любят выпить пивка, посмотреть гонки «НАСКАР», посплетничать о том, о сем, ну и поругаться на ровном месте с теми, кто гораздо старше и, соответственно, опытнее их.

Вздыхаю и продолжаю:

— Ни отец, ни мать даже школу не закончили и частенько посмеивались надо мной, когда я корпела над домашними заданиями. Братец мой точно такой же, если не считать того, что он занялся выращиванием марихуаны. Странно, но родители его в этом поддерживали. Веришь ли, он живет у них в подвале, выращивает травку и смотрит фильмы с Уиллом Феррелом. Никто из них не понимает, как можно хотеть учиться дольше, чем требуется, или зачем вообще кто-то читает книжки. Не могу рядом с ними находиться. Не могу и не буду. Как только у меня появилась возможность оттуда свалить, я так и сделала, и теперь возвращаюсь туда, только когда без этого никак.

Так, ладненько, я не собиралась выкладывать ему всю эту ерунду, но слова вроде как сами срывались с языка. К нашему столику приближается официантка, и до нас доходит, что мы даже не обдумали заказ. Джетт просит ее дать нам еще минутку. Кажется, он собирался заговорить, но вместо этого спрашивает, чего мне хочется. Состояние тревожного ожидания меня убивает.

— Э-э, все равно. Того же, что и ты.

— Большая пицца с беконом нормально звучит?

— Да, вполне.

Джетт поглощен изучением меню. Он избегает разговоров о том, что его беспокоит, что бы это ни было, а значит, это что-то плохое. Не понимаю, что общего со всем этим имеют мои проблемы с родителями, но готова это выяснить.

Официантка возвращается, и Джетт заказывает пиццу, а я добавляю к заказу салат. Мне надо съесть что-то, хотя бы отдаленно напоминающее здоровую пищу. Когда официантка снова уходит, я кладу руки на стол и отпиваю содовой.

Джетт рассматривает стол, потом закрывает глаза, а когда снова открывает — поднимает взгляд на меня.

— Родители растили меня в строгости. Ну, по-настоящему жестко. Мое детство совершенно отличалось от твоего. Хотя папа с мамой и приехали в эту страну, и им здесь нравится, но они почти не сомневаются, что все американское — зло. Все, начиная с

телевизионных шоу и заканчивая одеждой. В попытке помешать нам попасть под «влияние» они даже решили, что сами будут учить нас с сестрой. Я понимал, что они пытались привить нам традиционные ценности, просто делали это совершенно неправильно, подавляя своим контролем. Мне частенько снились кошмары, что если я посмотрю американский фильм, мой мозг сгниет и потечет из ушей.

Джетта передергивает, и я действительно не знаю, что сказать. Его рассказ совершенно отличается от того, что я ожидала услышать, и теперь мне надо все это переварить.

— Вот так я и прожил большую часть своей жизни. Но потом мне исполнилось шестнадцать, и я получил водительские права. Я все еще учился дома, но мне позволили выезжать в магазин за продуктами и посылали с другими поручениями. Они составляли для меня график, знали, куда я собираюсь и сколько это может занять времени, так что в действительности у меня не было возможности куда-нибудь выбраться. Но я начинал осознавать, что больше не хочу так жить. Родители называли это «подростковым бунтом», «истериками» и твердили, что я «позорю семью», но мне всего лишь хотелось ходить в кино и делать то, что делают все остальные. Я люблю свою культуру, но не понимаю, почему не могу быть и японцем, и американцем одновременно. Ладно, опустим лишние подробности. Однажды вечером я сидел у окна, хотя родители давным-давно велели мне отправляться спать, а неподалеку была вечеринка. Родители соседского парня уехали, и он воспользовался их отсутствием. И вот я сидел там, слушал музыку, которую мне запрещали слушать, смех и крики веселящихся людей, а потом тихонько спустился вниз и вышел из дома прямо через парадную дверь. В ту ночь я встретил Хави. Это была его вечеринка.

Да, в это я могу поверить.

— А дальше я начал еще сильнее бунтовать, слушать музыку «Something Corporate» и других групп, смотреть запрещенные фильмы, а потом все только ухудшилось. Я наделал массу ошибок. Ничего незаконного, ну или, по крайней мере, ничего такого, на чем бы меня поймали. Но я вылетел из школы. Это одна из причин, почему я сношу все выходки Хави. Он всегда помогал мне выпутываться из всяких передраг. Ну а когда мои родители узнали обо всем, что я натворил, они выгнали меня из дома. Сказали, что я плохо влияю на сестру и покрыл позором их имя. Поэтому я снял квартиру вместе с Хави.

Твою. Налево. Мои родители, конечно, говорили мне всякие ужасные вещи, но я даже представить не могла, чтобы отец или мать заявили нечто подобное своему ребенку. Тем более Джетту.

— Короче, я собрался с мыслями, сдал экзамены и получил аттестат, а потом приехал сюда, так что вот. Боже, их обоих, наверное, удар бы хватил, если бы они узнали, что я обо всем этом тебе рассказываю, но я не видел родителей и сестры четыре года. Ни телефонных звонков, ни открыток, ни встреч. Они сказали, что мне больше никогда не будут рады в их доме, и это еще до того, как я набил татуировки. Я несколько раз проезжал мимо — на каникулы я приезжаю в наш городок и живу у Хави, — но у меня духу не хватает постучать в дверь собственного дома. Мне просто... Мне хотелось бы увидеться с сестрой. Не желаю, чтобы она думала, что я ее забыл.

Официантка выбирает именно этот момент, чтобы принести нам заказ. Я не могу отвести взгляд от пиццы, словно она сможет дать мне ответы, в которых я так нуждаюсь. Может, в этой ситуации вообще лучше помолчать. Джетт ждет.

— Это совсем не то, о чем я думала. Не знаю, что сказать. Мне казалось, что мое детство было ужасным, но я, по крайней мере, могу поехать домой и увидеться с

родителями. Я сбежала от них, но вовсе не так, как ты. Мне так жаль, и я думаю, что ты очень-очень храбрый, учитывая все, что ты сделал.

Тянусь через стол, стараясь не обжечься о противень с пиццей, и беру его за руки. Ну какого лешего между нами этот дурацкий стол?

— Не такой уж я и храбрый. Я бунтовал против родителей. Мало кто назвал бы это храбрым поступком.

Боже, какая чушь. Встаю и пересаживаюсь к Джетту на диванчик, а потом обнимаю его одной рукой и целую в щеку.

— Ты потрясающий, Джетт Нгуен. Никогда в себе не сомневайся.

Он обнимает меня, прижимает к себе как можно крепче и дарит ответный поцелуй в макушку.

— Я так рад, что мы встретились, Шеннон Трэверс. Говорят, на все есть свои причины, однако я всегда считал это ерундой, потому что сплошь и рядом происходят ужасные вещи, которые не имеют никакого смысла. Но у меня такое чувство, что мне суждено было встретить тебя в том кафе.

Я чувствую то же самое.

— Спасибо, что поделился со мной своей историей. Ты не обязан был, но мне приятно, что ты это сделал, и не переживай, что я кому-то проболтаюсь. Я буду свято хранить твою тайну.

— Да мне даже в голову не приходило, что ты кому-нибудь расскажешь. Я тебе доверяю, принцесса.

Джетт наконец-то улыбается, и мое сердце снова начинает трепетать.

Чем больше я узнаю о Джетте и чем больше времени с ним провожу, тем страшнее мне представлять, какой станет моя жизнь, когда все это закончится.

— Мы сможем остаться друзьями? После всего? Я имею в виду, после того как пройдет достаточно времени, пока я буду горевать о твоей потере и проклиная твое существование?

Еще предполагались разрывание на мелкие клочки его рисунков и пожелание ему заразиться остроконечными кондиломами¹⁰. Ну, по крайней мере так делали в фильмах.

— У нас есть еще немного времени. Давай пока не ставить на нас крест.

Он откидывает волосы с моего плеча.

— Меньше двух недель. Не так уж и долго.

Похоже, Джетт не расположен сейчас это обсуждать. Он продолжает ласкать мои волосы, но я больше не чувствую той близости, которая установилась между нами несколько минут назад, когда он рассказывал мне о своих родителях. Может, физически он и рядом, но эмоционально закрылся. Теперь моя очередь вздохнуть. Встаю и возвращаюсь на свой диванчик. Мы молча начинаем есть.

В следующий раз мы нарушаем тишину, лишь чтобы поспорить о том, кто будет оплачивать счет, и я позволяю ему победить.

Глава 14

— Ты должна надеть это сегодня вечером для Джетта, — заявляет Хейзл.

Мы только что вернулись домой после шоппинга с девчонками, где я прикупила кружевную маечку мятного цвета и шорты в тон. Все лучше, чем безумный кожаный прикид, в который они пытались меня засунуть. Бр-р-р!

— Может, и надену, а может, и надену, — подмигиваю я ей.

— Ты должна рассказать мне, как ему это нравится. Я хочу деталей. Ты зажимаешь все подробности своей сексуальной жизни, а значит, либо вы занимаетесь какими-то извращениями, и ты не хочешь об этом рассказывать, либо все не так уж и прекрасно.

А может, я просто не хочу делиться такими личными вещами? Почему не рассматривается такой вариант?

— Ни то, ни другое. Возможно, мне просто кажется, что не стоит делиться чем-то настолько интимным и что это касается только нас двоих.

Хейзл подозрительно прищуривается.

— То есть все плохо. Он слишком маленький? Или слишком быстро кончает? А может, у него инструмент кривоватый?

Понятия не имею, как ответить хоть на один из поставленных вопросов. Кроме разве что первого. После того как его, м-м, орган, неоднократно прижимался к моей ноге, я поняла, что он не маленький. У меня не так уж и много опыта в измерении пенисов, но я точно знаю, что он не маленький. Вообще-то ощущение, что он до ужаса большой. Я даже рада, что мне не надо уместать его внутри себя. Благослови господь счастливицу, которая его заполучит.

Это звучит так странно.

А еще у меня почти нет сомнений в отсутствии кривоватости. Думаю, подобные нюансы я бы тоже уловила.

— В его инструменте и исполнении нет никаких изъянов. У него все в порядке. У нас все в порядке. Я вполне удовлетворена.

Собственно, учитывая, сколько времени я провожу с Джеттом, и как он меня... назовем это за неимением лучшего термина «заводит», мне вроде как приходится сдерживать свои желания.

Я по возможности урываю для себя время, когда принимаю душ, но мой бедный вибратор в последнее время совершенно заброшен. Я запрятала его как можно глубже под кровать, так что если только Джетт не нырнет туда и не станет специально его искать, то никогда не найдет. А не то состоялась бы миленькая неловкая беседа, которую мне совсем не хотелось бы вести.

— Как скажешь, — нараспев отвечает Хейзл.

Ну и пожалуйста. Моя липовая сексуальная жизнь не ее ума дело.

— А как насчет тебя? Никого пока не нашла для перепихона?

Скрещиваю пальцы в надежде, что она не скажет «Хавьера».

Закатив глаза, она направляется к кофеварке.

— Теперь, когда у тебя есть секс, ты можешь понять, как хреново, когда его нет. Клянусь, если я в ближайшее время с кем-нибудь не трахнусь, то слечу с катушек и кого-нибудь прибью.

Хейзл вставляет новый фильтр и наливает воду.

— Детка, ничем не могу помочь. Не думаю, что обязанности соседки и подруги заходят так далеко.

Она посылает мне сердитый взгляд.

— Я бы никогда тебя об этом не попросила. Я в такие игры не играю.

Как и я.

— Позаботься о себе сама.

Лично мне так и следует поступить. Вернее, так я обычно делала до того, как у меня появился бойфренд...

— Это не то же самое. Мне нужен парень. Мне требуется визуальная симуляция.

Ну, она могла бы в любой момент посмотреть порно, но я знаю, что предложи я ей это, она просто найдет еще какое-нибудь оправдание.

— Тогда почему бы тебе не пойти куда-нибудь и не сделать что-нибудь по этому поводу, если для тебя это такая проблема?

Меня немного утомило ее нытье. Но в то же время мне не хочется наблюдать за парадом лузеров, снующих туда-сюда по нашей квартире. Самая натуральная дилемма.

— Возможно, я так и сделаю.

Звучит одновременно как угроза и как вызов. Здорово. Игнорирую ее реплику и бормочу что-то о домашке — совершенно не хочется продолжать этот разговор. Мне и правда надо позаниматься, так что ухожу к себе в комнату, включаю музыку и сажусь писать курсовую. Хейзл приносит мне кофе с мускатным орехом и корицей, и я ей за это благодарна.

Время до момента, когда я снова увижу Джетта, движется слишком медленно, и когда я заканчиваю курсовую, у меня в запасе еще целый час. Можно было бы начать делать что-нибудь другое, но мне очень хочется выбраться из квартиры.

Меня осеняет одна идея, так что я хватаю ключи, сажусь в машину и еду в торговый центр. По соседству с ним расположено несколько магазинчиков, которые обслуживают исключительно студентов, в том числе музыкальный-магазин-дробь-кофейня, в котором после обеда и по вечерам периодически устраивают живые шоу. Черт, добавьте к этому пиво — и это привлечет претенциозных хипстеров из колледжа быстрее, чем вы успеете сказать: «Я любил его еще до того, как это стало мейнстримом». Обычно я избегаю это местечко, но там продается кое-что, нужное мне, поэтому я бросаю вызов толпе народу с телефонами за пятьсот баксов, разглагольствующим с важным видом о нехватке воды в странах третьего мира, и, пригнув голову, направляюсь к отделу компакт-дисков.

В том, чтобы подарить кому-то подарочную карту айтюнс нет ничего романтического, так что я просматриваю диски, пока не нахожу то, что хотела. Выскакиваю из магазина как можно быстрее и еду в колледж. На то, чтобы найти место на парковке, уходит целая вечность, а мне же еще надо упаковать подарок. Из того, что есть в машине, подходят только пакет из-под пончиков и счет за мобильный телефон. Останавливаю свой выбор на первом и иду в кафе, что в библиотеке, чтобы взять нам кофе и выпечку. У них есть канноли¹¹. ДЖЕКПОТ! Покупаю шесть штук, потому что сама точно захочу не меньше трех, а если съем три, то будет только справедливым взять столько же для Джетта. А возможно, я съем четыре, а Джетту достанутся две.

Ну ладно, одну трубочку я съедаю через две секунды после покупки, так что их остается только пять. Поэтому приходится съесть еще одну, чтобы осталось четное количество. Блин, пора ехать к Джетту.

— У тебя что-то на лице, — говорит Джетт, прежде чем я успеваю вставить хоть слово.

Черт! Застукана с размазанной по лицу начинкой канноли. Пытаюсь вытереться, но Джетт качает головой.

— Кое-что пропустила. Вот здесь.

Он подходит ближе и стирает крем пальцем (бли-и-ин, не могу удержаться, чтобы не посчитать это сексуальным), а потом вдруг высовывает язык и использует его вместо пальцев. Я непроизвольно ахаю, в то время как Джетт улыбается, видя мое возмущение,

дарит мне быстрый поцелуй и произносит:

— Надеюсь, это была глазурь или что-то вроде того.

— Ну, тебе стоило бы спросить об этом, прежде чем облизывать мое лицо, идиот, — заявляю я, задыхаясь.

— Возможно. Может, нам надо добавить это к списку? Не лизать лицо Липовой Девушки, не спросив прежде, чем именно оно измазано?

— По-моему, хорошая мысль. Привет.

Приподнимаюсь на цыпочки, чтобы снова его поцеловать. Не могу удержаться.

— Привет, — отвечает Джетт, обхватив мое лицо ладонями и нежно поглаживая щеки большими пальцами.

Черт, как же я рада его видеть. И судя по всему, это взаимно.

— А я тебе что-то принесла, — сообщаю я, помахав пакетом из-под пончиков с завернутым в него диском.

В другой руке у меня кулек с канноли и все остальное. Приходится пристроить стаканы с кофе на рядом стоящий столик.

— Не стоило этого делать, — замечает Джетт, отпуская мое лицо и отступая назад, так что теперь я могу сунуть ему сверток.

Сажусь и достаю еще одну канноли.

Джетт вытаскивает диск и поворачивает его, чтобы посмотреть на обложку. Это «Ухожу через окно» группы «Something Corporate». Я заметила, как ему нравятся эти ребята, когда мы слушали радио, а потом он снова упомянул о них, когда рассказывал о своей семье.

— Я решила, что ты должен иметь возможность слушать свободу. Даже если свобода иногда звучит немного по-эмовски.

Джетт не отрывает взгляда от диска, и я никак не могу прочитать, что написано у него на лице. Ой-ой.

— Спасибо, — тихо говорит он.

Начинаю есть свою канноли, давая ему время справиться с эмоциями.

— Пожалуйста, — отвечаю я с полным ртом, хватая салфетку. — Мелочь, конечно, но я просто подумала, что он должен у тебя быть, даже если у тебя уже есть один.

— Это... действительно нечто особенное, Шеннон. Просто супер!

Он поднимает взгляд от диска и дарит мне такую душераздирающую улыбку, что я чуть не плачу.

— Тебе правда нравится?

— Правда. Жалко, что у меня в машине нет CD-плеера.

Точно. Я и забыла, что в этой хреновине, которую он зовет машиной, нет ничего подобного. Там даже кассетного магнитофона нет, вот такая она зашибенная.

— Тебе в самом деле нужна новая тачка, и не только для того, чтобы слушать именно этот диск, — заявляю я, приканчивая канноли.

Джетт кладет диск и начинает пить кофе.

— Я не могу себе это позволить. Когда родители выгнали меня, они оборвали все связи. Если бы я не получил стипендию и Хави и его семья мне не помогали, я бы жил в коробке на улице.

Боже, даже представить не могу. Он слишком молод, чтобы иметь дело с подобным дерьмом. Да, у меня схожая ситуация, но по крайней мере, если бы я попала в настоящую переделку, родители бы мне помогли. Брат дал бы мне своих марихуанистых денег, мама

предложила бы устроить меня на работу в любой фаст-фуд или ресторан, где она на тот момент работала бы, а отец попенял бы, мол, вот что я получаю за то, что пошла в колледж, вместо того чтобы сразу после школы устроиться на работу, после чего начал бы запихивать долларовые купюры мне в сумочку или в карманы джинсов.

— Не пришлось бы тебе жить в коробке на улице. Я бы этого не допустила. Ты мог бы переехать ко мне.

Как только у меня вырываются эти слова, я вдруг понимаю, что это правда. Он и так практически живет со мной вместе, так что в этом не было бы ничего особенного. Разве что Джетту не хватило бы места для его барахла. Вот тут могла бы возникнуть проблема.

— Ну, нам не придется об этом задумываться, если только с Хави не случится какая-нибудь беда.

Он улыбается, но, как по мне, не очень искренне.

— Короче, мне кажется, мы должны поссориться сегодня вечером, — говорит он, после того как я протягиваю ему канноли.

Ну вот, этого я и боялась. По какой-то причине Хавьер решил, что все мы должны собраться в их с Джеттом квартире за большим восхитительным несемейным ужином.

Я считаю, что это просто оправдание, чтобы учинить мне допрос в присутствии Джетта. А может, приударить за Хейзл. А может, заполучить человека, который накормит его домашней едой, поскольку я «вызвалась» готовить. Мне вроде как пришлось это сделать, поскольку они принимают нас у себя дома, так что я чувствую себя обязанной. Эх!

Будут только я, Джетт, Хавьер и Хейзл, но я непреклонно заявила, что это НЕ двойное свидание, и Хейзл со мной согласилась. Она не ходит на свидания. Ну то есть вообще. Хейз считает, что свидание — это серьезно, мол, оно нужно, чтобы узнать будущего суженого, а она даже близко не готова это сделать, так что прямо сейчас просто «развлекается и наслаждается молодостью». Я ее не осуждаю.

Я решила сделать лимонно-чесночные тортеллини с цыпленком, салат «Цезарь» и торт на десерт. Лучше бы Хавьеру понравилось, потому что ничего лучше он не получит. А еще Джетт согласился помочь, хотя и сказал, что никогда в жизни не готовил тортеллини. По крайней мере, он хочет попробовать.

— Наверное, это хорошая мысль, — говорю я, хотя сердце разрывается от отчаяния. — К тому времени, как мы закончим орать «Прекрасно!», об этом станет известно всем моим подругам. Уж в чем можно положиться на Хейзл, так это в посвящении всех остальных в любовную драму, чтобы подруги смогли обсудить, что делать по этому поводу, как вмешаться и каким-нибудь образом улучшить ситуацию, в то же время ухудшая ее. Она действует из лучших побуждений. Я так думаю.

— И из-за чего мы поругаемся? — спрашивает Джетт.

Ну ладно. Несмотря на мое нежелание ссориться, я на самом деле написала список тем, о которых мы можем затеять ссору, и принесла его с собой. Я работала над ним на переменах или когда мне становилось безумно скучно во время занятий.

— Ты составила список?

— Ну, мы же написали список, когда все это начинали. Вот я и подумала, что закончить мы тоже должны списком. Хорошо, пункт первый: тебе не нравится моя прическа.

Да, знаю, отстойный вариант.

— Но мне нравится твоя прическа.

— Пункт второй: у нас разногласия по поводу того, что место женщины на кухне.

Джетт поднимает руки вверх, словно я приставила к его голове пистолет.

— Ого. Этой темы я касаться не буду. Мне ни за что не подобрать правильных слов.

— Пункт третий: ты считаешь меня толстой.

Это пункт вызывает у Джетта дикий хохот. Не понимаю, что в этом такого смешного. Сердито гляжу на него поверх списка.

— И это весело, потому что?..

— Потому что я никогда в жизни не назову тебя или любую девушку толстой. Даже если она такой будет. Это первое правило взаимоотношений с любой женщиной. Кроме того так поступают одни уроды. Так что нет. Что там следующее?

Беру еще одну канноли. Кто же знал, что мы начнем ссориться о том, из-за чего нам поссориться?

— Пункт четвертый: тебе не нравится, что я разговариваю во сне.

— Но ты не разговариваешь во сне.

— Я в курсе, но ведь могла бы. А у тебя с этим могли бы возникнуть проблемы. Затем я могу распахнуться, а потом это может оказаться одной из тех вещей, которые начинаются с пустяка, после чего одно цепляется за другое, и мы уже просто выкрикиваем все, что в голову взбредет — и бум! Ссора.

По моему опыту, конфликты почти всегда начинаются с какой-нибудь мелочи, но эта мелочь на самом деле всего лишь симптом каких-то более серьезных проблем, о которых мы просто не хотим говорить.

— Ладно, думаю, с этим я могу согласиться. Что у тебя там еще?

Протягиваю ему список, и какое-то время мы ухахатываемся над ним, одновременно приканчивая канноли, а потом остальную вкуснятину, что я прикупила.

— У тебя слишком много свободного времени, Шен, — замечает Джетт, возвращая мне список.

— Ну не могу же я проводить все свободное время, покоряя интернет и создавая шедевры из бумаги.

Бросаю в него скомканную в шарик салфетку, и он быстро наклоняется.

— О, я вот еще о чем подумал. Если мы поссоримся, то тебе не придется оставаться на ночь.

Черт, это мне как-то в голову не приходило. Не могу я спать одна! Не то чтобы я не провела почти двадцать один год жизни, засыпая и просыпаясь в одиночестве, но я же не знала, что теряю.

— Или же у меня, возможно, получится дождаться, пока Хави заснет, и потихоньку выскользнуть из дома, а потом уйти утром, прежде чем проснется Хейзл.

Благослови его боже!

— О! ИЛИ ты можешь прийти ко мне, и ночью мы помиримся. Если ты понимаешь, с чем я.

Уверена, он понимает.

— Да. То, что нужно. Ладно, значит, договорились. Слушай, мне надо обратно на работу, так что увидимся через два часа. Тебе точно ничего не надо привезти?

— Нет-нет. У меня все есть. Хейзл собирается отправиться со мной по магазинам, а потом мы приедем. Повеселимся, — говорю я, показывая оба больших пальца.

— Точно, — соглашается Джетт, поднимаясь и целуя меня. — Спасибо за канноли, принцесса.

Нарушитель правил. Целую его в ответ и прощаюсь.

Не представляю, как переживу эту Липовую Ссору, но, по крайней мере, могу предвкушать, как Джетт придет после этого, чтобы «помириться». Это единственная нормальная часть предстоящего кошмара. Кроме того, это поможет мне подготовиться к нашему настоящему разрыву. Вот только тогда у меня не получится заползти той же ночью в кровать вместе с Джеттом.

Ладно, не буду об этом думать.

Глава 15

— Я все правильно делаю?

Отодвигаюсь от кастрюли с кипящей водой, куда как раз собиралась бросать тортеллини. Джетт натирает сыр для салата и выглядит так, словно никогда в жизни терки не видел. Бедный мальчик.

— Ты такой дилетант, — заявляет Хавьер. Сам он в это время крошит чеснок и работает, как профессионал.

Он меня ужасно порадовал, когда согласился на это, потому что я резать чеснок НЕНАВИЖУ. Запах вечно впитывается в кожу и потом не выветривается несколько дней. Отвратительно.

— Нет, неправильно, — говорю я, оставляя воду для пасты и направляясь спасти Джетта. — Марта Стюарт сто процентов отвела бы тебя за садовый сарай и отшлепала меццалуной.

Забираю у моего Липового Парня сыр и переворачиваю, чтобы показать, как правильно его тереть.

— Что еще, к черту, за меццалуна?

— Это такой изогнутый нож, которым можно нарезать всякие вещи. В форме полумесяца. Меццалуна по-итальянски значит «полумесяц», — отвечает Хавьер, прежде чем я успеваю вставить хоть слово.

Какого фига?

— А что? Время от времени я посматриваю кулинарные шоу.

Я В ШОКЕ. Никогда не видела, чтобы он что-нибудь готовил.

— Хавьер — парень многих талантов, — заявляет Джетт, разглядывая терку с таким видом, словно она собирается его укусить. Ну, «уничтожительницей костяшек» просто так не назовут.

Качаю головой и возвращаюсь к пасте. Хейзл выбежала за пармезаном — я о нем напрочь забыла.

Стук в дверь возвещает о ее возвращении. Она входит и протягивает сыр на вытянутых руках, как Рафики Симбу в «Короле Льве». Мы хлопаем и склоняемся перед ее величием.

— Спасибо, Хейз, — говорю я, забирая упаковку сыра и кладя ее на стойку вместе с остальными продуктами.

— Помощь нужна?

Хейзл подходит ко мне сзади, кладет подбородок на плечо и заглядывает в стоящие на печке кастрюли и сковородки, над которыми я колдую. Зуб даю, в последний раз ее чистили в районе Второй мировой войны. Об этом я позже позабочусь. Ну, или кто-то другой, потому что мы с Джеттом собираемся поссориться.

— М-м, не могла бы ты закончить с цыпленком? Просто налей на тот противень немного масла и следи, чтобы не сгорел.

Для Хейзл задание в самый раз. Я раньше думала, что люди, которые не умеют готовить, просто лентяи и хотят, чтобы за них всю работу делали другие, но потом я познакомилась с Хейзл и поняла, что умение готовить — это такой же навык, как любой другой: одни в нем сильны, другие — нет.

Каким-то образом, с моей помощью, Хейзл умудряется не сжечь цыпленка, а паста просто идеальна — лимона и чеснока в ней как раз столько, сколько нужно, но не слишком много. Парни трудятся не покладая рук, и не успеваю я оглянуться, как обед сервирован, и мы садимся за стол, уставленный разномастными тарелками (на некоторых даже пивные логотипы есть).

Посреди ужина Джетт слегка толкает меня ногой под столом, пока Хавьер и Хейзл напропалую флиртуют друг с другом.

— Ты вчера ночью разговаривала во сне, — беззаботно, словно невзначай, говорит Джетт.

— Понятия не имею, о чем ты, — как и договорено, отвечаю я.

— Ты болтала и болтала. Не думала сходить к кому-нибудь по этому поводу? Это вроде как нервирует.

Как по мне, очевидно, что он лжет. Господи, надеюсь, Хавьер не догадается.

— Ну *прости, пожалуйста*, что мои неконтролируемые разговоры во сне тебя беспокоят. Может, тогда не стоит приходить ко мне, если тебе это не нравится?

Пытаюсь вложить в мои слова как можно больше яда и ощущение такое, словно я сама его наглоталась. Хреново.

— Слушай, не надо так психовать, я же просто сказал.

Хейзл с Хавьером молча наблюдают за словесным пинг-понгом между мной и Джеттом. Не уверена, кто из нас побеждает. В данной ситуации ощущение, что никто.

— Да мне пофиг. Я по горло сыта тем, что ты меня вечно критикуешь. Если тебе не нравится, как я сплю, ТОГДА НЕ СПИ СО МНОЙ.

Я вскакиваю, швыряю «салфетку» (на самом деле это просто бумажное полотенце) и бросаюсь за сумочкой.

— Извините, я сейчас не в состоянии это выслушивать, — говорю я надтреснутым от эмоций голосом, и мне даже не приходится притворяться.

Слезы, стоящие в глазах, тоже очень настоящие. Не могу даже смотреть на Джетта, пока хватаю пальто и хлопаю дверь. Слышу, как следом выбегает Хейзл, пытаюсь меня догнать. Подбегаю к машине и всхлипываю.

БОЖЕ, это оказалось сложнее, чем я думала, а ведь все было не всерьез. Ссориться с Липовым Парнем просто ужасно, доложу я вам. Даже когда ссора липовая. Ощущения у меня вполне настоящие. Очень настоящие. Настолько настоящие, что перехватывает дыхание и слезы наворачиваются.

— Какого хрена, Шен? Что это было? У тебя что, биполярное расстройство, а я этого никогда не замечала? Или у тебя самый сильный случай ПМС в истории?

Если бы.

— Я просто сейчас не в состоянии его терпеть. Он вел себя как придурок, и я не собираюсь с этим мириться.

Открываю дверь и швыряю сумочку на сидение. Пора включить свои артистические

способности на всю катушку. Одно дело липово поссориться. И совсем другое — заставить лучшую подругу и соседку по комнате поверить в это, при том что она тебя прекрасно знает.

— Ну, думаю, мне надо быть с тобой откровенной и сказать, что ты вела себя с ним как засранка. Парень просто пошутил, а ты все неправильно восприняла. Кстати, а он-то почему за тобой не бежит?

Хейзл оглядывается назад, косясь на окна и двери Джетта.

— Пофиг! Ты со мной или нет? Я просто хочу домой. — Бренчу ключами.

— Да, конечно. Можем ехать. Я просто, м-м, хочу прихватить кое-что из еды, если ты не против.

Ну да, бросить тут всю эту пасту и салат и правда как-то отстойно. И торт. Господи боже, торт.

— Торт захвати, — бурчу я. — Он мне понадобится.

Час спустя мы с Хейзл, вооружившись вилками, нацеливаемся на торт-эклер. Звучит гораздо претенциознее, чем есть на самом деле. По существу это просто выложенное слоями галетное печенье с начинкой из ванильного пудинга, залитое сверху огромным количеством шоколадной глазури. Очень вкусно и просто идеально, когда ты в депрессии по поводу Липовой Ссоры с Липовым Парнем.

— Я думала у вас, ребята, все так хорошо идет. Ты казалась счастливой. Просто не понимаю.

Вонзаю вилку в торт и отправляю кусочек в рот. Я очень хочу его съесть, но еще больше хочу, чтобы Хейзл перестала болтать. Мне не хочется об этом разговаривать, так что я ей так и говорю.

— Ладно, хорошо. Не говорим об этом.

Она опускает вилку и включает телевизор. Хорошо. Это меня отвлечет.

Или нет. Первый же канал, который включает Хейзл, транслирует «Дрянных девчонок». Ну и каковы, черт бы их побрал, шансы на это?

— Переключи, — выкрикиваю я, и Хейзл, бросив на меня удивленный взгляд, делает, как я прошу.

Пропустив все новостные и спортивные каналы (у меня не то настроение), она доходит до канала, который крутит старые телесериалы. Идет «Предоставьте это Биверу». Хейзл останавливается, и мне даже не приходится ничего ей говорить. Может, мы и очень разные, но странное увлечение сериалами вроде этого у нас общее. Мамочки с идеальными прическами, пылесосащие на каблуках, идеальные дети, еда, едва уловимое женоненавистничество. О, старые добрые времена.

— По-моему, ее прическа даже торнадо выдержит, — замечает Хейзл, пока миссис Кливер сервирует еще один идеальный ужин.

— Знаешь, мне всегда было интересно, не крутили ли Эдди Хаскелл и миссис Кливер тайный роман. Он всегда отвечивал ей комплименты, а она вроде как флиртвала с ним. Но с другой стороны, в пятидесятых секса не было, так что этого никогда бы не случилось.

— Это сделало бы сериал гораздо интереснее. Спорим, про них писали фанфики?

— Согласна.

Мы приговариваем половину торта, пока Бив в очередной раз пытается выпутаться из неприятной ситуации. Серия заканчивается, и все хорошо. Просто супер. Есть что-то успокаивающее в подобных сериалах. Ты точно знаешь, что должно произойти, и к концу дня все оказывается хорошо.

— Я хочу фартук, — заявляю я, когда начинается следующая серия.

— Подарю тебе его на день рождения.

Ставлю блюдо с тортом на стол. Я наелась, но все еще дерьмово себя чувствую. А предполагалось, что торт все исправит.

— Ты по-прежнему не хочешь об этом говорить? — спрашивает Хейзл.

— Не-а.

Она пожимает плечами и поворачивается к телевизору.

Хейзл рано уходит спать, чему я очень рада. Я остаюсь в гостиной, бездумно переключая каналы и жду Джетта. Каждые пару минут проверяю телефон, ожидая сообщение. Наверное, я могла бы написать ему первой, но мне страшно.

Мне страшно, что он использует стоп-слово. Ни за что не поверю, что для Джетта все это того стоит. С таким же успехом он может покончить со всем прямо сейчас.

Наконец около одиннадцати приходит сообщение.

«На горизонте все чисто?»

Подкрадываюсь к комнате Хейзл и прикладываю ухо к двери. До меня доносится ее тихое глубокое дыхание, но я слушаю пару минут, просто чтобы убедиться наверняка. Ага, она в отключке.

«Приходи».

Иду на кухню и завариваю два чая, один — в кружке-медведе для него. А еще переодеваюсь в мятно-зеленый комплект, правда сверху надеваю халат, который купила в том же магазине, чтобы не ходить по кухне разряженной в кружева. Это было бы немного странно. И холодно.

«Я тут».

Торопливо иду к двери и очень медленно ее открываю. Сердце колотится как ненормальное при виде Джетта в толстовке и шортах.

— Привет, — шепчу я, прислонившись к двери.

— Привет, — отвечает он, засунув руки в карман толстовки. — Можно мне войти? Тут вроде как холодно.

— О, да.

Отступаю, чтобы дать ему пройти, и как можно тише закрываю за ним дверь.

— По-моему, Хейзл спит, но, наверное, нам лучше пойти в мою комнату.

Хватаю чашки с чаем и на цыпочках иду к себе. Вход в спальню Хейзл из гостиной, а в мою — из кухни, так что они достаточно далеко друг от друга, чтобы Хейз нас не услышала. Слава богу.

Закрываю дверь, и Джетт садится на кровать. Протягиваю ему кружку-медведя и сажусь рядом, подтянув колени к подбородку и примостив на них свою чашку.

Джетт начинает первым.

— Хреново это все, Шен.

— Абсолютно. Что было после моего ухода?

Он отхлебывает чаю, прежде чем ответить.

— Хави хотел, чтобы я отправился за тобой, и мне пришлось делать вид, что я не хочу. Потом он назвал меня козлом, ушел и так не вернулся. А потом я приехал сюда. Я очень-очень сожалею о том, что тебе сказал. Знаю, что это неправда, но все равно сожалею.

Толкаю своим плечом его.

— Все в порядке. Я же в курсе, что ты это не всерьез, и я не настолько обидчива.

Господи, ну я и врушка.

— Хорошо. Так мы можем уже помириться? Медведю в самом деле хочется это узнать.

Джетт приподнимает кружку, и я смеюсь.

— Да, конечно. Да, мы помирились.

Ставлю чашку на комод и забираю у него медведя.

— Здорово, — говорит Джетт и привлекает меня к себе для нежного поцелуя.

Ну, по крайней мере, вначале он предполагался нежным. Но потом я открываю рот, и каким-то образом в поцелуе начинают участвовать наши языки, и прежде чем я успеваю что-либо осознать, халат спадает с моих плеч, губы распухают и пульсируют, а мои голова и рот полны Джеттом.

Он отрывается от меня и отодвигается, чтобы рассмотреть мой наряд. Теперь он сидит на краю кровати, а я стою у него между ног.

— Что это на тебе?

До этого дня все мои пижамы были достаточно целомудренными. Сейчас он видит больше моего оголенного тела, чем когда-либо.

— Это я сегодня купила. Тебе... тебе нравится?

Руки Джетта опускаются с моих плеч, едва касаясь кожи. Они движутся вниз по бокам, скользя прямо по кружевам, а потом перемещаются мне на живот.

— Да, — отвечает Джетт, сглотнув и не отводя от меня глаз. — Да, нравится.

Его ладони большие и теплые, и они заставляют пульсировать все мое тело. И судя по его шортам, я не единственная здесь взволнована.

— Джетт... — начинаю я, но он меня перебивает.

— Проницательный, — шепчет он.

Глава 16

Джетт убирает руки, встает и пытается меня обойти. Хватаю его за руку, желая остановить, но он смотрит на меня с такой болью во взгляде, что я его отпускаю.

Бросив на меня еще один, последний взгляд, он закрывает дверь моей спальни, и я слышу, как открывается и захлопывается входная дверь.

У меня подкашиваются ноги. К счастью, сзади оказывается кровать, иначе я рухнула бы

на пол.

О. Боже.

На мгновение я подумала, что мы... А потом он...

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Напугав меня до смерти, рядом вдруг вибрирует телефон.

«Мне жаль».

Два слова. Которые ничегошеньки не объясняют. Ни того, что между нами произошло, ни того, почему он ушел. Ни того, зачем он использовал стоп-слово.

Так что в ответ шлю ему короткий вопрос.

«Почему?»

Кладу телефон на кровать и жду.

Жду двадцать минут. Чай уже давно остыл, и кружка-медведь сердито зыркает на меня, так что я разворачиваю ее другой стороной, чтобы медведь перестал меня осуждать.

Жду еще полчаса и понимаю, что он не собирается мне отвечать. Так что выключаю свет и ложусь спать.

В холоде и одиночестве.

— Просыпайся!

Прямо мне в лицо врезается что-то мягкое, и я открываю глаза.

— Ты еще не проснулась? — орет Хейзл.

Господи Боже!

— Теперь проснулась, — стону я.

Почти всю ночь я металась и крутилась в кровати, пытаюсь дотянуться до чего-то непонятного, но так и не сумев это найти. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что к чему.

— Подъем! Мы теряем время.

Что за фигню она несет? Сегодня воскресенье. В воскресенье мы никуда не торопимся.

— Ненормальная, — бурчу я, пытаюсь натянуть на голову одеяло, но Хейзл сдергивает его с меня, прыгает на кровать и вплотную приближает свое лицо к моему.

— Мы собираемся заставить тебя забыть о проблемах с парнем, и начнем прямо сейчас. Вставай же!

Прислушавшись, понимаю, что за дверью есть кто-то еще. Seriously, что, черт побери, происходит?

— Она уже встала? — доносится через дверь крик Кэсс.

— Почти, — орет в ответ Хейзл.

Поверить не могу.

— Давай же, проснись и пой. Ну, по крайней мере, проснись. Петь не обязательно. Можешь вообще не петь, если не хочешь, просто ВСТАВАЙ.

Она снова шмякает меня подушкой по лицу, и моему терпению приходит конец. Выхватываю у нее подушку и наношу ответный удар.

— Вот это моя девочка! — восклицает Хейз, вытягивая меня за руку из постели.

На мне все тот же кружевной комплект. Опустив на него глаза, я невольно вспоминаю прошлую ночь, а я не хочу ее вспоминать. Хейзл сует мне халат, и я надеваю его, постаравшись прикрыть все кружева. Потом она тащит меня в кухню, и неприятные открытия продолжают. В одну руку мне всучивают пенопластовый стаканчик с кофе, в другую — пончик.

Вся банда в сборе, и все такие бодрые, что аж зубы сводит, но на лицах у всех написано беспокойство. Господи, ощущение, будто кто-то умер.

— Не тормози, — приказывает Хейзл, хлопая в ладоши прямо у меня над ухом.

УБИЛА БЫ! Но вместо этого прихлебываю кофе и чавкаю пончиком.

Либо они хором решили собраться и развеселить меня, кто как может, либо Хейзл им позвонила и тайно все это спланировала. Когда она успела — понятия не имею. Может, прошлой ночью, пока я думала, что она спит, Хейз строчила SMS?

Заканчиваю завтрак под бдительными взорами подруг. Меня не покидает легкое ощущение, словно я в зоопарке. Мне просто хочется, чтобы они вели себя как обычно, но, похоже, я слишком многого прошу.

— Ладно, скажите уже кто-нибудь что-нибудь, или я отправляюсь обратно в кровать, — говорю я, резко поставив чашку на стойку.

— Мы решили, что тебя не помешает немного подбодрить, раз уж ты впервые поссорилась с парнем, — наконец поясняет Кэсс. Остальные кивают как китайские болванчики.

— Девчонки, мы просто поссорились.

Ну по крайней мере именно так все и было, прежде чем произнеслось стоп-слово. Понятия не имею, как все будет теперь. В смысле, это что, КОНЕЦ? Совсем?

Мне надо *поговорить* с Джеттом. Не думаю, что SMS чем-то помогут. Надо сделать это с глазу на глаз. Но, наверное, придется отложить встречу, пока эти сучки не продемонстрируют мне весь набор запланированных развлечений.

— Ох, милая, — вздыхает Джордин, еще сильнее, чем обычно, растягивая слова. Похоже, эта особенность проявляется, когда наша южанка кого-то утешает.

Она стискивает меня в объятиях. Надо отдать Джордин должное, обниматься она мастерица. Должно быть, это у южанок в крови, как и успокаивающий голос.

Обнимаю ее в ответ, но расклеиваться не собираюсь. Уж точно не до тех пор, пока не узнаю все наверняка.

Видимо, для того, чтобы избавиться от сердечной боли, нужно пойти в косметический салон и пропитаться химикатами по самую макушку, пока тебе делают маникюр, потом сходить в кино с максимально возможным количеством парней с обнаженной грудью в минуту, а потом во время ланча нажраться от пуза. Не то чтобы мне не нравилось всем этим заниматься, но когда эти развлечения мешают мне увидеться с Джеттом, они меня возмущают. Совсем немножко.

Я пытаюсь веселиться, но выходит как-то не очень. Девчонки стараются как могут, заставляя меня смеяться и подыскивая новых парней, чтобы помочь мне «его забыть».

— Самый быстрый способ кого-то забыть — заменить его кем-то другим. Особенно учитывая то, что он был твоим первым. Ну знаешь. Если все не наладится, — заявляет Дейзи.

— Да мы просто поссорились, — повторяю я.

Девчонки переглядываются с грустными лицами, словно я брежу.

— Ну, ты начала с ним встречаться при не самых лучших обстоятельствах, — замечает Кэсс.

Ага, и чья это вина? Окидываю подруг сердитым взглядом, и у них хватает совести виновато потупиться.

— Мы... — начинает Хейзл, обводит рукой всю честную компанию и вздыхает. — Мы тут разговаривали. Много. И чувствуем себя последними засранками. То, как мы забрали твои ключи и заставили познакомиться с Джеттом... Это было неправильно, и нам очень жаль. Всем нам. Ты так расстроилась, когда с ним поссорилась, и мы чувствуем свою ответственность.

Девчонки кивают в унисон.

Складываю руки на груди. Эти слова следовало сказать давным-давно. А сейчас вроде как слегка поздновато. И теперь, когда они извиняются, я понимаю, как сильно меня все это напрягало в последнее время, и как старательно я закрывала на это глаза, пытаюсь не раздувать конфликт. Вот что происходит, когда позволяешь проблеме усугубляться слишком долго.

И тут меня прорывает.

— О, так теперь вам жаль? Спасибо, на хрен, большое. Какое счастье, что вам жаль ТЕПЕРЬ, когда ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ. В первую очередь, этого вообще не должно был произойти! Предполагалось, что вы мои гребаные подруги, а вы обращались со мной, как с дерьмом. С меня хватит!

Ярость, тихо тлевшая во мне с той самой ночи, прорывается наружу, и если я не уйду, то еще много всего выскажу.

Поэтому пулей вылетаю из кафе, схватив по дороге ключи и сумочку. Я добилась, чтобы они разрешили мне поехать на собственной машине, в надежде, что смогу сбежать и поехать к Джетту.

— Не шути со мной, — предупреждаю я машину, поворачивая ключ в зажигании, и мотор оживает.

— Вот-вот, так я и думала.

Рванув с места, под аккомпанемент визга колес покидаю парковку и понимаю, что мне некуда ехать. Опять. Мои гребаные тупые подружки снова это сделали. Руки, лежащие на руле, начинают дрожать, и глаза застилают слезы. Сворачиваю на обочину, пока никого не убила, и тянусь за сумочкой, чтобы убедиться, что маленький подарок, приготовленный для Джетта, по-прежнему на месте. Это мелочь, правда, но надеюсь, что для него это будет что-то значить.

Добравшись в конце концов до квартиры Джетта, стучу в дверь, и мне открывает

Хавьер. Прищурившись, он осматривает меня с ног до головы.

— Вернулась, значит.

Боже, как бы он мне сейчас не врезал. Должно быть, Хави замечает ужас, написанный на моем лице, потому что он опускает голову и, клянусь, начинает ржать.

М-м, что? Меньше всего я ожидала такой реакции. Не прекращая смеяться, Хавьер отступает.

— Ты правда думала, что я куплюсь на ваше вчерашнее представление? Заходи давай.

Он распахивает дверь, и я неуверенно проскальзываю мимо него.

— Что? Не понимаю, о чем ты?

Мой голос звучит как-то совсем неубедительно.

— Серьезно, кончай придуливаться, — говорит Хавьер, обняв меня за талию. — Попытка неплохая, но я знаю Джетта, и знаю, что он бы никогда такого не сказал, тем более на людях. Так что зря старалась, детка.

— Где он? — спрашиваю я, игнорируя его тираду.

Хавьер, кажется, наконец-то замечает, что я в отвратительном состоянии, вся в слезах и соплях. Надо было перед уходом из кафе захватить коробку с носовыми платками. Но тогда я об этом как-то не подумала.

— Мне просто надо было куда-то пойти.

Чувствую, что еще чуть-чуть — и слезы снова потекут рекой, но подавляю желание разрыдаться.

— Ну конечно.

Похлопав меня по плечу, Хави проводит меня в гостиную и усаживает на диван. Одно хорошо — я уже его не боюсь.

Никогда не видела Хавьера таким серьезным. ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ он не знает, что сказать. Ха, кто бы мог подумать, что плачущие девушки заставляют Хави терять дар речи?

— Извини. Не беспокойся. Я просто посижу тут, пока не вернется Джетт. Можешь заниматься своими делами.

— К черту дела! — заявляет Хавьер и, метнувшись в ванную, возвращается с коробкой бумажных носовых платков, а затем бросается к холодильнику и достает бутылку виски и стопку.

Наполнив стопку, он протягивает ее мне.

— Вышей, — требует Хави.

Смотрю на него так, словно на голове у парня выросла еще одна конечность. Беру стопку, мои руки по-прежнему немного трясутся. Никогда раньше не пила чистый виски, но сейчас самое подходящее время, так что, откинув голову назад, опорожняю стопку в три глотка.

Само собой, я закашливаюсь. Боже, ощущение, будто я бензина глотнула. Чуть не захлебываюсь, разбрызгивая алкоголь во все стороны, и Хавьер протягивает мне салфетку, чтобы вытереть лицо. Задыхаюсь от надсадного кашля, и он стучит меня по спине.

— Пробирает до самых печенок. Здорово, правда?

Вообще-то не очень. Но когда я наконец обретаю способность дышать, мне действительно становится чуть-чуть лучше. Самую малость. Хави подает мне стакан воды, и я осушаю его до последней капли.

— Хочешь об этом поговорить? Потому что советчик из меня никакой, но выслушать я могу.

Похоже, выбора у меня нет. Я могла бы написать сообщение Амелии, но тогда пришлось бы объяснять ей всю эту ситуацию с Джеттом, а Хавьеру уже все известно.

— Мои подруги — кретинки, — еще раз высморкавшись, начинаю я.

Это довольно-таки емко описывает положение дел. Хавьер наливает еще одну стопку, но на этот раз выпивает ее сам. Он приговаривает виски одним глотком, даже не поперхнувшись.

— Ага, Джетт посвятил меня во все подробности.

Ну, Джетт и сам НЕ В КУРСЕ всех подробностей, но я решаю не возражать.

— Мне просто надоело, что они ведут себя со мной так, словно я достойна лишь жалости. Они должны хотеть со мной дружить, потому что со мной весело тусоваться, потому что у нас много общего и потому что мы заботимся друг о друге. А дружить с кем-то, потому что тебе его жалко... Хуже причины для дружбы не придумаешь. Хуже просто некуда.

Кажется, я начинаю чувствовать опьянение. Лицо покраснелось, и живот немного горит. Мне почти хочется пропустить еще стопочку, но если я выпью еще одну, то уж точно не смогу доехать до дома. Если вообще захочу туда ехать.

— Тогда почему ты до сих пор с ними дружишь? Забей на этих сучек.

Легко сказать, трудно сделать.

— Это не так просто. Кроме них у меня никого нет.

— А как же я? И Джетт?

Хави ничего не спрашивает о моей семье, из чего я делаю вывод, что Джетт, вероятно, поделился с ним моими семейными проблемами.

— Этого мало. Хейзл была моей лучшей подругой, когда рядом со мной не осталось никого. Даже семьи. А она поддержала меня. И остальные тоже. Они всегда были готовы мне помочь.

— И что? Наступает момент, когда «готовности помочь» уже недостаточно. Какой смысл за них держаться, если они будут так плохо к тебе относиться?

Я знаю, что он прав. *Знаю.*

— Ну, я только что на них наорала и даже пару раз послала.

Рассмеявшись, Хавьер наливает мне еще одну стопку. Выпиваю залпом, но все равно закашливаюсь, поперхнувшись.

— Неплохое начало, блондиночка. Мы еще вытащим на свет божий твою внутреннюю сучку. Тебе надо вести себя посамостоятельнее. Не позволяй вытирать об себя ноги.

Хлопнув меня по спине, он выпивает еще виски.

Для человека, утверждавшего, что советчик из него никакой, Хави неплохо справляется.

— А ты не такой уж и придурок, как я думала, — замечаю я, откинувшись на диване.

Мне в самом деле не мешало бы пойти умыться.

— Никому не говори. Пусть это будет нашей маленькой тайной, — подмигивает мне Хави и поднимается, чтобы унести бутылку со стопками на кухню.

— О-о-ох! — стону я, потирая лицо ладонями. Оно все еще липкое от слез.

— О, все не так плохо, как тебе кажется. Ты можешь найти новых подруг. Так уж случилось, что я знаю несколько очень славных юных леди, с которыми ты могла бы подружиться.

— М-м, вроде той девушки в платье, которую мы в тот раз потеряли в баре?

— Виктории? Нет, точно не ее. Она не очень славная.

Это мягко сказано, как по мне. Не то чтобы я в самом деле знала о ней хоть что-нибудь помимо того, что она гуляла с Хавьером и носила то, м-м, платье.

— Джетт должен вот-вот вернуться. Хочешь остаться?

— Думаю, план именно такой. Вещей у меня тут вполне достаточно, так что я могу остаться.

Теперь, когда мы покончили с выпивкой, а я — со слезами, Хавьер выглядит так, словно не знает, что со мной делать. Ухожу умыться, а закончив, понимаю, что пришел Джетт. Он вполголоса разговаривает с Хавьером, и я оставляю воду включенной, чтобы они не поняли, что я их слышу.

В дверь ванной стучат.

— Шен? Ты в порядке?

Поворачиваю кран и открываю дверь. Благодаря выпитому алкоголю мир подернулся приятной смутной дымкой. Все уже не кажется таким ужасным, и я даже начинаю задумываться, с чего мне было так расстраиваться.

— Да, со мной уже все хорошо.

У Джетта убитый вид. Даже его ирокез безвольно и безжизненно висит. Помню, однажды я видела фильм о китах. Там упоминалось, что у тех, которые вырастают в неволе, опускается спинной плавник. Словно их дух сломлен. Так вот, сейчас Джетт похож на тех китов.

Он раскрывает мне объятия, и я обнимаю его в ответ. Принюхавшись, Джетт отклоняется и смотрит на меня.

— Ты пьяна?

— Пока нет. Но еще парочка стопок — и буду. Это все Хави виноват.

Погладив его по голове, направляюсь обратно в гостиную. И врезаюсь в диван.

— О боже! — бросается ко мне Джетт, чтобы поддержать.

— О-ох!

Этот диван меня ненавидит, зуб даю.

— Ну, кажется, это знак, что мне пора сваливать отсюда к чертовой матери, и именно это я прямо сейчас и собираюсь сделать. Звоните, если что-нибудь будет нужно. Увидимся, Мэрил.

Пропускаю мимо ушей его подколку по поводу Мэрил, потому что слишком сосредоточена на Джетте.

— Извини, что я пришла, но мои подруги... — Я по-прежнему до ужаса на них зла, так что даже предложение закончить не могу. — И я не могла допустить, чтобы все закончилось прошлой ночью. Поговори со мной, пожалуйста, — прошу я, доставая из сумочки подарок.

Это журавлик, сделанный из блокнотного листка. Я даже нарисовала у него на крылышках эмблему Бэтмена. Глупо, знаю, но ничего другого мне в голову не пришло.

Протягиваю журавлика, лежащего в ладонях, Джетту. Он опускает на бумажную птичку взгляд и, изменившись в лице, принимает ее у меня.

— Мне очень жаль, Шеннон. Я просто... Ночью на меня что-то нашло, я запаниковал и сбежал. Я все думал, как бы тебе позвонить и все исправить, но не знал, что сказать. Мне очень-очень жаль.

— Так это не конец?

Он по-прежнему не сводит взгляда с журавлика.

— Нет, не конец, — отвечает мой Липовый Парень. — Мы можем закончить через

полторы недели. Что тут сложного? — с коротким смешком добавляет он.

Точно. Что тут сложного?

Глава 17

Теперь, когда Хавьер посвящен в нашу тайну, давление на меня немного уменьшилось. А еще я не возражаю против его присутствия, когда я с Джеттом. Проведя с Хави некоторое время, я поняла, что он ведет себя так не напоказ, а на самом деле такой и есть. И теперь, начав нормально ко мне относиться, он, кажется, стал даже ЕЩЕ БОЛЕЕ открытым. Если это возможно.

— Так Хавьер не купился на ссору?

Мы с Джеттом сидим на диване и доедаем оставшийся после вчерашнего вечера салат. Тортеллини мы уже приговорили.

— Ага, но мне он ничего не сказал, пока я не вернулся после... После того как воспользовался стоп-словом. Но да, он понял, что это была липа. Так что я, м-м, все ему выложил.

— Все?!

Нет, понятно, что у него не было другого выхода, но все-таки. Я не в восторге.

— Слушай, у меня не оставалось выбора. Что я должен был ему говорить?

— Я злюсь не из-за того, что ты сказал Хавьеру. Просто меня бесит, что мы оказались недостаточно убедительными.

— Это не твоя вина. Наверное, нам не стоило затевать ссору в его присутствии. Хави слишком хорошо меня знает. Он сказал, что ни капли нам не поверил. А с Хейзл как прошло?

— Да вроде хорошо. Похоже, она проглотила все, даже не поперхнувшись. Чтобы помочь мне прийти в себя, девчонки потащили меня в спа-салон.

Показываю ему свеженький маникюр, черный в желтую крапинку. Надеюсь, он увидит в этом дань уважения Бэтмену.

— Пока мы развлекались, они умудрились окончательно меня достать. Поэтому я на них наорала и примчалась сюда.

— Мило.

Джетт берет обе мои ладони в свои руки. Одно легкое прикосновение — и мне тут же становится лучше. Ощущение, будто я вдыхаю прохладный свежий воздух, — меня это моментально успокаивает.

Джетт не отпускает мои ладони, и сердце трепещет. Ах, как же мне с ним хорошо. Словно нам суждено быть вместе. Сжимаю его руки, и он отвечает мне тем же.

— Я скучала, — говорю я, опустив взгляд на наши соединенные ладони.

— Я тоже скучал. Знаю, прошло всего несколько часов, но это было ужасно. Так что не могли бы мы просто стереть то сказанное мною слово и сделать вид, что я ничего не говорил?

— И как же ты собираешься стереть эти несколько часов? — спрашиваю я.

Как только слова слетают с языка, до меня доходит, о чем он, должно быть, подумает. Я совсем не это имела в виду. На секунду его глаза расширяются.

— Я не то хотела... — Я замолкаю. — Тебе уже следовало бы понять, что держать язык за зубами и не болтать глупости, похоже, выше моих сил.

Джетт трясет головой, словно хочет прочистить мозги.

— Так далеко я бы не зашел. Но по-моему, нам надо обняться и прекратить спор.

Он отпускает мои ладони и распахивает руки. Бросаюсь ему на шею, и мы валимся на диван, опрокинувшись через подлокотник. Джетт стискивает меня в крепких объятиях, а я его.

Поднимаю голову и вижу его улыбку.

— Я соскучилась, — выпаливаю я.

— И я соскучился.

Само собой, мы только что уже это говорили, но подобное стоит того, чтобы повторить. Джетт чмокает меня в лоб, и я с него слезаю. Осталась неделя, и нам придется со всем покончить.

— И что теперь? — интересуюсь я.

— Иди сюда, принцесса, у тебя выдался тяжелый день.

Он подхватывает меня на руки, относит в свою спальню и укладывает на кровать.

— Давай просто проведем тут остаток ночи, хорошо?

— Конечно, — отвечаю я, откинувшись на подушку.

— Никуда не уходи, — просит мой Липовый Парень, а потом бегом бросается в гостиную и возвращается с альбомом для рисования.

Поворачиваюсь к нему, но Джетт прикрикивает на меня, жестами показывая, чтобы я вернулась на место.

— Ты собираешься меня рисовать?

— Именно. Так что лежи и не шевелись.

Он опирается на комод и пытается найти оптимальное положение. Затем подходит ко мне, убирает прядь волос и немного передвигает сначала руку, а потом ногу. Чувствую себя куском глины. Когда его удовлетворяет то, что он видит, Джетт включает свет и переставляет лампу.

— Господи, ты скоро закончишь?

— Последний штрих.

Он берет одного из журавликов и кладет мне на плечо, словно тот случайно туда приземлился.

— А теперь не шевелись.

— И что будет, если я чихну? Или захочу в туалет?

— Ничего хорошего. Так что терпи.

— Слушаюсь, мистер Важная Шишка, — сердито гляжу я на своего Липового Парня.

— Прекрати, — грозит он в ответ.

Показываю ему язык, но остаюсь лежать на месте. Джетт вздыхает, а потом приступает к работе.

— Знаешь, это так напоминает тот эпизод из «Титаника». Только я одета. И корабль не тонет, и вообще.

Он бросает на меня быстрый взгляд и снова опускает глаза на бумагу.

— Вообще-то корабль затонул после рисования с обнаженной натуры. Так что две эти вещи не очень-то между собой связаны.

— Ты видел «Титаник»? Не много я знаю парней, которые смогли выдержать его до конца.

— Слушай, пока я жил дома, мне запрещали вообще что-либо смотреть, так что,

освободившись, я начал засматриваться ВСЕМ ПОДРЯД. Включая «Титаник».

Я снова фыркаю. Интересно, что еще Джетт видел. Я уже собираюсь спросить его об этом, но он шикает на меня. Сейчас все кажется безумно веселым, и сдерживать хихикание очень тяжело. Дурацкий виски.

— Ты можешь не шевелиться? — в конце концов не выдерживает Джетт, но сам не может сдержать смеха.

Доводить его гораздо веселее, чем лежать и не двигаться. Но постепенно я расслабляюсь и просто наблюдаю за тем, как он работает. Целый день могла бы это делать.

Все вокруг затихает и успокаивается, как вдруг дверь в комнату с грохотом распахивается.

— Твой долбанный телефон разрывается из-за звонков ее чертовых подружек. Ого! Надеюсь, я ничему не мешаю, — увидев, чем мы занимаемся, останавливается Хави.

Ну, ничем таким мы и не занимаемся. Все могло бы быть гораздо хуже.

— Мы как раз собирались изнасиловать друг друга, — заявляю я, как только он разворачивается, чтобы уйти из комнаты. — Хочешь посмотреть? — Виски заставляет меня болтать невесть что.

Хави поднимает руки вверх.

— Не-е-е-ет, спасибо.

Джетт берет у него телефон, и Хави закрывает дверь.

— Ни хрена себе! Не понимаю, откуда твои подруги узнали мой номер, но они ВСЕ звонили мне и прислали несколько сообщений с вопросом, не знаю ли я, где ты.

Он показывает мне экран телефона, и я закатываю глаза.

— Я забыла телефон, когда вылетала из дома.

— Ну и что ты думаешь делать по этому поводу?

Вообще-то мне наплевать.

— Просто напиши им, что со мной все в порядке, но не говори, что ты со мной, иначе они примчатся сюда.

Я по-прежнему не желаю их видеть. И общаться с ними тоже не желаю.

— Ладно. Если ты именно этого хочешь.

Он явно думает, что я должна ему возразить, но они не его подруги. Ну или бывшие подруги. Если только что-то вдруг радикально не изменится, с ними покончено.

— Именно этого я и хочу. А теперь давай ты вернешься к рисованию, — предлагаю я, ложась обратно, пока он отсылает SMS.

Джетт поднимает на меня взгляд, но все же выключает и откладывает телефон.

— Как скажешь, Мона Лиза.

Пока Джетт рисует, я засыпаю и прихожу в себя, только когда он вытаскивает из-под меня одеяла. Я что-то бормочу сквозь сон, но он успокаивает меня и укладывает в постель.

Через несколько часов просыпаюсь со слегка побаливающей головой. Я одна в кровати Джетта. Где его носит, черт подери? Встаю и шарю в своих вещах в поисках чего-нибудь, чтобы можно было переодеть джинсы. Натягиваю широкую футболку и дырявые шорты и ковыляю в гостиную. Джетт лежит на диване в майке и боксерах.

— Пойдем в кровать, — пихаю я его.

Он открывает глаза и, моргая, фокусирует на мне взгляд.

— Теперь нам необязательно это делать, раз Хави в курсе.

— Я не хочу спать в одиночестве и спорить тоже не желаю, так что просто пойдем в постель, придурок.

Хватаю его за руку и тяну. Джетт встает и следует за мной в спальню. Подталкиваю его к кровати, он залезает к стенке, и я забираюсь вслед за ним.

Так гораздо лучше.

Не проходит и минуты, как я снова засыпаю.

Глава 18

— Дай посмотреть! — требую я на следующее утро, после того как мы с Джеттом просыпаемся.

Мне гораздо лучше. Слава богу, головная боль прошла. Нам надо на лекции, но я ни за что сегодня туда не пойду. Ничего не получится. До сегодняшнего дня я НИ РАЗУ не прогуливала. Всегда думала, что те, кто так поступают, плевать хотели на свое образование и не ценят тех денег, которые идут на оплату обучения, но сегодня мне нужен перерыв. Всего один день.

Джетт соглашается с моим планом гораздо легче, чем я предполагала, но отказывается показывать мне рисунок, который сделал вчера ночью.

— Ну покажи! — ною я, опустив голову ему на плечо.

— Он еще не готов. Покажу, когда доделаю.

Он взъерошивает мне волосы, приводя их в еще больший хаос по сравнению с тем беспорядком, который был у меня на голове, когда я проснулась.

— Козел. Ну и что мы тогда сегодня будем делать, если ты не собираешься показывать мне рисунок?

— Есть у меня парочка идей. А ты чего хочешь?

— Надо придумать что-нибудь веселое. Что-нибудь, чем мы обычно не занимаемся. Можем куда-нибудь пойти. Тогда меньше шансов, что мои подружки нарисуются здесь в поисках меня. А еще я собираюсь надеть новую футболку Бэтмена. — В прошлый раз я оставила ее здесь.

— Ты совершенно точно можешь надеть свою футболку, — улыбается Джетт. Помолчав пару секунд, он продолжает: — Ты уверена, что не хочешь с ними встретиться?

— Да, абсолютно уверена.

— Я понимаю, почему ты не хочешь их прощать.

Он начинает приглаживать мои волосы, которые буквально секунду назад привел в полный беспорядок.

— Дело не совсем в прощении. А в том, чтобы они поняли, что не могут так со мной обращаться. Или вообще с кем-либо. Никто не должен чувствовать себя так, как заставляли меня чувствовать они. И в первую очередь я злюсь потому, что вообще позволила этому случиться. Мне давно следовало положить всему этому конец. Но ситуация ухудшалась постепенно, а они были моими подругами. С ума можно сойти, если вдуматься, что сходит с рук людям, которые нам дороги.

Я больше злюсь даже не на них, а на себя. Я никогда не считала себя «тряпкой», но

позволяла подругам вытирать об себя ноги да еще и оправдывала их. Они обращались так со мной, потому что я им позволяла.

Ну, теперь с этим дерьмом покончено.

— Мне кажется, нам надо сделать что-нибудь плохое. Не то чтобы незаконное. Но может, просто слегка нарушить парочку правил, — предлагаю я.

— Ну хорошо. Значит, нарушаем правила. Давай, отправляйся в душ.

— Зачем? От меня что, плохо пахнет?

Наморщив нос, Джетт кивает. У меня мелькает мысль, а не сунуть ли его лицо себе в подмышку, но я все же передумываю.

Выйдя из душа и одевшись в ванной, я уж точно пахну чем-то очень вкусненьким.

Открываю дверь и вижу Джетта, сидящего на диване с двумя пакетами из фаст-фуда.

— Завтрак возьмем с собой. Давай, принцесса, время не ждет.

Не представляю, как он успел одеться, уложить волосы и сбегать за завтраком, пока я была в душе, но у меня ощущение, что к этому каким-то боком может быть причастен Хавьер. Кстати о Хави: его не видно и не слышно.

— Ну давай, пошли, — хватает меня Джетт за руку и тащит на улицу. — Наверное, нам лучше взять твою машину. Я же знаю, что мою ты терпеть не можешь.

— Нет-нет. Сегодня у нас день экстрима, поехали на твоей.

— День экстрима. Мне нравится.

Джетт открывает мне дверцу машины, и я ныряю внутрь. Заглядываю в пакеты с едой. В одном, похоже, круассаны с сосисками, яичницей и сыром и картофельные оладьи, а в другом — два стаканчика кофе.

— Я добавил корицы и мускатного ореха, — с улыбкой добавляет он.

— Спасибо, Липовый Парень.

Достаю один из сэндвичей и протягиваю Джетту. Он тут же засовывает его в рот, после чего заводит машину и выруливает с парковки.

— Ну ладно, — произносит он, откусив и прожевав кусок круассана, пока я чавкаю своим сэндвичем. Он сочный и сказочно вкусный — то, что надо. — У меня куча почерпнутых из фильмов идей для сегодняшнего дня. Так что они не оригинальные, но типа как отпадные.

Вытаскиваю стаканчики с кофе и вставляю в держатели для чашек. Стаканы слегка раскачиваются, и кофе выплескивается на пол. Почти не сомневаюсь, что Джетту все равно. Более того, он давит на газ и ускоряет ход.

— Это первое правило, которое мы нарушаем. Превышение скорости. Ох, черт, копы!

Джетт бьет по тормозам и снижает скорость до допустимой.

— Неплохая попытка, — подкалываю я. Он все еще продолжает поглядывать на полицейский автомобиль в зеркало заднего вида.

Мне, в отличие от Джетта, машину копов не видно, но он продолжает придерживаться ограничения по скорости, даже когда мы выезжаем на шоссе. Я приканчиваю первый сэндвич и берусь за второй, одновременно держа бутерброд Джетта так, чтобы моему Липовому Парню было удобно откусывать по кусочку — у него ведь обе руки заняты.

Мы доедаем завтрак как раз к тому времени, как Джетт сворачивает с шоссе и въезжает в какой-то городок. Хотя он совсем недалеко от колледжа, я тут никогда не была. Джетт едет по главной улице, беспрестанно оглядываясь и бормоча что-то себе под нос.

— Ага! — восклицает он, резко сворачивая на боковую улочку и заезжая на стоянку.

Оглядываю стоящее рядом кирпичное здание. Библиотека. Я по-прежнему не въезжаю, что у него на уме.

— Пошли!

Мой Липовый Парень вылезает из машины, дожидается, пока я тоже выйду, а потом хватает меня за руку и бегом припускает к библиотеке. Мы взлетаем по ступенькам и врываемся внутрь сквозь двойные двери.

— Притормози!

У меня же ноги короткие.

— Не могу, — отвечает он и снова срывается на бег к немалому удивлению женщины, сидящей за столиком у входа.

— Простите! — выкрикиваю я, пока Джетт тащит меня за собой к лестнице.

Мы бегом поднимаемся вверх. Добравшись до балкона, с которого открывается вид на холл, Джетт останавливается. Внутри библиотека очень красивая. Она немного напоминает мне замок в «Красавице и Чудовище»: много дерева и повсюду красные ковры и лампы.

— Что мы здесь делаем?

— Нарушаем правила, — шепчет Джетт. — Ты ведь знаешь, что в библиотеке нельзя кричать?

— Ага, — шепотом отвечаю я.

— Ну, мы собираемся забить на это правило, а потом смыться.

Опускаю взгляд вниз. Еще рано, поэтому в библиотеке немного посетителей: несколько человек у шкафов с книгами да пара-тройка — за компьютерами. Кроме женщины, сидящей у входа, никто не замечает, что мы на них смотрим.

— Готова? — спрашивает мой Липовый Парень. Его глаза сияют от предвкушения.

— А что мы будем кричать?

— Как насчет наших стоп-слов?

Мне очень-очень не хочется орать это в библиотеке, но какого черта? Я слишком зажата. И прекрасно это осознаю. Может, мне просто надо слегка расслабиться.

— Раз, — шепчу я.

— Два, — подхватывает он.

— Три, — хором заканчиваем мы.

— Проницательный!

— Некрофилия!

На меня тут же нападает неудержимое хихиканье, и Джетт, схватив за руку, тянет меня за какие-то стеллажи с книгами.

— Поверить не могу, что мы это сделали, — шепчу я.

До нас доносятся шаги с лестницы, и у меня появляется предчувствие, что нас отсюда вышвырнут. Джетт прикладывает палец к губам, и мы прячемся за стеллажами от женщины, которая сидела при входе, а теперь разыскивает нас, пробираемся в обход нее к лестнице, а потом стремглав сбегает вниз и вылетаем наружу. Несколько человек пялятся на нас, и я машу им рукой, пока мы несемся к машине Джетта, словно только что грабанили библиотеку. Да, знаю, мы ведем себя по-детски, но иногда так здорово впасть в детство.

Забравшись в машину, мы пытаемся отдышаться. Рванув с места в карьер, Джетт под аккомпанемент визга шин вылетает с парковки и возвращается на шоссе. Тут на нас нападает безудержный приступ хохота.

— Джетт, это было так тупо.

— Знаю. Но я решил, что нам стоит начать с глупых поступков и продвигаться дальше к отпадным.

— Отличный план.

У меня живот болит от смеха. Джетт снова давит на газ на пути к следующему пункту назначения.

— Знаю, это твой день, но могу я кое-что предложить?

— Ты же не хочешь вернуться в библиотеку и станцевать на балконе?

— Нет, Джадд Нельсон, я не о том. Я предлагаю пойти в мебельный магазин запрыгнуть на одну из кроватей и вздремнуть. Давай, будет весело.

Его скептический взгляд меня совсем не обнадеживает.

— Ладно, мы это сделаем, но только если будем все снимать на телефон.

В конце концов мы фотографируемся ВЕЗДЕ. Когда спим в кровати в мебельном магазине, когда гоняем на картах, когда расхаживаем с важным видом в глупых шапках, когда идем в книжный магазин и беспорядочно переставляем книжки на полках, когда покупаем билеты в кинотеатр на один фильм, а прокрадываемся на другой. Кроме того, мы проносим с собой на сеанс ланч, куда входят несколько сэндвичей с курицей, картошка фри и две банки с содовой. Я уже давно так не веселилась. Так давно, что даже думать об этом не хочется. А еще мы повсюду оставляем журавликов, и их тоже фотографируем.

Меня не волнуют ни мои подруги, ни их мнение обо мне, ни занятия, ни семья — вообще ничего. Есть только мы с Джеттом. Мы молоды и развлекаемся на всю катушку.

Я понимаю еще кое-что, когда мы сидим в кино и поедаем картошку друг друга.

Он мне небезразличен. Очень. Не уверена, можно ли назвать это любовью, но мои чувства весьма к этому близки. Ну или по крайней мере, они ближе к любви, чем все, что я когда-либо прежде испытывала.

Этот случай как раз из тех, когда нужна лучшая подруга, но я сейчас со своими не разговариваю, так что приходится держать все в себе, пока мы с Джеттом возвращаемся к нему. Мы собираемся остаться у него на ночь, а Хави хочет с нами поужинать. Джетт не вспоминал о моих подругах весь день, но я понимаю, что должна хотя бы сказать им, где я. Будто они не знают.

Джетт помогает мне донести купленные продукты до квартиры, и Хавьер радостно нас приветствует.

— Так-так-так. Великолепная парочка вернулась. Как прошел день?

Он откидывается на спинку дивана и поигрывает бровями.

— Ну, мы ограбили банк, купили наркотики, а потом продали их, после чего украли конфеты у детишек и угнали и взорвали парочку автомобилей. День вышел насыщенным, правда? — оборачиваюсь я к Джетту, но тот только смотрит на меня и не говорит ни слова.

Хави хохочет.

— Ты мне нравишься. Можешь зависнуть тут, когда закончится этот маленький спектакль. Почему бы тебе не рассказать обо всем подругам? Или кто они тебе теперь. Я имею в виду, к чему продолжать этот цирк? Ясно же, что вы двое не хотите Липовых Отношений.

Что? О чем он?

Смотрю на Джетта, но он буравит Хави сердитым взглядом. По-моему, я что-то упускаю. Что-то важное.

— На этом я собираюсь заткнуться, — заявляет Хави.

Он выхватывает у Джетта пакеты с покупками и, громко напевая, направляется в кухню, а я поворачиваюсь к Джетту.

— Не хочешь объяснить?

— Нет, — резко и зло отвечает мой Липовый Парень.

Я всего пару раз прежде слышала этот его тон, но после всех нарушенных нами сегодня правил я настроена по-боевому, поэтому не собираюсь оставлять его в покое.

— О чем он говорит, Джетт? Ответь мне!

Касаюсь его руки, но он отворачивается от меня.

— Просто забудь, Шеннон. Оставь. Все. Как. Есть. Я не могу говорить об этом с тобой.

Он был зол, когда разговор начался, но теперь буквально умоляет. Точно так же, как настойчиво просил не задавать вопросов, когда я расспрашивала его о семье. Он просто не был готов говорить об этом.

— Прекрасно. Найдешь меня, когда созрешь.

Обхожу его и иду в кухню. Веселая часть дня закончена, и теперь я немного раздражена, но это не остановит меня от приготовления самых эпических в мире начос и последующего их истребления.

Так что именно этим я и занимаюсь, а Хави мне помогает. Джетт молчаливо и отстраненно наблюдает за нами. Сейчас до него не достучаться. Хави чувствует висящее в воздухе напряжение, так что ведет себя еще жизнерадостнее, чем обычно.

— Твои подружки снова разрывают мой телефон, — тихо говорит Джетт, показывая мне сообщения.

Они пестрят заглавными буквами и довольно убедительны. Мне по-прежнему не хочется видеть девчонок. Я высказала все, что хотела, и им надо сесть и немного подумать над моими словами. Им что, делать больше нечего, кроме как волноваться обо мне?

Прошу Джетта не обращать внимания на сообщения, что он и делает, выключая телефон. Хватит!

Мы готовим начос просто астрономических размеров. Хот-доги, гамбургер, пепперони, острый соус, перчики халапеньо, оливки, лук, помидоры, свежая кинза и другая зелень, курятина, лобия, грибы и два разных сорта сыра.

— Это какие-то, мать их, безумные начос, — замечает Хави, пока мы наблюдаем за пузырьками плавящегося в духовке сыра.

Пройдет вечность, прежде чем все это приготовится, учитывая, сколько там разной хрени, но мы терпеливы. Ну, по крайней мере я.

— Думаю, я... ненадолго пойду к себе, чтобы не мешать процессу готовки, — говорит Хави, переводя взгляд с меня на Джетта. Сама тактичность.

Как только дверь его спальни закрывается, Хавьер врубает музыку на полную, так, чтобы не было возможности подслушать, даже если бы очень захотелось.

— Что с тобой такое? Я понимаю, ты не желаешь, чтобы я задавала вопросы, но я буду. Если ты не хочешь этого делать, то нам необязательно это делать. Можешь прямо сейчас сказать слово. Покончить с этим. Одним махом.

Джетт облизывает губы и вцепляется в крышку кухонной стойки.

— Я не хочу с этим кончать.

— Ну, у нас все еще остается неделя или около того.

— Нет, я не желаю, чтобы все закончилось через неделю. Я не желаю, чтобы это закончилось... вообще.

Повисшая после этих слов тишина заставляет меня тяжело сглотнуть. Смысл слов Джетта ускользает от меня, пока я пытаюсь осознать, что он только что сказал. Я чуть не прошу его повторить, чтобы убедиться, что все правильно расслышала.

— Пожалуйста, скажи что-нибудь. Я не хотел тебе об этом говорить, но ты загнала меня в угол, Шен.

— погоди, я думаю. Это довольно неожиданно. Я этого не планировала. То есть я знаю, что влюблена в тебя, но не представляла, что ты...

Осекаюсь на полуслове. Ой! Я не собиралась ему об этом сообщать.

— Ты в меня влюблена?

Голос Джетта такой тихий, что я его почти не слышу.

И тут срабатывает дурацкий таймер, и его звонок звучит как выстрел. Мы подсакиваем, словно в нас и правда выстрелили. Я на автомате отодвигаюсь от Джетта, иду к печке, выключаю ее и вытягиваю начос. Слышу, как сзади подходит Джетт. Он опускает руки мне на плечи и дышит мне в волосы...

— Шеннон?

В дверь яростно барабанят.

Глава 19

— Твою ж мать! — вырывается у меня, когда Хави вылетает из своей комнаты.

— Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте.

Он смотрит в дверной глазок, а когда поворачивается ко мне, на нем лица нет.

— Это Хейзл. И остальная банда. Что мне делать?

Джетт пятится подальше от меня, и в моей голове полный сумбур от быстрого поворота событий.

— Мы можем закончить попозже, — говорит Джетт, отступая от меня еще на шаг.

Он снова закрылся, так что даже если я пошлю подруг подальше, сейчас мы с ним ничего не решим.

Хейзл снова барабанит в дверь.

— Ну давай же, Шен. Я же знаю, что ты там. Просто хочу убедиться, что ты в порядке. Я за тебя волнуюсь и скучаю по тебе, и девчонки тоже здесь, и чувствуют себя еще дерьмовее, и они хотят извиниться. Так что скажи Хави, чтобы он нас впустил.

Вздыхаю, но киваю Хави. Наверное, идея дать им немного поразмыслить о том, что они наделали, была дурацкой.

Он медленно открывает дверь.

— Я впускаю вас, потому что меня попросила Шеннон. Если она скажет, что хочет, чтобы вы ушли, то вы уйдете. Ясно?

Хави немного напрягает бицепсы, так, на всякий случай.

— Ты теперь у нее вышибалой заделался? — спрашивает Хейзл, направляясь мимо него напрямик ко мне.

Она пытается меня обнять, но я отступаю. Остальная «банда» плетется за ней с таким видом, словно их на смертную казнь ведут.

— Ты оставила телефон, и я с ума сошла от беспокойства. Я знала, что ты здесь, и тебе нужно какое-то время, но я так больше не могла. Нам надо все обсудить. Терпеть не могу ссориться.

И тут она разражается слезами. Безобразными рыданиями со всхлипываниями и подвываниями. Этого достаточно, чтобы я растаяла и обняла ее. Как и в предыдущий раз. Мне невыносимо видеть ее такой расстроенной.

— Мне очень жаль, что я так с тобой обращалась. Ты права. Я злоупотребляла твоим добрым отношением и давила на тебя, и это было неправильно, теперь-то я понимаю. Я все что угодно сделаю, лишь бы мы снова стали лучшими подругами. Ты делаешь меня лучше. Я была такой сучкой, пока не встретила тебя.

Последняя фраза заставляет меня рассмеяться.

— Я знала, что ты сучка, Хейз. И не ты одна здесь виновата. Мне следовало постоять за себя. Надо было дать вам всем отпор, когда вы заявили, что я должна пойти и найти себе парня. Надо было послать вас всех на фиг.

Хави фыркает.

Хейзл шмыгает носом, и я вытираю ее слезы большими пальцами.

— Мне очень жаль, — снова повторяет она.

— Знаю.

Я снова ее обнимаю и слышу, как кто-то опять шмыгает носом. Теперь плачут все девчонки. Хави по очереди протягивает им салфетки, по мере того как подруги, одна за другой, подходят и обнимают меня, принося свои извинения. Этого я всегда и хотела. Чтобы они обращались со мной по-человечески. Как с подругой. А не с тем, кто нуждается в ОТВРАТИТЕЛЬНОМ совете. Или во вмешательстве в личную жизнь из лучших побуждений. Объясняю все это девчонкам, и они, кажется, меня слышат. По-настоящему слышат.

— Хватит обращаться со мной, как с маленькой. Я не ребенок. Я ваша подруга и взрослый человек. Я люблю вас, но должна сама решать, как жить.

Они соглашаются со мной, и мы все вместе обнимаемся. Хави начинает мне аплодировать, девчонки присоединяются к нему, и я раскланиваюсь. Джетт наблюдает за всем этим, стоя за моей спиной, и я знаю, что он мной гордится, но у нас все еще есть неоконченное дельце.

Это всего лишь один шаг в правильном направлении.

— Ну, раз мы со всем разобрались, кто хочет начос? — интересуется Хави, и мы хором поднимаем руки.

Оглядываюсь через плечо на Джетта, он слегка улыбается мне и подмигивает. Я подмигиваю в ответ.

Нам надо поговорить. Но сначала начос.

— Я собираюсь им открыться, — предупреждаю я Джетта, пока мои подруги жадно поглощают начос, а Хави травит неприличные анекдоты и раздает всем напитки. — Почему бы нам во всем не признаться?

Он молча пожимает плечами.

— И больше тебе нечего сказать?

— Мне все равно, откроешься ты им или нет.

Иногда мне хочется его придушить. Но он мне слишком нравится.

— Ну тогда идем со мной.

Хватаю его за руку, тяну за собой в гостиную и останавливаюсь перед гигантским телевизором Хави.

— У нас для вас объявление.

Бросаю взгляд на Джетта. У него такой вид, словно ему хочется провалиться сквозь землю. Очень жаль.

— Мы с Джеттом не встречаемся. И никогда не встречались. Мы договорились, что просто притворимся, чтобы наши ДРУЗЬЯ перестали нам надоедать с требованиями пойти куда-нибудь и кого-нибудь себе найти. Вот. Теперь вы все знаете. Спасибо за внимание.

Я еще раз раскланиваюсь и пытаюсь утянуть Джетта обратно в кухню, но Хейзл преграждает мне путь.

— Так вы притворялись? Все это время? Зачем?

Остальные девчонки от удивления вообще языки проглотили.

— Потому что иначе ты бы не отставала от меня, таская по барам, а у меня духу не хватало послать тебя куда подальше. Так что вместо того, чтобы спорить с тобой, я втянула этого беднягу в тщательно продуманную схему с правилами и прочим бредом. Понятия не имею, почему он на это пошел.

Хотя мне-то Липовые Отношения с Джеттом очень-очень нравятся.

Поворачиваюсь и вижу, что мой Липовый Парень покраснел, как свекла. Никогда его таким раньше не видела. Черт! Не надо было тащить его с собой. Он этого не просил. Только-только я злилась на подруг за то, что они обращались со мной, как с дерьмом, а теперь сама поступаю с Джеттом точно так же. Хочу извиниться, но тут он что-то бормочет себе под нос. Я подхожу поближе и слышу, как девчонки начинают перешептываться.

— Что ты сказал?

Джетт раздраженно рычит.

— Потому что ты мне нравишься! И мне хотелось быть рядом с тобой! А теперь я, кажется, люблю тебя! — выкрикивает он, и в комнате становится так тихо, что можно услышать, как мышь чихнет.

— Тебе кажется, что ты меня любишь? — спрашиваю я, коснувшись его плеча.

Джетт смотрит мне в глаза и кивает.

— Да.

О! Ух ты! Поверить не могу. Я знаю, что он мне небезразличен, но я и представить не могла, что настолько небезразлична ему. Всматриваюсь в этого парня с татуировками драконов, ирокезом и бумажными журавликами. Он так мне дорог, что сил моих нет. Джеттом полны мои мысли и сердце, и я знаю, что здесь и сейчас все это по-настоящему.

— Ну, я, кажется, тоже тебя люблю.

Осознание этого приходило медленно, день за днем, мгновение за мгновением. С каждым сделанным для меня бумажным журавликом я капельку влюблялась. С каждой проведенной вместе ночью я чуточку приближалась к пониманию своих чувств.

И вот она я теперь. ПО-НАСТОЯЩЕМУ влюблена в своего Липового Парня.

— Чего ты, мать твою, ждешь? Поцелуй девушку! — орет Хави, и я замираю, неотрывно глядя в приближающиеся глаза Джетта. Он наклоняется и целует меня.

Наш поцелуй нежен и сладок. Джетт вкладывает в него свои чувства, и теперь все даже лучше, чем прежде. Поднимаюсь на цыпочки, обнимаю его, а он обнимает меня в ответ. Именно таким и должен быть поцелуй. Фейерверки, конфетти и одобрительные выкрики. Последними нас подбадривают мои подруги и Хави.

Наконец мы отрываемся друг от друга.

— Так что, значит, теперь ты будешь моим Настоящим Парнем?

— Да, думаю, да, Настоящая Девушка.

И мы снова целуемся, чтобы скрепить сделку.

Глава 20

— Мне надо кое-что тебе рассказать, чтобы ты уж точно узнала все, — говорит Джетт вечером, когда мы собираемся ложиться.

Хави ушел, чтобы мы остались наедине, и я до смерти напугана.

Это первая ночь, которую мы проведем без границ, установленных Правилами. Я выбросила список сразу же после ухода девчонок. Они заставили меня зачитать правила вслух, когда я рассказывала обо всех глупостях, которые вытворяли мы с Джеттом, чтобы убедить всех, что мы в Липовых Отношениях. Теперь есть только мы, и между нами никаких преград. Кроме того факта, что я девственница. Но мы ТОЛЬКО ЧТО признались в чувствах друг другу, и нашим Настоящим Отношениям несколько часов от роду. И мне кажется, нам в самом деле не стоит делать их совсем настоящими прямо сейчас. Правда же?

Кроме того, Джетт явно хочет чем-то со мной поделиться, так что я усаживаюсь на его кровать и уделяю ему все свое внимание. Пока мы не обсуждаем мою девственность, я в порядке.

— Ладно, давай.

Джетт открывает рот, но потом передумывает.

— Нет, ничего. Ничего такого, о чем надо говорить прямо сейчас. Ложимся?

Я киваю, он забирается в кровать, я тоже, но на этот раз лицом к нему. Между нашими головами не больше дюйма.

— Получается, теперь мы можем целоваться, когда захотим, — замечаю я.

— Да мы и так это делали. По большому счету, у нас не очень получалось придерживаться Правил. Ты частенько позволяла мне оставаться безнаказанным.

Джетт широко улыбается, и я улыбаюсь в ответ.

Это правда. Ему все сходило с рук, что бы он ни творил.

— М-да, как-то фигово у нас получалось. Как думаешь, мы справимся с Настоящими Отношениями?

— Не знаю, но мне кажется, нам надо практиковаться.

— По-моему, ты прав.

Чуть-чуть наклоняю голову, и наши губы встречаются, а потом раскрываются, и языки начинают порхать туда-сюда в танце страсти, принимая и даря наслаждение. Это у нас всегда хорошо получалось. Джетт точно знает, как мне нравится, и он всегда такой вкусный. Наши тела сливаются в единое целое, и вот уже я лежу на спине, а Джетт — на мне. Поцелуи становятся более пылкими, и мне хочется большего.

И Джетту тоже.

Опускаю руки с затылка к низу его футболки, и он отрывается от меня, чтобы я смогла ее стащить. Получается с первой попытки! Неплохо для девственницы. Может, он не заметит?

Как только с футболкой покончено, его губы возвращаются к моим, и страсть нарастает, и мне безумно хочется ЧЕГО-ТО. ЧЕГО-НИБУДЬ. Хочется так сильно, что, кажется, эт

меня убьет. А затем поцелуй прекращается.

— Я девственник, — выпаливает Джетт. — У меня никогда не было секса, так как мои родители никогда ничего об этом не говорили, не считая того, что я их опозорю, если сделаю это. А потом я не мог найти подходящую девушку, и мне казалось, что им ни к чему неуклюжий девственник. Так что я пойму, если ты не... захочешь ничего делать. Я пойму.

Если бы Джетт признался, что он серийный убийца, я и то была бы меньше поражена. Но как только правда выходит наружу, СТОЛЬКО ВСЕГО обретает смысл. И я начинаю хохотать. Вероятно, не лучший вариант ответа, но я не могу удержаться.

Даже в темноте мне видны боль и замешательство на его лице. Качаю головой и пытаюсь придушить смех.

— Как... Как и я!

У меня начинается новый приступ хохота.

— Ты девственница?

— Да.

Тут он заходится в хохоте вместе со мной. Мы долго не можем остановиться, пока оба не начинаем задыхаться и на глазах у нас не выступают слезы.

— Мы оба девственники. Какова вероятность? — спрашиваю я.

— Хрен его знает.

Джетт опустился на свою половину кровати, когда начал смеяться, поскольку уже не мог опираться на руки, и теперь мы снова лежим лицом к лицу.

— И что же делать двум девственникам, которые только что начали встречаться по-настоящему и остались одни в квартире?

Я-то понимаю, чего хочу, но не желаю давить на него, если он не готов.

— Ну, я знаю, чем бы я хотел заняться. Мне бы хотелось увидеть тебя обнаженной. Я столько думал и мечтал об этом, и хочу, чтобы это произошло. А затем я собираюсь рассмотреть тебя при включенном свете. Каждый изгиб. А потом я планирую этими изгибами насладиться, и когда ты получишь максимум удовольствия, я хочу быть с тобой. Если ты хочешь быть со мной. А после мне не терпится нарисовать тебя, чтобы свет освещал твоё обнажённое тело.

Ну, если он собирался попросить меня подарить ему девственность, он отлично справился. Она — его. Он может ее забрать. И он хочет, чтобы я забрала девственность у него.

— Ты же понимаешь, что первый раз будет совсем не такой?

— Знаю, но, может, он окажется таким для нас? Пока что мы нарушали все правила отношений.

— Так ты имеешь в виду, что хочешь попробовать? Прямо сейчас?

— По-моему, сейчас момент ничем не хуже других.

— А презервативы у тебя есть?

— Хави всегда заботится, чтобы я был хорошо вооружен.

Джетт тянется через меня к прикроватной тумбочке и, вытащив один из них, поднимает вверх. Вид маленького сверкающего пакетика заставляет меня прочувствовать все еще реальнее. Чего же мне больше хочется? Остаться прежней, прятаться за возведенными стенами? Или впустить его в каждую свою клеточку?

— Давай сделаем это.

— Ты уверена?

Киваю. Я уверена. Это самое необдуманное решение в моей жизни, но я пребываю в эйфории от того, что сегодня призналась ему в любви, так что мне плевать. Необдуманные решения вроде как потрясающие.

— Тогда можно я включу свет?

Снова киваю. Джетт перелазит через меня и включает верхний свет и настольные лампы. Глаза у меня уже привыкли к темноте, так что я несколько раз моргаю. Джетт стоит у кровати, и его намерения откровенны и недвусмысленны. Очень-очень недвусмысленны.

Может, я и много знаю о сексе в теории, но заниматься им совсем другое дело. Что ж, пора начинать.

Встаю перед Джеттом и целую его. Он притягивает меня к себе, его ладони скользят по моей спине. Это нам знакомо. Это мы проходили. Джетт тянет за низ мою футболку, и я поднимаю руки над головой, чтобы он мог ее снять. На мне по-прежнему бюстгальтер. Посмотрев на меня, Джетт с шумом выдыхает.

О боже. Мы с ним собираемся заняться сексом. Я увижу его голым, он увидит голой меня, и он вставит в меня свой пенис. Пенис. Член. Достоинство. Пенис. И так же быстро как я приняла решение, у меня возникает желание его изменить. Необдуманные решения не для меня. Я ошиблась. Потому что я долго размышляю ВСЕГДА И ОБО ВСЕМ.

— Красный свет.

Джетт замирает, словно я дала ему пощечину, и убирает руки.

— Что случилось?

— У меня паника. Я... По-моему, я к этому не готова. Знаю, секунду назад я говорила что готова, но не думаю, что это так на самом деле. Мы можем просто поставить все на паузу?

Джетт сжимает мое лицо в ладонях с невыразимой нежностью, будто боится, что я собираюсь сбежать.

— Мы сделаем так, как ты хочешь, принцесса. Никакого давления. Именно это, в первую очередь, и привело нас сюда.

Он наклоняется, подбирает с пола мою футболку и подает ее мне, а потом натягивает свою.

— Хочешь, просто ляжем спать? — предлагает он, как только мы одеваемся.

То, что я остановила Джетта и решила, что пока не совсем готова с ним переспать, вовсе не означает, что я вдруг перестала его хотеть. На самом деле мой нижний этаж сейчас просто-таки орет на меня. Не знаю, есть у него лицо или нет, но он точно дает о себе знать. Заснуть сейчас вряд ли удастся, и это притом, что стояк-то не у меня.

— Думаешь, получится?

Я стреляю глазами вниз, на его боксеры. Он тоже опускает глаза.

— М-да, есть небольшая проблемка.

У меня в этой области никакого опыта. Не представляю, может ли он себя контролировать, и не нужно ли ему разобраться с этой «проблемкой».

Джетт морщится и закрывает глаза. Я помалкиваю. Ощущение, будто парень мысленно уговаривает его поникнуть. Это занимает несколько минут, но вдруг, как по мановению волшебной палочки, тот начинает опускаться. Джетт делает глубокий вдох и открывает глаза.

— Черт. Мне даже смотреть на тебя тяжело — так ты меня заводишь. Но думаю, я справлюсь.

Он залезает в кровать и ложится на спину.

Выключаю свет и осторожно ложусь рядышком, тоже перекатившись на спину.

— Ты как? — спрашиваю я.

— Хорошо. У нас все в порядке, — показывает он мне большой палец.

Подставляю ему ладонь, и он хлопает по ней.

— Мне очень жаль по поводу секса.

— Если честно, я даже немного рад, что ты меня остановила. Не одна ты паникуешь.

Нам не следует торопиться. Мы ведь и так столько ждали, правда?

Поворачиваюсь к нему лицом.

— Правда.

Мы определенно приняли верное решение.

— Спокойной ночи, Настоящий Парень, — говорю я и дарю ему быстрый поцелуй.

— Спокойной ночи, Настоящая Девушка.

На следующий день мы с Джеттом сексом не занимаемся. И на следующий тоже.

Проходит целая неделя наших Настоящих Отношений, а затем еще одна.

Но мы о нем разговариваем. Почти каждую ночь. Никогда двое столько не говорили о сексе, при этом на самом деле им не занимаясь. Мы приходим к единому мнению, что если зайдем дальше поцелуев, то нас занесет, так что границы довольно четкие.

Хотя в этот раз правил мы не пишем. Это скорее... соглашение, и рамки у него более гибкие.

Я обожаю бывать с Джеттом. Каждая секунда, проведенная с ним, вызывает у меня желание взорваться от счастья. Иногда счастья так много, что даже трудно его выдержать. Каждый день Джетт делает для меня журавлика. У меня их столько, что в комнате места уже не хватает, так что теперь они расставлены по всей квартире. Джетт частенько пишет на крыльях какие-то милые пустячки, а я возле каждого проставляю дату.

Он наконец-то показывает мой портрет наряду с несколькими другими, о которых я даже не знала. Когда я смотрю на картины, становится очевидно, что Джетт любил меня, когда их рисовал. Вероятно, именно поэтому он и не хотел, чтобы я их видела. Портреты занимают свое место на стене возле его кровати, чтобы при пробуждении он мог видеть меня на портрете и меня настоящую. Наблюдать вот так собственное лицо слегка напрягает, но Джетт настолько талантлив, что я не сильно возражаю.

А еще я на пути к восстановлению дружеских отношений с девчонками. Мы много разговариваем, и в этой сфере я тоже чувствую себя гораздо счастливее. Мы с Хейзл миримся, и она даже бросает курить. Ну или по крайней мере пытается.

До экзаменов рукой подать, и я жутко переживаю по поводу занятий, но впервые в жизни у меня есть человек, который может сказать, чтобы я уже, к чертовой матери, успокоилась, и что у меня все будет отлично.

Джетт просто удивительный, и мне хочется что-нибудь для него сделать. Так что однажды ночью, когда мы уже лежим в кровати и закончили обязательный разговор о сексе, я завожу об этом речь.

— Мне тут пришло в голову, почему бы нам не поехать куда-нибудь на выходных?

— Куда?

В самом деле не представляю, как он это воспримет, так что, вдохнув побольше воздуха, продолжаю:

— Я подумывала, не съездить ли нам к тебе домой и, может, встретиться с твоей сестрой? Если ты к этому готов.

Джетт смотрит на меня, и я никак не могу понять выражение его лица. Он злится? Или в шоке?

— Мы возьмем мою машину и можем просто прокатиться мимо. Просто чтобы ты ее увидел. А можем вообще не ехать. Просто я же знаю, как ты ее любишь и как беспокоишься о ней, и как хочешь убедиться, что с ней все в порядке.

Он не сводит с меня взгляда, а потом наклоняется и целует меня.

— Я люблю тебя.

Ладно, значит, он не злится. Хорошо.

— Я тоже тебя люблю. Так что, мы это сделаем?

— Ага. Сделаем.

Глава 21

— Ты боишься? Мы можем вернуться, — предлагаю я, сворачивая на дорогу к дому Джетта.

Его семья живет в одном из тех районов, где все лужайки безупречно-зеленые, а все здания выглядят так, словно сошли с обложки журнала. Полная противоположность тому месту, где выросла я.

— Нет, просто поезжай.

Джетт говорит отрывисто, и я знаю, что он с ума сходит от страха, так как не переставая похрустывает костяшками пальцев.

Взяв на себя роль лидера, я продолжаю жать на газ. Его дом под номером девятнадцать. Миную несколько зданий в начале улицы, притормаживая по мере приближения.

— Они дома, — указывает Джетт на две машины на подъездной дорожке.

Он прерывисто вздыхает, когда я как можно медленнее проезжаю мимо дома его родителей. Они, наверное, думают, что я присматриваю местечко для возможного ограбления. Вот почему я предложила взять мою машину.

Дом остается позади, как вдруг открывается входная дверь, и кто-то выбегает во двор.

— Тормози, тормози! — кричит Джетт и выскакивает из машины, как только я останавливаюсь.

Осознав, что именно происходит, я понимаю причину его бурной реакции.

Он распахивает руки, и более взрослая версия девочки с портретов, висящих у него на стене, смеясь и визжа от радости, влетает к нему в объятия. Ривер. Они долго обнимаются, и ее губы шевелятся без остановки. Я обращаю внимание на длинную до щиколоток юбку и гладкие волосы, полностью закрывающие спину.

Наконец Джетт опускает сестру на землю, и я вижу слезы на лицах обоих. Он сует что-то ей в руку и оглядывается на вновь открывшуюся дверь дома. Да, пора уезжать. Джетт бегом возвращается к машине.

— Поехали, поехали!

Я срываюсь с места под визг тормозов. Девушка, помахав нам, мчится обратно к дому.

Краем глаза успеваю увидеть вышедшую на крыльцо маму Джетта, но в этот момент я поворачиваю, и дом скрывается за углом. Мы продолжаем ехать еще несколько минут. Джетт все время молчит.

Сворачиваю на проселочную дорогу и не останавливаюсь, пока не стихает шум шоссе.

— Так это была твоя сестра?

Понятное дело, Шеннон!

— Да.

Джетт, похоже, еще не отдышался.

— С ней все хорошо?

— Ага. Она скучает по мне и даже пыталась сбежать, чтобы увидеться со мной. Я дал ей свой номер и адрес, чтобы она смогла приехать ко мне, если захочет. Поверить не могу, как она изменилась.

По щекам Джетта текут слезы, и я, наклонившись, обнимаю его. Автомобиль — не самое удобное место для объятий, но я все равно это делаю.

Он плачет, и я плачу вместе с ним. Мы долго сидим в машине. Потом Джетт поворачивает голову и целует меня. У его пылких поцелуев привкус слез. Они полны тоски, и гнева, и боли, и надежды. Прежде чем я успеваю что-то осознать, он перетягивает меня к себе на колени, и моя одежда начинает исчезать.

— Сейчас? — спрашивает он, прожигая меня взглядом своих разноцветных глаз.

— Сейчас.

На переднем сидении нам этого ни за что не сделать, так что мы перебираемся назад. Вскоре на мне остаются только бюстгальтер и трусики, а на нем одни боксеры, и я начинаю сомневаться, такая ли уж это хорошая идея. Учитывая, что сейчас середина дня, и дорога совсем недалеко.

Но мне плевать. Я чувствую, что это правильно, и знаю, что Джетт чувствует то же самое.

Ну, все правильно, пока он не делает попытку расстегнуть мой бюстик. Не хочу ничего говорить, но ощущение, что у него не очень-то получается. Надо было дать ему парочку уроков. Джетт издает досадливый стон прямо возле моего рта. Тянусь назад и делаю все сама.

— Спасибо, — говорит Джетт, прокладывая поцелуями дорожку вниз вдоль шеи.

— Всегда пожалуйста.

И вот я остаюсь без бюстгальтера, и Джетт впервые видит меня полуобнаженной с той ночи, как мы официально стали парой.

— Мне почти хочется тебе заплодировать, — вырывается у него.

Его ладони, едва касаясь, скользят по моей коже. Боже! Это та-а-ак приятно. Я могу испытать оргазм от одних этих прикосновений.

Джетт нерешительно щипает мои соски, и я не могу сдержать вырывающийся из горла стон.

— Тебе нравится?

— Можно и так сказать.

— А хочешь, я их поцелую?

Что это вообще за вопрос?

— Да-а-а-а, — вырывается у меня, когда он накрывает губами один сосок и втягивает его в рот.

Ни фига себе! Так я от этого отказывалась? Джетт зажимает второй сосок между пальцами и покручивает его туда-сюда. Не знаю, где он этому научился, но я, черт возьми, счастлива.

Джетт уделяет моим соскам кучу времени, и к тому моменту, как он с ними закружится, я готова кончить, даже если Джетт просто на меня подует.

— Ну как, нормально? — так умильно спрашивает он, что мне хочется смеяться.

— Отличная работа! — хлопаю я его по плечу.

— То есть ты не против, если я продолжу?

— Черт, да!

Он улыбается и начинает целовать меня все ниже и ниже, пока не добирается до резинки трусиков. Момент истины. Не знаю, готова ли я к тому, чтобы его лицо оказалось там, внизу, но когда он поднимает на меня свой взгляд, одновременно стягивая трусики вниз, я смотрю в его потемневшие глаза и вижу, что он меня хочет. Что ж, я, черт бы меня побрал, тоже его хочу.

Приподнимаю бедра, чтобы ему помочь, и через секунду остаюсь без белья. Ну-у-у, вот она я.

Подавляю желание прикрыться. Джетт медленно вдыхает и смотрит на меня.

— Да, я обязательно нарисую тебя такой.

Чувствую, что краснею, когда он опускает голову и целует меня прямо под пупком. Я знаю, какой вопрос у него на уме, поэтому собираюсь с духом и отвечаю, прежде чем он спросит.

— Да, я этого хочу.

Посылаю небесам короткую молитву, чтобы у меня не оказался плохой вкус.

И тут губы Джетта касаются меня там раз, второй, третий. И этого оказывается достаточно, чтобы напряжение, копившееся внутри, вырвалось наружу. Я выкрикиваю его имя и выгибаюсь навстречу его рту. Кажется, он немного удивлен, но, уверена, он в курсе, что такое женский оргазм. Как только волна наслаждения спадает, его губы снова возвращаются обратно. Он лижет и посасывает мой клитор, на этот раз действуя гораздо увереннее, снова подводит меня к грани и отправляет в полет. Никогда раньше не кончала так быстро, так мощно да еще и два раза подряд. Господи!

Джетт поднимает на меня взгляд.

— Ты в порядке?

— Я чувствую себя охренительно прекрасно.

Похоже, прекратить поток ругательств не моих силах. Такое ощущение, что этого требует сама ситуация.

— Я невкусная?

Не могу удержаться, чтобы не спросить. Мне надо это знать.

— Нет, ты сладкая на вкус. Я так и знал, что ты такой окажешься. Но я, э-э, скоро не выдержу, так что мне кажется, нам надо...

— Продолжить, — заканчиваю я за него.

Что ж, до сих пор он прекрасно справлялся, но следующая часть, вероятно, окажется для меня не такой приятной.

— Пожалуйста, скажи мне, если я сделаю тебе больно, и я остановлюсь.

Не хотелось бы его расстраивать, но больно будет обязательно. Будет просто ужасно. Но так уж устроен мир, и уж лучше я испытаю нечто ужасное с ним, чем с кем-то другим.

— Я готова, — отвечаю я, и он тянется к джинсам за презервативом.

— Хави постоянно засовывает мне их в карманы.

Чертов Хави.

Я стягиваю с Джетта его боксеры и наконец-то получаю возможность рассмотреть Джетта Нгуена во всей красе. Так, ладно, его аппарат выглядит гораздо больше, чем я себе представляла. Может, мне просто видно его не под тем углом, но я понятия не имею, как эта штука во мне поместится, и чувствую нарастающую волну паники.

— Шеннон, — решительно говорит Джетт, — нам необязательно это делать.

Если только не произойдет чего-нибудь ужасного, член моего парня не изменится, а мне раньше или позже придется впустить в себя чей-нибудь пенис. Я хочу его.

— Я люблю тебя, — отвечаю я, пробегая пальцами по его груди, и тянусь к его члену.

— Не трогай. Я не выдержу, если ты ко мне прикоснешься.

Я отдергиваю руки и жду, пока он надевает презерватив. На это уходит немало времени. Эти хреновины такие мудреные. Мне слышно, как Джетт вполголоса чертыхается, раскатывая резинку по всей длине.

И вот он ложится на меня и перемещается, чтобы оказаться в нужной позиции.

— Готова?

— Насколько возможно. Я люблю тебя. Очень-очень.

— Я тоже тебя люблю.

С этими словами Джетт надавливает, и я чувствую, как он входит в меня. Поначалу я ощущаю лишь легкий дискомфорт. А затем становится хуже. И еще хуже. Пока меня не пронзает дикая боль.

— Если хочешь, я остановлюсь, — напряженно предлагает Джетт, и я понимаю, что ему приходится нелегко.

— Я в порядке.

На самом деле я НЕ в порядке. Джетт продолжает надавливать, я чувствую, как что-то внутри меня рвется — и вот он уже целиком внутри. На мгновение мне кажется, что боль не такая уж и сильная, но через секунду появляется ощущение, будто меня разорвали на части. Я не могу сдержать стона. Джетт замирает.

— Дай мне одну секундочку, — прошу я, стараясь не заплакать.

Не могу я расплакаться. Я скоро почувствую себя лучше.

Джетт пытается не шевелиться. От напряжения у него дрожат руки. С каждым мигмом ослепительная боль потихоньку рассеивается, и я начинаю ощущать, как мое тело пытается приспособиться к нему. В конце концов, это биологическая потребность. Мое тело так устроено, чтобы вмещать в себя пенис.

— Ладно, мне уже лучше, — говорю я, и он начинает выходить из меня.

— О боже! Ты просто потрясающая, и мне очень жаль делать тебе больно, но мне так хорошо, принцесса.

Что ж, очень лестно. Я улыбаюсь, и наши губы снова встречаются, в то время как Джетт почти полностью выходит и снова погружается обратно. Боль по-прежнему адская, но все не так плохо, как в первый раз. И все же не могу удержаться, чтобы не поморщиться.

Он вонзается в меня третий раз, я чувствую что-то непонятное, и вдруг Джетт замирает, выкрикивает мое имя, а потом тяжело опускается на меня.

Так, стоп! Это что, все?

Джетт тяжело дышит, уткнувшись лбом мне в плечо. Не хочу ничего сказать, но я не

думала, что все закончится так... быстро.

— Прости. Я больше не мог сдерживаться, — не глядя на меня, говорит Джетт.

Поднимаю пальцем его подбородок, заставляя его поднять на меня глаза.

— Все в порядке. Нам просто надо попробовать еще разок. С первого раза никогда ничего не получается. Но я люблю тебя и не жалею об этом.

Джетт дарит мне поцелуй и выходит из меня. Мне совсем не хочется смотреть вниз. Я почти не сомневаюсь, что у меня идет кровь. Хорошо, что в машине кожаное сидение, и его легко отчистить.

— Я люблю тебя. Ты моя первая и единственная.

— И последняя, — добавляю я.

Джетт откидывает назад мои волосы и пристально смотрит на меня с таким видом, словно я для него целый мир.

— И единственная.

Эпилог

Когда мы занимаемся сексом во второй раз, получается просто крышесносно. В третий раз? Еще лучше. Это так здорово, что мы решаем вообще не выходить из спальни и провести остаток жизни, занимаясь любовью. Я обучаю Джетта парочке вещей о женском теле, и он схватывает все буквально на лету, как настоящий профи. Вот та его способность складывать оригами, должна вам сказать, может трансформироваться в кое-какие другие способности. Он тоже рассказывает несколько моментов о пенисе, которых я никогда не знала, и я показываю себя выдающейся ученицей.

В первый раз сестра звонит Джетту через неделю после нашего визита, и хотя их разговор длится всего несколько минут, это делает его абсолютно счастливым. Еще один абсолютно счастливый человек — это Хейзл. Она в восторге от того, что мы с Джеттом «решились», как она это называет, и фонтанирует сексуальными намеками. Большинство из которых я игнорирую. И все же. Она хороший человек.

Чтобы отпраздновать окончание сессии (и конец учебного года), мы все вместе снова отправляемся в боулинг, но на этот раз мы с Джеттом пара, а Джордин одна, без парня. Хави приводит Марти и Ская, и те весь вечер пытаются залезть ей в штаны, но она, кажется, собирается некоторое время побыть одна. Я целиком и полностью поддерживаю это ее решение.

Хави решает не пить, вместо этого почти весь вечер подшучивая надо мной с Джеттом и дразня Хейзл, которая определенно не имеет ничего против. Между ними явно что-то есть — только слепой этого не увидит. Однако Хави заметно колеблется. Словно думает, что она для него слишком хороша. Интересненько. Спрашиваю об этом Джетта, но, очевидно, у мужской дружбы тоже есть свой кодекс чести, и он ничего мне не рассказывает.

Наконец подходит моя очередь, и я выбиваю свой первый страйк. Вздыхаю руки вверх в победном жесте, и вдруг рядом оказывается Джетт, тоже радостно потрясающий руками. Он подхватывает меня и начинает кружить, словно я выиграла Олимпийские игры. Все хлопают, а я не переставая хохочу. Джетт не останавливается, пока у меня не начинается кружиться голова, а я все смеюсь и смеюсь, отчего у меня перехватывает дыхание. Тогда он ставит меня на пол и целует так, что у меня подкашиваются колени, и я не смогла бы устоять на ногах, даже если бы очень захотела.

Мы собираемся провести лето вместе, делая бумажных журавликов, занимаясь любовью и готовя начос. Все будет просто идеально. И ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Ford Crown Victoria (рус. «Форд краун виктория», «Краун-Вика») — американский шестиместный полноразмерный заднеприводный седан с рамным шасси, выпускавшийся с 1991 по 2011 годы в Канаде.

[

←2

]

Реджина Джордж — одна из главных героинь «Дрянных девчонок».

[

←3

]

Закусочное блюдо мексиканской кухни; хрустящие кукурузные чипсы, запеченные с сыром и перечным соусом. Подается со сметаной, овощами, оливками (возможны вариации) и соусом гуакамоле (авокадо с чесноком).

[

←4

]

Популярная в США шутка, намекающая, что девушка сказала что-то пошлое.

[

←5

]

«Leaving on a Jett plane» — созвучно названию песни «Leaving on a jet plane» («Улетаю на реактивном самолете»).

[

←6

]

«Однажды мой принц придет» — песня Белоснежки из мультфильма Уолта Диснея «Белоснежка и семь гномов» 1937 года.

[

←7

]

Имеется в виду полное совершеннолетие, наступающее в двадцать один год. Покупать алкоголь до достижения этого возраста во многих штатах США запрещено.

[

←8

]

Билл Косби — американский актер, режиссер, продюсер, сценарист, музыкант и

политический активист.

[

←9

]

Еще одна перефразированная цитата из «Дрянных девчонок».

[

←10

]

Остроконечные кондиломы — венерическое заболевание.

[

←11

]

Канноли — традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку, наполненную начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов (чаще со вкусом ванили или шоколада), вина марсалы или розовой воды.